

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌԻ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՅԱ. Ռ. ԴԱՇԿԵՎԻԶ

ՈՒԿՐԱԽՆԱՅԻ ՀԱՅ ԳԱՂՈՒԹՆԵՐԸ
XV—XIX ԴԱՐԵՐԻ ԱՂԲՅՈՒՐՆԵՐՈՒՄ
ԵՎ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ

(ՊԱՏՄԱԳԻՏԱԿԱՆ ԱԿՆԱՐԿ)

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌԻ ԴԱ ՀՐԱՏՍՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1962

9(47.925)
Д-12
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Я. Р. ДАШКЕВИЧ

50238
485156
АРМЯНСКИЕ КОЛОНИИ НА УКРАИНЕ
В ИСТОЧНИКАХ И ЛИТЕРАТУРЕ
XV—XIX ВЕКОВ

(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

305
9(47.71)
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1962

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Армянской ССР*

Настоящая работа представляет собой источниковедческо-историографическое исследование, посвященное истории армянских колоний на Украине в XV—XIX вв.

В работе рассматривается целый ряд сочинений различных авторов, написанных на армянском, украинском, польском, русском, немецком, французском и других языках. Значительное внимание уделено рассмотрению вопроса о местной армянской историографии на Украине, возникшей и развивавшейся в течение XVI—XIX вв.

В процессе работы над исследованием автору удалось выявить ряд старопечатных изданий и рукописных текстов, которые до сих пор не привлекались историками при исследовании прошлого армянских колоний на Украине.

*Ответственный редактор
академик АН Армянской ССР
А. Г. ИОАННИСЯН*

4710

Прошлое армянских колоний на Украине — это не только отдельная страница истории украинских городов в период феодализма, но вместе с тем это большой раздел в истории самого армянского народа. Многовековые дружественные отношения между армянским и украинским народами, которые находили свое отражение в различных сторонах жизни армян на Украине, являются одновременно самостоятельной проблемой истории армянского народа.

Изучение прошлого армянских колоний на Украине — яркий пример тесного переплетения историко-географической проблематики двух дружественных народов, который нашел свое выражение в поистине огромной исторической литературе, созданной исследователями многих стран и народов, в первую очередь историками Армении и Украины.

При большом количестве исследований, посвя-

щенных различным вопросам экономической, культурной, религиозной жизни армянских колоний на Украине, поражает отсутствие работ историографического и источниковедческого характера. Как это ни странно, до сих пор не проводилась работа над составлением научного введения к истории армянских колоний на Украине — введения, в котором давалась бы характеристика основных источников и исследований и которое явилось бы путеводителем среди большого количества исторических работ, посвященных данному вопросу. К тому же, для огромного большинства этих работ характерным является отсутствие широких исторических обобщений. Собранный историками большой фактический материал еще не явился основой для целостной, синтетической работы, посвященной истории дружественных отношений между украинским и армянским народами.

Буржуазная историография почти полностью замалчивала экономическую и национальную дискриминацию армян в феодальной Польше. Насильственное введение унии среди армян в XVII веке, которое, в конечном счете, явилось одной из причин культурной ассимиляции армян и исчезновения армянских колоний на Украине, буржуазная историография объявила «величайшим благом». Дружественные отношения между украинским и армянским народами, общность их интересов в борьбе против национального и религиозного гнета просто замалчивались.

В связи с активизацией исследовательской работы, наблюдаемой в последнее время среди укра-

ниских и армянских историков¹, возникла необходимость подвести итоги тому, что было ранее сделано в области исследования истории армянских колоний на Украине, и дать критическое обозрение сохранившихся источников и существующей большой исторической литературы.

Сложность историографического исследования заключается в том, что вопросы исторического прошлого армянских колоний на Украине поднимались разрозненно в различных, друг от друга оторванных научных центрах (в Армении, отдельно на Восточной и отдельно на Западной Украине, в Польше, Румынии, Австрии и в других местах). В досоветский период² о какой-нибудь систематической, координированной работе не могло быть и речи. Исторические работы выходили в свет в местах, значительно отдаленных друг от друга, разделенных одной или несколькими государственными границами. Многие из работ, даже после выхода их в свет, оставались неизвестными научным работникам другой страны или другой национальной среды. Единичные попытки произвести обзор историографического или хотя бы библиографического поряд-

¹ Лучшим доказательством напряженной исследовательской работы в данном направлении является, в частности, выход в свет сборника «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов» (Ереван, 1961), в котором собраны материалы научной сессии, происходившей в октябре 1959 г. в Ереване.

² Следует иметь в виду, что на Западной Украине он длился вплоть до 1939 г., когда Западная Украина была воссоединена с Советской Украиной.

ка оказались очень неполными, поверхностными, не говоря о том, что они не соответствуют современному уровню развития исторической науки и чужды нам, советским историкам, по своей идеологической направленности³.

Настоящая работа, по замыслу автора, является частью более обширного введения к истории армянских колоний на Украине. Обзор источников историко-географического характера XV—XVII вв. (к которым автор причисляет исторические хроники, историко-географические описания, мемуары, а также некоторые сочинения религиозно-полемического содержания, сохранившие значение исторического источника) проводится наряду с исследованием работ, посвященных собственно истории колоний.

Уже начиная с XVI в. во многих письменных памятниках появляются элементы исследования армянских колоний в историческом плане, наблюдаются попытки освещения вопросов возникновения и развития армянских колоний на Украине в XI—XVI вв. В дальнейшем, в XVII в., эти элементы ис-

³ Наиболее удачной, по-видимому, надо считать попытку польского буржуазного историка Луции Харевичевой, которая в своей работе «Historiografia i miłośnictwo Lwowa», Львов, 1938, стр. 198—204, дала краткий обзор литературы, касающейся прошлого армянской колонии во Львове.

Примечание. В данном очерке названия работ на армянском, польском и латинском языках даются в оригинале и в переводе на русский язык только в том случае, если работы имеют отношение к истории армян. Во всех других случаях, а также тогда, когда работы написаны на основных западно-европейских языках, перевод не дается.

торнографических исследований, имеющиеся в источниках, усиливаются настолько, что в отношении XVIII в. уже можно говорить о развитии специальной исторической литературы, посвященной прошлому колоний. Созданные в XIX в. работы, в свою очередь (в связи с упадком средневековых армянских колоний на Украине), почти полностью теряют характер исторических источников — это уже более или менее удачные исторические работы, соответствующие господствовавшим в буржуазной историографии того времени принципам и направлениям. По такому именно плану и построил автор свой историографический очерк⁴.

Обзор исследований советских историков, а также буржуазной историографии XX в. явится темой последующего очерка.

Объектом настоящего исследования являются армянские колонии, существовавшие на территории Украины с периода Киевского государства, начиная с XI—XII в. Исторические судьбы армянских колоний на Украине сложились таким образом, что в период своего наибольшего расцвета (до первой половины XVII в. включительно) они объединялись двумя большими экономическими и культурными центрами — городами Львовом и Каменцем-Подольским. В данном очерке рассматриваются историографические источники и исторические рабо-

⁴ Источники рассматриваются в хронологической последовательности соответственно времени, к которому они относятся, и независимо от того, когда они были опубликованы (если они вообще были опубликованы) и вошли в научный оборот.

ты, относящиеся к армянским колониям, расположенным вокруг этих двух центров Западной и Правобережной Украины. Мы не касаемся историографии армянских колоний, существовавших в Крыму, развитие которых шло по иному пути.

Между причерноморскими (крымскими) колониями и колониями Западной и Правобережной Украины, несомненно, существовали тесные связи, но тем не менее характер источников, отражающих прошлое крымских колоний, совершенно другой, да и исследование их прошлого развивалось совсем иными путями — и с этой точки зрения крымские армянские колонии заслуживают отдельного историографического очерка.

Скудность данных об армянах на Украине, сохранившихся в письменных источниках и отраженных в памятниках материальной культуры периода существования Киевского и Галицко-Волынского государств (X—XIV вв.), позволяет делать только общие выводы о месте армянских колоний в экономической и культурной жизни Древней Руси. В отношении более позднего времени мы имеем все основания утверждать, что армянские колонии, несмотря на ожесточенную борьбу против различных ограничений, в XV — первой половине XVII в. переживали период экономического и культурного расцвета. Соответствующие источники убедительно свидетельствуют, что постоянное тесное общение между армянским и украинским населением горо-

дов, а также жителями других национальностей (поляками, немцами, итальянцами и др.) благотворно влияли на экономический и культурный облик городов Украины.

Расцвет армянских колоний на Украине в XV—XVII вв., в особенности бурное развитие таких центров армянской жизни, как Львов и Каменец-Подольский, нашли отражение в литературе тех времен. Перелистывая страницы самых различных по своему содержанию сочинений XV—XVII вв., мы находим очень ценные и, в большинстве случаев, до сих пор не использованные или использованные крайне тенденциозно сведения об армянах на Украине. Мемуары путешественников и политических деятелей, географическо-топографические описания, исторические работы, религиозные полемические сочинения, пространные отчеты дипломатических агентов или церковных деятелей — вот перечень тех основных видов литературы, в которых встречаются не только краткие упоминания или лаконичные сообщения об армянских колониях на Украине, но и посвященные им целые страницы или главы. Со всей очевидностью XV век нужно считать временем возникновения армянского летописания на Украине; возможно, что более углубленное исследование источников отодвинет этот рубеж на одно столетие раньше. Кроме местных армян, в создании этой пестрой, разноречивой литературы принимали участие поляки и немцы, итальянцы и французы, ирландцы и голландцы. В XVI в. были напечатаны первые отдельные сочинения, полностью посвященные украинским армянам. В исторических работах

этого столетия следует искать истоки современной историографии армянских колоний на Украине.

Перечисленные выше виды литературы, точнее — исторических памятников XV—XVII вв., сохраняют в глазах современного исследователя двойственный характер. В отношении многих сочинений не удастся провести точную разграничительную грань: вот это сочинение (или часть его) является историческим источником, а то — историческим исследованием. Большинство даже самых примитивных сообщений об армянах на Украине включает в себе, например, рассуждения о времени возникновения армянских колоний, о путях и причинах миграции армян. Эти вопросы в дальнейшем, особенно в историографии XVIII—XIX вв., выросли до уровня отдельных исторических проблем, ожидающих еще своего окончательного разрешения. Таким образом, критическое исследование литературы XV—XVII вв., касающееся армянских колоний на Украине, превращается, с одной стороны, в обозрение ценнейших, первостепенной важности источников и, с другой стороны, в изучение путей развития исторической мысли, имеющей объектом своего исследования прошлое армянских колоний на Украине.

В чем заключаются главные причины того, что целый ряд сочинений, написанных в XV—XVII вв., использовался поверхностно или даже совсем не использовался историками последующих столетий? В результате многочисленных публикаций актового и другого документального материала, предпринятых в XIX—XX вв., в руки исследователей попал

значительный и ценный материал по истории армянских колоний на Украине, на фоне которого большинство изданий XVI—XVII столетий терялось в мрачной дымке далеких веков. Большинство сочинений XV—XVII вв., которые не переиздавались в XIX—XX вв., очень редко использовались историками более близких нам времен также из-за их труднодоступности. Некоторые издания XVI—XVII вв. сохранились в единственных экземплярах или даже вообще были потеряны для последующих поколений — и это явилось существенной помехой на пути использования их в исторической науке.

Особенно печальная участь постигла произведения местных армянских авторов. Из-за отсутствия местных армянских типографий⁵ их работы своевременно не издавались, они хранились только в рукописных копиях. Судьба этих рукописей в период наступления католицизма (вторая половина XVII в.) и падения армянских колоний в XVII—XIX вв. оказалась различной. Большинство рукописей несомненно погибло. В лучшем случае они оказались разбросанными по рукописным собраниям многих стран. Публикация важнейших из них началась сравнительно недавно (только в конце XIX в.). Можно надеяться, что тщательное исследование армянских рукописных сокровищ, проводимое у нас и за границей, особенно в течение последнего десятилетия, принесет еще не одно интересное открытие в данной области.

⁵ Основанная в 1616 г. во Львове армянская типография просуществовала очень недолго. Изданные здесь армянские книги — замечательное проявление культурной жизни украинских армян — принадлежат к самым редкостным армянским старопечатным изданиям.

«...И дали господа и мещане этого города большой обед в мою честь и подарили мне отрез шелка, а проживающие там армяне дали мне тоже отрез шелка, устроили танцы и хорошую пирушку с дамами», — этими словами отметил свое посещение Львова в 1421 г. странствующий рыцарь, дипломатический агент английского короля и регента Франции Генриха V, Жильбер де Ланнуа, сер де Виллерваль и де Троншенье (1386—1462)⁶. Это первое мемуарное упоминание об армянах на Украине, несмотря на свою крайнюю лаконичность, заслуживает внимания не только из-за своей безусловной давности, но и в связи с тем, что оно освещает положение армянской колонии в городе. Армяне, пользовавшиеся довольно широким самоуправлением, принимали рыцаря-дипломата, шамбелана бургундского князя, более гостеприимно и в более непринужденной обстановке, чем городские власти (хотя последние и получили соответствующие указания от польского короля и литовского великого князя Ягелло, к которому Ланнуа был послан). Возможно, что этот отдельный армянский прием явился выражением господствовавшего на протяжении столетий антагонизма между городской

⁶ G. de Lannoy. *Voyages et ambassades 1399—1450*. Монс, 1840, стр. 35—36. О Ж. де Ланнуа ср., напр., В Кордт. *Чужоземні подорожі по Східній Європі до 1700 р. К.*, 1926, стр. 20; Я. Емельянов. *Путешествие Г. де Ланнуа в восточные земли Европы в 1413—1414 и 1421 г.* «Киевские университетские известия», 1873, № 8, стр. 1—46.

(немецкой в это время) верхушкой и армянской общиной. По-видимому, неутомимый путешественник, изъездивший большинство стран Европы и значительную часть Малой Азии, взял на себя какие-нибудь поручения или получил рекомендации от львовских армян, которые должны были помочь ему в дальнейшем путешествии на Восток. По крайней мере Львов — не единственный город Украины, в котором Ланнуа встречался с армянами. Несколько далее в своих путевых записках, написанных очень правдиво, без преувеличений и хвастовства. Ланнуа упоминает об армянской колонии в древнем Монкастро (нынешнем Белгороде-Днестровском на Украине).

Сведения Ланнуа об армянских колониях на Украине, датированные 1421 годом — единственное мемуарное упоминание об армянах на Украине в XV в., — стали достоянием исследователей лишь четыре с лишним столетия спустя после смерти этого кавалера ордена Золотого Руна — типичного представителя странствующих авантюристов средневековья. Записки Ланнуа — ценный исторический источник, который был опубликован в 1840 г. французским историком С.-П. Серррир.

Вторая половина XV в. принесла с собой бурное развитие географических наук. Великие географические открытия взбудоражили умы просвещенной верхушки Европы. Напечатанные в 1475 г. труды величайшего географа древности Птолемея вызвали к жизни, в свою очередь, огромную географически-описательную литературу периода гуманизма, сыгравшую замечательную роль в формирова-

нии новых представлений о земле и ее обитателях. В начале XVI в. география, как отдельная наука, формируется также и в феодальной Польше⁷, в состав которой входила к тому времени значительная часть украинских земель. Первым вполне самостоятельным и оригинальным польским географом, которому мы также обязаны известиями об армянах на Украине, явился известный реформатор Краковского университета, долговременный его ректор, врач, астролог и историк Мацей из Меховита (Меховита, Меховский, 1459—1523). Из-под пера Меховиты вышел небольшой, напечатанный в 1517 г. в Кракове «*Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana, et de contentis in eis*» («Трактат о двух Сарматиях, азиатской и европейской, и о том, что в них находится»), сыгравший значительную роль в распространении в основном правильных сведений о странах Восточной Европы и Ближнего Востока, о которых в то время существовали самые нелепые и фантастические представления⁸. Во второй книге своего трактата Меховита упоминает армянские колонии в Каменце-Подольском и во Львове. Внимание географа привлекают две стороны жизни колоний — их роль в экономике страны и религиозный облик колонистов. «Они,— сообщает Ме-

⁷ F. Buja k. *Studia geograficzno-historyczne*. Варшана—Краков, 1925.

⁸ О значении книги Меховиты ср. H. Ba g u s z. *Historia uniwersytetu jagiellońskiego w erze humanizmu*. Краков, 1935, стр. 273—277; С. Аннинский. Введение в кн.: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, стр. 1—40.

ховита,—необыкновенно опытные купцы, достигающие Кафы, Константинополя, Александрии в Египте, Каира и местностей в Индии и получающие от этого прибыли». Попутно отмечает он богатство армянских церквей, древность традиций армянского обряда, а также сообщает интересные подробности об употреблении армянского языка во время богослужений и об армянских церковных книгах⁹.

Книга М. Меховиты приобрела огромную популярность — в свое время ее перевели на немецкий, польский, итальянский языки; в течение XVI в. ее перепечатывали в различных типографиях не менее двадцати раз¹⁰. Каждое новое переиздание распространяло сведения об армянах Львова и Каменца среди все более и более широкого круга читателей. «Трактат» Меховиты сохранил до настоящего времени значение исторического источника, а первый польский географ нашел в XVI в. целый ряд последователей, считавших его произведение образцом для своих работ.

Некоторые из авторов этих вышедших в свет в XVI в. географически-топографических описаний стран Восточной Европы заслуживают упоминания. Редко какой автор мог пройти мимо факта существования армянских колоний в городах Украины, экономический вес которых как нельзя лучше определили приведенные выше слова Меховиты. Так,

⁹ M. de Myechow. Tractatus de duabus Sarmatiis... Аугсбург, 1518, стр. еlij.

¹⁰ K. Estreicher. Bibliografia polska. T. 22. Краков, 1908, стр. 359—360.

молодой польский студент, будущий королевский секретарь и дипломат Ян-Анджей Красинский (1550—1612) во время своей учебы в Болонье опубликовал там в 1574 г. книгу «Polonia» [«Польша»]. Книга была издана в связи с интересом Запада к проблемам Восточной Европы, усилившимся после избрания на польский престол Генриха Валуа (будущего французского короля Генриха III). При описании Львова Красинский упоминает о том, что в город приезжает большое количество армянских купцов¹¹.

Немного больше сведений об армянах сообщил в следующем, 1575 году известный польский историк и видный церковный деятель Марцин Кромер (1512—1589)¹², издавший во Франкфурте книгу «Poloniae gestisque et Republicae Polonicae descriptionis libri duo» [«Две книги о состоянии Польши и описание Польской Речи Посполитой»]. Будучи одним из наиболее активных деятелей контрреформации в Польше и крайне нетерпимым в религиозном отношении, он, вполне естественно, обратил основное внимание на церковь «проживающих на Руси и в Подолии для купеческих дел армян»¹³. Кромер написал свою книгу в 1555—1558 гг. и лишь двадцать лет спустя преподнес ее, обработанную, разумеется, в соответствующем торжественном сти-

¹¹ [J.-A. Krasin'ski]. Polonia. Болонья, 1574, стр. 128.

¹² О Кромере как историке ср. L. Finkel. Marcin Kromer, historyk polski XVI w. Краков, 1883.

¹³ M. Cromerus. Polonia sive de situ, populls, moribus magistratibus et republica regni Polonici libri duo. Кельн, 1577, стр. 51.

ле, королю Генриху Валуа. Кромер в своей книге, выдержавшей ряд изданий в различных европейских городах, распространил слух о том, что проживающие на Украине армяне будто бы являются большими приверженцами римско-католической церкви и признают главенство римского папы¹⁴.

Автор другого географического описания Польши, отставной ротмистр и мнимый граф латеранского двора итальянец Алессандро Гуаньини (1538—1614)¹⁵ ограничился тем, что в своей компиляции «*Sarmatiae Europaeae descriptio, quae regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur*» [«Описание европейской Сарматии, охватывающее государство Польшу, Литву, Жемайтию, Русь, Мазовию, Пруссию, Померанию, Ливонию, Московию и часть Татарию»], изданной в 1578 г. в Кракове, списал сведения об армянах на Украине из труда Меховиты.

Несколько новых подробностей об армянских колониях на Украине сообщил известный польский историк и географ Станислав Сарницкий (1532—1597) в своем, изданном в 1585 г. в Кракове, «*Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione eiusdem veteri et nova*» [«Описание старой и новой Польши с ее старым и новым делением»]. Книга

¹⁴ Ниже анализируются причины распространения подобных слухов.

¹⁵ С. Cipolla. Un italiano nella Polonia. В. сб.: «Miscellanea di storia italiana». Т. 24. Турин, 1887.

Сарницкого, часть которой имеет характер географического словаря — первое печатное издание XVI в., в котором упоминается армянская колония в Киеве, «где проживает довольно много армян, так же как и во Львове, и в Каменце»¹⁶. Сарницкий — сам видный деятель реформации в Польше¹⁷ и идейный противник католического епископа — утверждает, что армянские священники придерживаются обрядов антиохийской церкви.

К концу XVI в. представление о главных городах Украины уже неразрывно связано с наличием в них армянских колоний. Армяне всегда характеризуются как очень подвижное торговое население городов, осуществляющее посредничество в торговле между Востоком и Западом. Лучшим доказательством того, насколько прочно вошли армяне в облик украинских городов, являются географические труды одного из наиболее видных географов XVI в. итальянца Джованни Ботеро (1533—1617), которые принесли их автору мировую известность¹⁸. Ботеро издал в 1591—1595 гг. в Риме четыре выпуска своих «*Relazioni universali*» [«Всемирные отчеты»], распространившихся в ог-

¹⁶ Sarnicius. Descriptio veteris et novae Poloniae... [Краков], 1585, стр. D₂.

¹⁷ K. Sochaniewicz. Sarniccy i zbiór w Mokrem Lipiu na Chełmszczyźnie. В сб.: «Reformacja w Polsce». Т. 3. Варшава, 1924, стр. 117—125.

¹⁸ О Дж. Ботеро существует большая литература. Ср., P. Orsi. Saggio biografico e bibliografico su G. Botero. Мондови, 1882; C. Gloda. La vita e le opere di G. Botero. Т. 1—3. Милан, 1895.

ромном (достигавшем нескольких десятков) количестве изданий на различных европейских языках. Ботеро подвел итог географических знаний человечества в эпоху великих открытий¹⁹. В своих «Отчетах» географ несколько раз упоминает об армянах на Украине — об армянских купцах во Львове, Каменце и «других близких городах» (ч. 1, кн. 1; ч. 4, кн. 2), об армянском архиепископе во Львове (ч. 1, кн. 1) и др.

Географически-топографические описания не были единственным видом литературы XVI в., в которой нашли свое отражение армянские колонии на Украине. Данные Меховиты, Красинского, Кромера, Гуаньини, Сарницкого, Ботеро явились всего лишь предельно сжатым обобщением сведений об армянах на Украине. Гораздо больше живого материала, воспринятого и отраженного на письме в результате непосредственного общения с армянами украинских городов, находим в записках путешественников, в воспоминаниях политических и церковных деятелей XVI в. Мемуаристы — в зависимости от своего общественного положения и направления своей деятельности — обращали внимание на различные стороны жизни армянских колоний. Наиболее полно они освещали экономическую и религиозную сторону жизни армян.

Глубокий интерес к религиозным вопросам был вызван теми процессами в политической, экономической и духовной жизни Западной Европы, кото-

¹⁹ A. Magnaghi. La «Relazioni universali» di G. Botero e la origini della statistica e dell antropogeografia. Турин, 1906.

рые в первой половине XVI в. вылились в мощное, внешне исключительно религиозное реформационное движение.

Начавшись в Германии, Швейцарии и Англии, оно затем распространилось на восток Европы, приобретая в Польше и на Украине весьма своеобразные черты, отражавшие социальные и национальные противоречия феодальной Речи Посполитой. Римская церковь, постепенно, но неуклонно терявшая свои позиции в Германии, приложила все усилия к тому, чтобы сохранить свое привилегированное место в Польском государстве и не потерять своих позиций в разыгравшихся в середине XVI в. ожесточенных спорах и распрях между католиками и протестантами. На Польшу обрушился истинный шквал дипломатических агентов в церковных облачениях, высокопоставленных сановников «святого престола». В своих отчетах, записках, сообщениях представители Рима «по долгу службы» подробно описывали религиозные отношения в польской Речи Посполитой, усиленно занимались «еретиками-иноверцами», среди которых заметное место отводилось также и жившим в украинских городах армянам.

Кардинал Джiovанни-Франческо Коммендоне (1523—1584), после неудачной миссии в Германии, отправился в 1564 г. как папский легат в Польшу. Он исколесил государство вдоль и поперек с той целью, чтобы лично установить степень того глубокого упадка, в котором очутилась в те времена польская католическая церковь. Коммендоне посетил, наряду с другими городами, Львов и здесь

детально ознакомился с состоянием армянской общины. Довольно точный отчет об этом помещен в биографии Коммендоне, вышедшей из-под пера его секретаря (в дальнейшем личного друга папы Климента VIII) епископа Амелии Антония-Марии Грациани (1537—1611). Грациани был, несомненно, талантливым, хотя и глубоко фанатичным человеком. Он не только аккуратно выполнял дипломатические поручения Рима, но и пробовал свои силы в историографии (он написал работу, посвященную так называемой киприйской войне и истории Валахии XVI в.). Отчет Грациани о посещении Коммендоне Львова и встрече его с львовскими армянами не только подкупает своей непосредственностью. Грациани, по-видимому, расспрашивал армян об их историческом прошлом — и эти первые известные нам исторические сведения, или, точнее, обломки этих сведений, поместил в своем труде «*De vita Joannis Francisci Commendonis cardinalis libri quatuor*» [«Четыре книги о жизни кардинала Джованни-Франческо Коммендоне»], изданном впервые в Париже в 1669 г. (несколько десятков лет спустя после смерти автора)! «Армяне, угнетенные ужасной тиранией турок, давно оставили свою страну, перешли через Черное море в устье Дуная, двинулись через Валахию и скрылись на Руси и, по разрешению королей, поселились во Львове»²⁰, — описывает Грациани, несомненно основываясь на местной ар-

²⁰ А.-М. Gratiani. *La vie du cardinal Jean François Commendon, divisée en quatre livres*. Париж, 1671, стр. 202—204.

мянской традиции, тот путь, который проделали армянские поселенцы. Грациани подчеркивает роль львовских армян в торговле с Востоком и дает образное описание богослужения в армянском кафедральном соборе, на котором он присутствовал.

А Положение армян на Украине, в религиозном отношении подчиненных эчмиадзинскому патриарху, было особенно сложным и тяжелым в связи с постепенно усиливающейся реакцией католической контрреформации. Постоянные обвинения в «схизме», «отступничестве», которые выдвигались со стороны правящей верхушки городов по отношению к армянам, являлись всего лишь ширмой, за которой господствовавший польский патрициат проводил политику экономических ограничений и национальной дискриминации армян. Принимая высокого сановника римско-католической церкви, армянский архиепископ во Львове информировал Коммендоне о связях армянской церкви с Римом, периодически возобновлявшихся в течение прошлых столетий²¹, однако одновременно подчеркивал свою верность Эчмиадзину. Таким образом, было положено начало легенде о том, что украинские армяне будто бы являются приверженцами Рима,— легенде, которая кочует (по-видимому, не без поддержки ее, из практических соображений, местными армянами) по страницам ряда книг XVI—XVII вв.²²

²¹ В первую очередь, по-видимому, имелось в виду участие армянских епископов во Флорентийском соборе 1434 г.

²² Сравни приведенное выше известие у Кромера.

Грациани сообщает также некоторые другие интересные бытовые подробности о львовских армянах. Он обратил внимание, например, на супружескую верность, характерную для армянской семьи, пытался определить состав разговорного языка местных армян («псалмы, которые поют в церкви, написаны армянским языком и армянским алфавитом, однако их понимают почти исключительно только священники; сами они говорят обыкновенно по-турецки или по-татарски»²³). Грациани подчеркнул наличие связей между армянами и украинским населением (между прочим, это первое в печатной литературе очень ценное и не использованное до сих пор исследователями упоминание подобного рода). Он указывает, что самобытный армянский облик сохранили только большие колонии во Львове и в Каменце — значительное количество других армян, «которые разбрелись по всей Руси», приняло обычаи украинского православного населения.

Грациани не был единственным приближенным Коммендоне, оставившим свои письменные впечатления об армянах на Украине. Спутник Коммендоне в его поездке по Германии, в дальнейшем папский нунций в Польше Фульвио Ругнери из Болоньи, во время своего пребывания в Речи Посполитой написал в 1565 г. подробный отчет о политической, экономической и религиозной жизни этого государства. Значительное место в своей реляции Ругнери отводит армянам, останавливаясь,

²³ А.-М. Gratiani, цит. соч., стр. 204.

правда, в основном на вопросах, связанных с иерархией армянской церкви²⁴. Не вполне соответствующие действительности сообщения Ругиери (напр., о том, что львовским армянским архиепископом мог избираться светский человек) усиливают впечатление, что нунций знаком был с армянами больше понаслышке, чем лично.

В плену того же посещения кардиналом Коммендоне львовских армян оказался еще один, не менее видный представитель католицизма — известный польский проповедник, яростный пропагандист унии восточных церквей с Римом, ректор так называемой Любранской коллегии в Познани Бенедикт Гербест (1531—1593)²⁵. Гербест провел во Львове несколько лет своей молодости, однако ближе с армянами он познакомился только во время своей очередной поездки на Украину в 1566 г., принятой с целью личного знакомства с господствующими там религиозными отношениями. В описании своего путешествия, напечатанном в виде письма львовскому каштеляну С. Гербурту, Гербест анализирует армянские религиозные обряды и занимается вопросом о происхождении армянской церкви, в отношении которой его информировали примерно таким же образом, как и Коммендоне (о путешествии которого Гербест упоминает с бла-

²⁴ Relacje nuncjusów apostolskich i innych osób o Polsce od r. 1548 do 1690. T. 1. Берлин—Познань, 1864, стр. 131, 161.

²⁵ О нем ср. О. С у ш к о. Предтеча унії. Критично-історична студія. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка». Т. 53, 55, 61. Львов, 1903—1904; К. М а з у р к і е в і с з. Benedykt Herbest. Познань, 1925.

оговоенням). Сквозь этот материал, однако, проскальзывают интересные бытовые подробности (об участии львовского купца Юрка Армянина в ярмарке в Мостисках — небольшом городке около Перемышля), а также детали, отражающие культурный уровень армянской колонии во Львове (Гербест перечисляет заглавия некоторых армянских рукописных книг, хранящихся в львовском соборе)²⁶.

Мемуаристы последних трех десятилетий XVI в., в основном, в отличие от предыдущих, — светские люди, отразили другие, ранее неизвестные черты из жизни армян на Украине.

Свентослав Ожельский (1549 — после 1597) — известный польский политический деятель бурных в истории Польши 70—80-х годов XVI в., оставил мемуары, отражающие период междуцарствия 1572—1576 гг. Ожельский, несмотря на свое не очень видное положение в обществе и свою враждебность католицизму, был на деле влиятельным и хорошо осведомленным в закулисной игре политиком. Мемуары Ожельского, хотя лишь в деталях, но довольно верно освещают экономическую мощь купеческой верхушки армянских колоний. У Ожельского впервые (в дальнейшем актовый материал дает нам больше сведений подобного типа) встречаем прямые указания на финансовые сделки между польскими королями и наиболее богатыми армянскими купцами. «Bezkrólewia ksiąg ośmioro»

²⁶ B. Herbest. Chrześcijańska parządna odpowiedź na 1ę Konfesję, która pod tytułem Braci zakonu Chrystusowego niedawno jest wydana. Краков, 1567 [лл. 360—374].

(«Восемь книг междуцарствия. 1572—1576» Ожельского) сохранили имена львовских армянских купцов Константина и Борзобогатого, задолжавших (по-видимому, за предоставленные им торговые привилегии) королю Сигизмунду Августу (ум. в 1572 г.) большую сумму в 7900 дукатов и 3000 злотых — и возвративших эти деньги уполномоченным короля²⁷.

Другие, гораздо более обобщенные сведения об армянах на Украине, можно почерпнуть из реляции, написанной в 1575 г. венецианским послом в Польше Иеронимо Липпомано (ум. 1591). Посол экономически столь развитого государства, каким в средние века являлась Венецианская республика, в своих отчетах обращал основное внимание на характер торговли, развитие ремесла, состояние финансов государства. Липпомано первый сообщал интересные статистические данные о численности населения армянских колоний (около 60 семейств во Львове, около 300 — в Каменце) и снова указывал на ареал торговых интересов армян («привозят товары из Турции, Ирана Египта и Индии»)²⁸.

Дипломатический агент немецкого императора Рудольфа II, слезский дворянин Эрих Ляссота (прибл. 1550—1616), выполняя поручения своего хозяина, дважды (в 1588 и 1594 гг.) посетил Украину. В своем лаконичном, но вместе с тем очень цен-

²⁷ S. Orzełski. Bezkrólewia Książ ósmioro 1572—1576. Краков, 1917, стр. 59, 63, 78, 95.

²⁸ Relacje puncjuszów apostolskich... Т. 1. Берлин—Познань, 1864, стр. 249.

ном как достоверный исторический источник, дневнике Ляссота, упоминая о своем пребывании во Львове (в августе 1588 г.), отмечает, что обширную торговлю в городе «по преимуществу ведут армяне, которые поселились здесь и имеют прекрасную церковь»²⁹. В мае 1594 г., выполняя дипломатическое поручение к запорожским казакам, Ляссота задержался в Киеве, и в своем дневнике он пишет об армянской колонии в городе³⁰.

Любопытный факт, имеющий отношение к культуре украинских армян, описывает итальянский дипломат Бонифацио Ванноцци из Пистойи (ум. 1622)³¹. Прибывший в 1596 г. в Польшу как секретарь папской легации, которой было поручено создать военно-политический союз против Турции, Ванноцци посетил в 1596 г. принадлежавший могущественному польскому магнату канцлеру Замойскому город Замостье, в котором во второй половине XVI в. была создана армянская колония. В своем отчете Ванноцци сообщает о наличии этой колонии, а также рассказывает о коллекции ред-

²⁹ [В. Антонович]. Дневник Эриха Ляссоты из Стеблева. В кн.: «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси». Вып. 1. Киев, 1890, стр. 137—141; В. Кордт, цит. соч., стр. 60—61.

³⁰ E. Lassota von Steblau. Tagebuch. Галле, 1866, стр. 48, 73.

³¹ S. Ciampi. Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia ed altri parti settentrionali... [т. 1.] Флоренция, 1834, стр. 102—121.

костных армянских рукописей, которую он видел в библиотеке канцлера³².

Несмотря на экономический и культурный расцвет армянских колоний на Украине (или, может быть, именно потому), над ними собирались грозные тучи. Успешное экономическое соперничество армянских купцов с более привилегированными католическими — в первую очередь польскими — торговцами вызывало не только зависть последних, но и решительные действия, направленные на ограничение самоуправления армянских колоний, усиление их экономического и национального угнетения. Длительные споры между магистратами городов, в которых главенствующие позиции захватил польский патрициат, с одной стороны, и армянскими общинами — с другой, вылились в затяжные судебные процессы (окончательное решение которых зависело от польских королей) и начиная с конца XVI в. нашли отражение в современной литературе.

✓ Ярый враг украинцев и армян, римско-католический архиепископ во Львове Ян-Дымитр Соликовский (1539—1603) со всей рьяностью религиозного ренегата (в молодости он для дипломатической и политической карьеры сменил протестантизм на католичество) обрушился на «иноверцев». Одним из первых и наиболее громких «подвигов» архиепископа на этом поприще, совершен-

³² B. V a n n o z z i. Belacja. В кн.: «Zbiór pamiątek historycznych o dawnej Polsce...» Т. 2. Варшава, 1822, стр. 264—265.

ном через полгода после прибытия во Львов, было нападение наемников архиепископа на украинские и армянские церкви и их насильственное закрытие в январе 1584 г.³³. В своих автобиографических записках, составленных около 1597 г., Соликовский не упоминает об этом (впрочем, неудачно для него закончившемся) предприятии, однако он открыто выражает свою враждебность по отношению к армянам (которых обвиняет не только в схизме, но и в том, что они, поддерживая торговые связи с турками, изменяют польскому государству) в отдельном параграфе своей книги, озаглавленном «Армяне приравнены к львовским мещанам»³⁴.

Сообщения авторов XVI в. об армянских колониях на Украине не ограничиваются более или менее ценными с исторической точки зрения абзацами в географически-топографических описаниях стран Восточной Европы или упоминаниями в сочинениях мемуарного характера. В XVI в. выходят из-под печатного станка отдельные сочинения, полностью посвященные жизни армян на Украине. Хотя их содержание сводится в основном к религиозным вопросам (в соответствии с повышенным интересом общества к подобным вопросам в эпоху ожесточенной борьбы между реформацией и контрреформацией), однако сквозь эту внешнюю оболочку про-

³³ W. Nehring. O historykach polskich XVI w. Cz. 3- O życiu i pismach J. D. Solikowskiego. Познань, 1860, стр. 56—57.

³⁴ J. D. Solikowius. Commentarius brevis rerum Polonicarum. Гданьск, 1647, стр. 108—109.

свечивает живо пульсирующая жизнь армянских колоний.

Об авторе первых сочинений, посвященных целиком армянам на Украине,— канонике львовского римско-католического капитула, магистре теологии Анджее Любельчике сохранилось совсем немного сведений³⁵. Фанатичный враг протестантизма, автор нескольких сочинений, направленных против различных течений реформации, он был, по-видимому, одним из первых польских церковников, выдвинувших в 40-х годах XVI в. идею церковной унии армян, проживающих на территории Речи Посполитой, с Римом. В 1544 и 1549 гг. Любельчик выпустил в Кракове на латинском языке две посвященные этой идее книжонки, которые, хотя и дошли до местных армян³⁶, однако не дали желаемых для автора результатов. Умер Любельчик в конце 50-х или в начале 60-х годов XVI в.³⁷

Первой из этих, выпущенных с пропагандистской целью, книг явилось «Baptismus Armenorum» [«Крещение армян»] с приложением «Purificatio mulieris Armenae post partum» [«Очищение армян-

³⁵ См. библиографию сочинений А. Любельчика и литературы о нем в кн. K. Estreicher. Bibliografia polska. T. 21. Краков, 1906, стр. 427—429.

³⁶ A. M. Pidou. Krótka wiadomość o obecnym stanie, początkach i postępie misji apostolskiej do Ormian... В кн.: «Dzieje zjednoczenia Ormian polskich z Kościołem rzymskim w XVII w». Варшава, 1876, стр. 60.

³⁷ Transsumpta ex variis historicis et scriptoribus de venerabili servo dei Joanno Duclano. [Без места и года изд., ок. 1700], л. G₂.

ских женщин после родов»]. Любельчик детально описывает соответствующие армянские обряды: собственные комментарии, посвящение и послесловие пересыпает призывами к унии. Любельчик вряд ли знал армянский язык — хотя в нескольких местах своей книги приводит цитаты на грабаре. Главным помощником Любельчика при переводе с армянского на латинский язык был, по-видимому, упоминаемый в посвящении книги проживающий во Львове армянский монах — антониниан, кавалер ордена иерусалимского гроба Мартин Вартан, которого Любельчик изображает большим приверженцем воссоединения армянской церкви с римской.

Через несколько лет, в 1549 г., Любельчик издал свою вторую книгу, посвященную армянской тематике. Он напечатал перевод армянского богослужения на латинский язык, озаглавленный «*Liturgia seu missa Armenorum ritu*» [«Литургия или богослужение армянского обряда»], к которому также приложил свои комментарии. Посвящение, адресованное каменецкому епископу Леонарду Слончевскому, убеждает читателя, что идея унии была встречена более чем холодно не только армянами, но и среди римско-католического духовенства не вызвала большого энтузиазма.

По-видимому, в этом же году в Кракове была издана еще одна книга об армянах. Однако раскрыть содержание этой книги под многообещающим заглавием «*Religionis Armenicae in Polonia origo et progressus*» [«Начало и развитие армянской религии в Польше»] никому из исследователей не уда-

лось. Единственное достоверное упоминание об этой книге, вышедшей из-под пера архидиакона, каноника и настоятеля из Каменца-Подольского Францишка Гутковского, относится к середине XVIII в. По словам известного немецкого библиографа Й.-Д.-А. Яноцкого, Гутковский был большим знатком армянских древностей³⁸. В своей книге он, несомненно, в том или ином виде, изложил историю иммиграции армян на Украину. В XVIII в. книгу Гутковского безуспешно разыскивал армянский историк Ю.-Э. Минасович³⁹. Библиографические поиски, предпринятые в XIX в. выдающимся польским библиографом К. Эстрейхером, не увенчались успехом — найти книгу не удалось. Ее не было в целом ряде библиотек и коллекций, которые Эстрейхер использовал при составлении своей капитальной «Польской библиографии». Эстрейхер ограничился повторением данных Яноцкого⁴⁰, и ни одному из многочисленных исследователей истории армянских колоний на Украине, работавших в XIX—XX вв., так и не удалось напасть на след этой, по-видимому очень ценной для историков, книги.

Наконец, в XVI в. был создан еще один, очень живо и интересно написанный отдельный очерк, посвященный армянам на Украине. Автор очерка Ян Ласицкий (1534 — после 1599) — один из наи-

³⁸ J. D. Janozki. *Polonia litterata nostri temporis*. T. 1. Вроцлав, 1750, стр. 25.

³⁹ J.-E. Minasowicz. *De moribus, ritibus et religione Armenorum*, стр. 80 (рукопись № 625 в библиотеке Национального заведения им. Оссолинских во Вроцлаве).

⁴⁰ K. Estreicher. *Bibliografia polska*. T. 17. Краков, 1899, стр. 476.

более видных деятелей польской реформации и решительный враг римского католицизма — хорошо владел пером, остро отточенным в пылу религиозной полемики. Ласицкий с пристрастием изучал различные религиозные системы и результаты своих исследований (конечно, придерживаясь протестантской точки зрения) изложил в многочисленных исторических или псевдohисторических сочинениях. Многочисленные работы Ласицкого (например, посвященные литовской мифологии) до сих пор сохранили определенную ценность⁴¹; особенно потому, что он подходил к описанию обычаев других национальностей более объективно и веротерпимо, чем его собратья по перу из римско-католического лагеря. Теплое чувство искренней симпатии пронизывает также его очерк «*De religione Armeniorum*» [«О религии армян»], написанный около 1580 г. для белорусского князя Александра Слуцкого. Бедность и нищета, которые преследовали Ласицкого всю жизнь, а также скромность автора явились основной причиной того, что очерк не был напечатан при его жизни. Рукопись Ласицкого, найденная среди бумаг базельского типографа П. Перни, была напечатана в 1615 г. в Базеле, в сборнике историко-этнографических сочинений литовского историка Мингайло и самого Ласицкого⁴². Ласицкий

⁴¹ A. Mierzyński. Jan Lasicki, źródło do mitologii Litewskiej. «Rocznik ces.-król. Towarzystwa Naukowego Krakowskiego». T. 41. Краков, 1870, стр. 1—102.

⁴² Michalonis Lituani. De moribus Tartarorum, Lituorum et Moschorum... et J. Lasicii Poloni. De diis Samagitarum, caeterumq. Sarmatarum et falsorum Christianorum, item De religione Armeniorum... Базель, 1615.

образно характеризует львовских армян: «Это благородные, гуманные, открытые, великодушные, свободомыслящие и вместе с тем осмотрительные, изысканные, изящные, состоятельные люди с красивыми чертами лица, черными бородами, посвятившие себя [торговле] товарам из восточных стран, которые выкупают христиан из рабства, щедрые в благотворительности»⁴³. При детальном описании армянских обрядов (о которых Ласицкий разговаривал с армянскими священниками), он особенно подчеркивал независимость армянской церкви от Рима.

Как ни странно, этот подробный, вполне достоверный, доброжелательный по отношению к армянам очерк Ласицкого — по-видимому, в связи с его антипапской направленностью — совсем не использовался буржуазной историографией XIX—XX вв.

Современный уровень исследования источников и историографии армянских колоний на Украине не дает еще возможности окончательно решить вопрос о времени возникновения местной армянской исторической литературы, представляющей огромную ценность для исследователей не только как самое убедительное свидетельство высокого культурного уровня колоний, но и как подкупающий своей подлинностью источник. Истоки армянского летописания необходимо, по-видимому, искать в глубине веков, возможно, что оно зародилось уже вскоре после возникновения первых армянских колоний в Киевском государстве. В связи с усилившим-

⁴³ Там же, стр. 58.

ся в последнее время интересом к изучению армянских письменных памятников, разбросанных по различным собраниям Европы, не исключены еще некоторые открытия в этой области. В XVI в. армянское летописание было уже развито, однако личности самих хронистов (в отличие от XVII в.) остались для нас малонизвестными.

Среди опубликованных в 1896 г. в Венеции армянским историком и писателем Г. Алишаном армянских летописей находится так называемая *Քրոնիկը Վենետիկահայերնիկ* [«Венецианская хроника»]⁴⁴, написанная на половецком языке (разговорном языке украинских армян), в которой много места отводится событиям, происходившим на западноукраинских землях. Такое содержание хроники делает совсем правдоподобным предположение французского тюрколога Ж. Дени о том, что анонимный составитель «Венецианской хроники» использовал в качестве своего первоисточника не дошедшую до наших времен гипотетическую «Львовскую хронику»⁴⁵. Действительно, записи хроники поражают своей систематичностью, особенно начиная с 1492 и кончая 1537 г.— когда они, по-видимому во Львове, делались современником (или современниками) событий. В некоторые годы сделано по несколько записей. Записи неизвестного хрониста касаются не только событий, имеющих непосредствен-

⁴⁴ Դ. Ալիշան, *Կամենից. Տարեգիրք հայոց Լեհաստանի և Ռուսիայի հաստատեալ յաւելուածովք*. Венеция, 1896, стр. 115—121.

⁴⁵ J. Deny. L'arméno-coman et les «Éphémérides» de Kamieniec (1604—1613). Висбаден, 1957, стр. 24.

ное отношение к армянской колонии. Эти события специфически местной армянской истории излагались хронистом на фоне более важных событий, охватывающих своими последствиями весь город (Львов) или даже целую страну (украинские земли в составе Речи Посполитой). В «Венецианской хронике» отмечены годы получения львовскими армянами привилегий от польских королей (1505, 1518 и 1527 гг.), приезда эмбамбургских легатов, избрания армянских епископов во Львове, постройки и перестройки львовского кафедрального собора и т. д.

Ценные сведения об истории армян на Украине заключены в *Смрһһһһһ Чмһһһһһһ* [«Каменецкая хроника»], тоже опубликованной Г. Алишаном⁴⁶. Первая запись хроники относится к 1430 г., последняя — к 1652 г. «Каменецкая хроника» — коллективное сочинение ряда каменецких хронистов. Описание событий из истории украинских армян в XVI в. связано в первую очередь с именем Тер-Ованнеса Авагерца, который систематически вел хронику в 1560—1610 гг. и, по-видимому, отредактировал ее текст за предыдущие годы. Необходимо подчеркнуть, что Тер-Ованнес выразил в своих записях взгляды наиболее зажиточных слоев армянского населения в Каменце-Подольском. Эта тенденциозность отразилась как на общей направлен-

⁴⁶ *Чмһһһһһһ*... стр. 15—112. Вопросы, связанные с «Каменецкой хроникой», более детально рассматриваются ниже, при освещении историко-литературных памятников украинских армян первой половины XVII в.

ности хроники, так и на подборе событий, которые автор считал заслуживающими внимания⁴⁷.

Дошедшая до нашего времени литература XVI в. сохранила очень ценные сведения о настоящем и прошлом армянских колоний на Украине. Отдельные сочинения, равно как и отрывки мемуарного характера, и упоминания фактов в географической литературе освещают различные стороны жизни армян. Имеется достаточно оснований считать XVI в. временем довольно высокого уровня развития собственной армянской историографии летописного характера. Вместе с тем сочинения иностранных авторов (Грациани и, по-видимому, Гутковский) являются свидетельством постоянно возрастающего интереса к исследованию прошлого колоний, к раскрытию причин их возникновения. Целый ряд книг, изданных в XVI в. на латинском, итальянском, польском и других языках, популяризировал сведения об армянах на Украине и сделал факты, касающиеся их существования, достоянием широкой читательской публики. Начиная с XVI в. армянские колонии на Украине стали объектом научного изучения, что в свою очередь явилось результатом признания занимаемого ими определенного места в экономической жизни стран Восточной Европы.

⁴⁷ Анализ некоторых сообщений Тер-Ованнеса Авагерца дается в статье В. А. Акопяна «Армянские источники об Украине и украинцах». В сб.: «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов». Ереван, 1961, стр. 210—228.

В первой половине XVII в. в положении армянских колоний на Украине не произошло существенных изменений. Достаточно тесные торговые связи со странами Востока явились прочным фундаментом, на котором строилась экономическая и культурная жизнь колоний. Периодически усиливавшийся приток новых поселенцев или, точнее, переселенцев из Крыма, способствовал увеличению колоний в количественном отношении и их экономическому укреплению. Международные осложнения — польско-турецкие войны, нападения татар на Украину — хотя и тормозили развитие торговли, однако не могли подорвать экономические связи, в развитии которых были заинтересованы как одна (Польша), так и другая (Турция) страны.

Внутренние неурядицы в колониях, особенно во львовской, связанные с возникновением определенной группировки, ищущей путей более тесного сближения с магнатской верхушкой Польши, группировки, идущей навстречу экспансионистским тенденциям Рима, — не смогли подорвать еще тогда (в 30—40-х годах XVII в.) силу сопротивления колоний в их борьбе против национальных преследований и экономической дискриминации, проводимых в городах польским патрициатом. Пагубные результаты политики сближения с Римом (наиболее ярким выразителем которой явился львовский армянский архиепископ Никол Торосович) сказались только во второй половине XVII в., в период после освободительной войны украинского народа, руководимой Богданом Хмельницким.

Вполне закономерным явилось дальнейшее развитие литературы, посвященной армянскому вопросу на Украине. Распространению сведений об украинских армянах способствовало дальнейшее развитие книгопечатания. Участились упоминания об армянах в литературе историко-географического характера. В связи со стремлениями Рима провести унию армянской церкви появились сочинения полемического характера. Много фактов свидетельствует об усилении литературной деятельности местных армян (напр., Симеон Замостеаци и его описание путешествия на Восток, каменецкие хронисты Акоп, Авксент и Ованнес).

Жанр географически-топографических описаний представлен несколькими работами.

Немецкий бюргер, житель города Львова Иоганнес Альмпех (ум. 1636) был по своей «узкой профессии» аптекарем и купцом, по влечению — поэтом и хронистом. Альмпех принимал активное участие в борьбе львовских плебеев против могущественного патрициата до тех пор, конечно, пока он сам, Альмпех, не стал долголетним бургомистром города. По поручению немецкого архидиакона из Дортмунда Георга Брауна (Брюин) Альмпех составил описание города Львова для его роскошного, прекрасно иллюстрированного известным художником Ф. Гогенбергом, многотомного издания «*Civitatis orbis terrarum*» [«Города земного шара»], печатавшегося в Кельне (второе издание в шести томах 1597—1618)⁴⁸. Над своим описанием Альмпех

⁴⁸ G. Braun. *Urbium praecipuarum totius mundi*. Кн. 6. Кельн, 1618, № 49.

работал в 1603—1605 гг.— для этого использовал акты архива львовского магистрата⁴⁹. В сохранившейся оригинальной рукописи Альнпеха, озаглавленной «*Topographia civitatis Leopolitanae*» [«Топография города Львова»]⁵⁰, более полной по сравнению с текстом, напечатанным Брауном, много внимания уделяется львовским армянам⁵¹. К сожалению, большинство приводимых им сведений (несмотря на утверждения польской буржуазной историографии), по существу, всего лишь компиляция известий более ранних авторов (Меховита, Любельчик, Гербест). Буквально несколько фраз является результатом собственных наблюдений или разысканий автора. Компилятивный характер описания Альнпеха заставляет нас с подозрением относиться к сведениям о начале армянской колонии во Львове, которые сами по себе очень интересны. Эти сумбурные сведения, приправленные, по-видимому, значительной дозой средневековых фантастических домыслов,— крепкий орех для современных историков, заслуживающий, тем не менее, подробного разбора. Основываясь, возможно, на местной армянской традиции или используя сведения из недошедшего до нашего времени источника (быть может — из упоминаемой выше и недошедшей до

⁴⁹ S. Rachwał. Jan Alnpek i jego «Opis miasta Lwowa» z początku XVII w. Львов, 1930, стр. 9.

⁵⁰ Центральный государственный исторический архив УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, д. 1153, лл. 1—17. Рукопись опубликована в цит. кн. С. Рахвала, стр. 10—25.

⁵¹ S. Rachwał, цит. соч., стр. 10, 13—14, 17, 19—20, 25.

нас книги Ф. Гутковского), Альпих сообщает, что галицко-волинский князь Лев Данилович «поместил во Львове армянских солдат азиатского происхождения, вооружением, одеждой, языком напоминающих татар»⁵², в награду за то, что при их помощи отец (т. е. князь Даниил Галицкий.— Я. Д.) или разгромил, или вынудил к переговорам враждебных себе князей Руси и основал почти монархию в Южной Руси». Если упоминание о вооруженных отрядах армян не может вызывать серьезных возражений (имеются косвенные, правда немного более поздние — из XIV в., документальные данные о том, что среди армянских колонистов в Галицко-Волинском государстве значительный процент составляли воины), то отнесение времени возникновения армянской колонии во Львове всего лишь к периоду княжения Льва Даниловича усиливает наши подозрения. Дело в том, что средневековая историография связывала основание города (исходя из ложных предпосылок топонимического характера) с именем князя Льва — тогда как город в действительности был основан Даниилом Галицким. Если связи Даниила с армянами были столь тесными, как на это указывает Альпих, то, несомненно, еще Даниил разрешил армянам поселиться в городе. Эти полулегендарные данные о начале армянской колонии во Львове нашли дальнейшее развитие в сочинении более позднего львовского историка Б. Зиморовича⁵³.

⁵² Упоминание о татарском языке — анахронизм, который относится не к XIII в., а ко времени, когда жил Альпих.

⁵³ Сравни ниже.

Описание Альнпеха кончается очень любопытной и красочной (в данном случае — несомненно оригинальной) характеристикой львовских армян: «Молодые — бдительные, неустрашимые; зрелые мужчины — хитрые, увлекающиеся пышностью; старики — пылкие и гостеприимные. Девушки — упрямые, смуглолицые; женщины — немного простоватые, в пожилом возрасте — ядовитые».

В отличие от сочинения Альнпеха, для книги известного своей широкой эрудицией польского историка Шимона Старовольского (1588—1656) «Polonia» [«Польша»], изданной в Кельне в 1632 г., тяжело установить непосредственные источники. У Старовольского встречаются ранее неизвестные данные об армянском самоуправлении в Каменце «и в других больших городах Руси» — автор сообщает о торговле армян с Ираном и Турцией, определяет ее специфику («больше всего привозят чистокровных лошадей»⁵⁴). Однако сообщения Старовольского вместе с тем с головой выдают фанатизм краковского каноника. Упоминая об армянских епископах во Львове и в Каменце, Старовольский с радостью подчеркивает, что «город этот (т. е. Львов. — Я. Д.) никогда не допускал и до сих пор не допускает еретиков⁵⁵ к управлению и поэтому получил большие благодарности от папы Сикста V...»⁵⁶.

Бурные события Тридцатилетней войны в Западной Европе не способствовали развитию наук,

⁵⁴ S. Starovolscius. Polonia. Кельн, 1632, стр. 114—115.

⁵⁵ Имеются в виду украинцы и армяне.

⁵⁶ S. Starovolscius, цит. соч., стр. 56.

в том числе исторических и географических. В большинстве случаев ученые довольствовались возможностью создать одну новую книгу, беря сведения из нескольких старых. Большими учеными считались не оригинальные создатели, а люди, вооруженные терпением и усидчивостью — качествами необходимыми для составления компилятивных и эклектических трудов. Типичным представителем этого течения в науке является немецкий географ Мартин Цейлер (1589—1661), написавший множество трудов, посвященных отдельным странам мира⁵⁷. В его описаниях Польши и Литвы⁵⁸ также встречаются упоминания об армянских колониях во Львове и Каменце, однако сведения о них заимствованы (как это, впрочем, и признает чистосердечно сам автор) из упомянутых выше работ Соликовского, Альнпеха, Старовольского и др.

Неуклонное усиление экономического потенциала армянских колоний на Украине находит самое разнообразное отражение в современной литературе. Лучшим доказательством укрепления позиций армян при польском королевском дворе является любопытный документ — отчет армянского купца Сефера Муратовича, личного поставщика польского короля Сигизмунда III, о его поездке на Во-

⁵⁷ M. von Waldberg. Martin Zeiller. В кн.: «Allgemeine Deutsche Biographie». Т. 44. Лейпциг, 1898, стр. 782—784.

⁵⁸ M. Zeiller. Neue Beschreibung des Königreichs Polen und Gros-herzogtums Litauen... Ульм, 1647; его же. Andere Beschreibung des Königreichs Polen und Grossherzogtums Litauen... Ульм, 1657.

сток. Сефер Муратович — один из наиболее видных представителей украинских армян XVII в. Уроженец Львова, он рано приобрел известность как знаток восточных языков⁵⁹. Так как Сефер был не менее дельным торговцем, в 1602 г. он был послан королем с торговыми поручениями в Иран. Муратович не только блестяще выполнил это поручение (купил значительное количество драгоценных камней и других предметов роскоши иранской работы), но и фактически установил дипломатические отношения между Польшей и Ираном. В своем «Отчете» — замечательном образце письменности украинских армян, опубликованном армянским историком. Ю.-Э. Минасовичем⁶⁰, Муратович живо описывает свое пребывание в Кашане, прием, который был ему оказан шахом Аббасом I. Королевский поставщик (такой официальный титул получил Муратович после своего возвращения из Ирана) играл видную роль среди армян на Украине. Как приверженец старых национальных обычаев и враг унии с Римом, в 1631 г. он был послан львовской общиной в Эчмпадзин с жалобой на архиепископа — отступника Н. Торосовича. Возможно, что блестяще написанная жалоба на Торосовича⁶¹, в которой чрезвычайно картинно изображены все бед-

⁵⁹ S. Barącz. Żywoty sławnych Ormian w Polsce. Львов, 1856, стр. 234—237.

⁶⁰ S. Muratowicz. Relacja dla sprawowania rzeczy wysłanego do Persji w r. 1602. Варшава, 1777.

⁶¹ [F.] Zacharyasiewicz]. Wiadomość o Ormianach w Polsce. Журн. «Biblioteka Naukowego zakładu Im. Ossolińskich». Т. 2, Львов, 1842, стр. 77.

ствия, вызванные пребыванием Торосовича на архиепископском кресле, составлена не без участия этого примечательного, незаслуженно забытого историей армянина.

Не менее показательным свидетельством роста армянской колонии во Львове является усиление антиармянской оппозиции в городе. Польский католический патрициат, захвативший ключевые позиции экономики и управления города в свои руки, очень недоброжелательно смотрел на рост торговой мощи армянских купцов — хотя они, в конечном счете, немало сделали для поднятия экономики города. Постоянные споры между магистратом и армянской общиной, отстаивающей свои права, отражены богатым, до сих пор еще не использованным как следует архивным материалом.

Не очень благодарную роль «защитника» львовских патрициев от мнимой армянской угрозы взял на себя польский философ и врач Себастиан Петричи (Петрыцы; ум. 1626), выступивший с неуважительно проповедью национальной и религиозной нетерпимости (которая, конечно, была всего лишь отблеском жестокой конкурентной борьбы между польскими и армянскими купцами). Лучшим показателем напряженных отношений, существовавших в городе, является то, что этот доктор медицины Падуанской академии и профессор медицины Краковского университета, широко известный переводчик сочинений Аристотеля, выпустил резкий антиармянский памфлет под крикливым заглавием «Jeśli Żydowie więcej podejrzani i gorsi są Rzeczypospolitej niżli Ormianie» [«Кто более подозрительный и вредный для Речи Посполитой—

евреи или армяне?». Этот памфлет, напечатанный как приложение к пятой книге перевода Аристотелевой «Политики» (злополучный философ пытался подкрепить свои шовинистические выпады аргументами из ... Аристотеля), был издан в Кракове в 1605 г.⁶² По-видимому, далекая от объективности картина, которую нарисовал Петричи, вызвала протесты современников — поэтому памфлет встречается далеко не во всех сохранившихся экземплярах «Политики»⁶³. В экземплярах, из которых памфлет был удален, остались только, правда не менее ядовитые, «Предостережения» Петричи, в которых он заявляет, что «армян во Львове приняли как бродяг и мелких торговцев — а сейчас они выталкивают из герода польскую нацию». Автора, видимо, раздражает, что армяне «не хотят принимать наши обычаи: женятся между собой, имеют свою тайную республику»⁶⁴.

Если отбросить беспочвенные выдумки Петричи, преувеличивающего минимую угрозу, исходящую от армян (Петричи инкриминирует львовским армянам всевозможные преступления, вплоть до государственной измены и шпионажа в пользу Турции), останутся очень ценные бытовые подробности, отра-

⁶² Aristoteles. *Polityka to jest rzãd Rzeczypospolitej z dokła tem ksiąg ośmioro*. Ч. 2. Краков, 1605, стр. С XIX — CXXXIV.

⁶³ Экземпляры «Политики» с памфлетом Петричи являются большой библиографической редкостью. Возможно, что в связи с этим памфлет, несмотря на ценный фактический материал, совсем не использован историками.

⁶⁴ Aristoteles, цит. соч., стр. 14.

жающие жизнь армянской колонии во Львове. Петричи перечисляет товары, которыми торговали львовские армяне. Это в первую очередь восточные (так называемые «турецкие») товары — причем армяне первые из купцов импортировали на Украину хлопчатобумажные платки, вуали, тувальни (особый вид широкого полотенца), дама⁶⁵. Армяне торговали также другими сортами шелковых тканей (импортируемых не только с Востока, но и из Италии), сукном, полотном, кожей, воском, лошадьми, медом, пряностями (шафраном), немецкими косами и т. д. Армяне, привозившие более дешевый товар, успешно конкурировали с магнатскими мануфактурами, вырабатывавшими более дорогой сафьян, более дорогие ковры. Петричи с завистью описывает организованность и сплоченность армянских купцов. Он упоминает, что им, и то только после длительной борьбы, удалось добиться разрешения иметь 72 собственных дома в городе, и обрушивается на попытки армян расширить занимаемую ими в городе незначительную территорию. Петричи не правятся построенные армянами бани, залы для собраний, он выступает против содержания ими огородов в предместьях. Автор памфлета в общих чертах рисует армянское самоуправление в городе и напряженные отношения между ним и магистратом. Несмотря на свою враждебность к армянам, Петричи не в состоянии отрицать определенный культурный уровень колонии (первый из

⁶⁵ Дама или адамашк — особый вид шелковой ткани.

средневековых авторов, он упоминает об армянской школе в городе) и заслуги армян при освобождении пленников из турецкой неволи.

Петричи, выступивший как идеолог наиболее зажиточной верхушки дворянства и патрициата, требовал жесткого ограничения прав армянского населения, открыто призывал к тому, чтоб свести роль армян к роли «осла, которого пригласили на свадьбу не для того, чтоб он сидел как равный с приглашенными гостями, а чтоб носил воду и дрова на кухню»⁶⁶. Памфлет, как нельзя лучше, передает атмосферу подозрительности и ненависти, в которой армянам приходилось жить в городах, где власть находилась в руках польской католической верхушки. Насколько далека картина, нарисованная автором начала XVII в., от тех слащавых, идиллических тонов, в которых изображались отношения между угнетенными армянами и господствующей нацией польской буржуазно-националистической историографией XIX—XX вв.!

Целый ряд фактов действительно указывает на укрепление экономической мощи и рост культурного уровня колоний, столь сильно раздражавших Петричи. В 1616—1618 гг. во Львове, как уже упоминалось выше, действовала армянская типография Ованнеса Карматаненца — не напечатавшая, правда, ни одного сочинения, непосредственно связанного с историческим прошлым армянских колоний на Украине. С точки зрения историка культуры заслуживает упоминания только небольшая памя-

⁶⁶ Aristoteles, цит. соч., стр. CXXXI.

ная записка (колофон) Ованнеса Карматаненца, напечатанная им же во львовском издании «Псалтыри» 1616 г., в которой он излагает обстоятельства создания армянской типографии во Львове⁶⁷.

Во Львове проживал замечательный армянский путешественник Симеон Дпир⁶⁸ (1584 — ум. после 1635), автор очень ценного описания путешествия на Восток, совершенного в 1608—1619 гг. Симеон, сын Мартироса, родившийся в армянской колонии в Замостье, с юных лет ощущал влечение к наукам и путешествиям. Еще в молодости он собирал книги, планировал путешествие в Рим и на Восток. Для изучения состояния армянских колоний на Украине имеют большое значение отдельные места из главного его сочинения — «Путевые заметки»⁶⁹, в которых он дает подробное описание армянской колонии во Львове, а также упоминает о со-

⁶⁷ Сравни, напр., *Մ. Բ ժ շ Կ Ե Ս Ն Գ. Ժանապարհորդութիւն Ի Լեհաստան և յայլ Կողմանս քնակեալս Ի հայկազանս, սերիոց Ի նախնեաց Անի քաղաքին*. Венеция, 1830. стр. 99—100.— Здесь и в других местах вне поля зрения нашей статьи остаются произведения украинских армян литературного характера (в узком смысле этого слова), напр., сочинения львовского армянского поэта Минаса Тохатеци, хотя в них в определенной степени тоже отражено состояние армянских колоний на Украине.

⁶⁸ Известный также под именами Симеон Замостеаци или Симеон Леаци.

⁶⁹ О Симеоне Дпире и его сочинениях см. М. О. Дарбинян. Путевые заметки Симеона Леаци. В сб.: «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов». Ереван, 1961, стр. 229—236; E. S ǫ u s z k i e w i c z. Relacja Ormianina polskiego Symeona o podróży na wschód (w. XVII). В кн.: «Zjazdy orientalistów polskich», III—IV. Вильнюс, 1934, стр. 59—61.

стоянии глубокого упадка, в котором находились в это время колонии в Луцке и в Киеве. Симеон описывает львовскую колонию со всеми ее культурными, юридическими и другими общественными учреждениями (школой, библиотекой, больницей, домом для нищих, судом).⁴ Как убежденный противник унии с Римом, Симеон выступал против попыток папства подчинить себе армянскую церковь. Так, например, в своем сочинении он гневно изобличал католика Мелкисета, послушное орудие в руках Рима, прибывшего во Львов в 1626 г.: «приехал Эчмнадзинский католикос Мелкисет, старый и седой, умом ослабевший и немощный, пьяница и сребролюб. С ним было много епископов, подобных ему, и пьяниц. А от науки они были очень далеки. Во Львове они пробыли полгода». Не менее ценным историческим источником, освещающим период борьбы украинских армян против насильственного введения унии, является обширная памятная запись Симеона, сделанная им в 1636 г. на рукописном «Толковании книги Бытия Варданом». В памятной записи дается яркая обобщенная картина преследований, которым подвергались львовские армяне (и, в частности, сам Симеон), хранившие верность древним обычаям. Автор записи, несомненно одаренный значительным литературным талантом, сумел с большой непосредственностью передать атмосферу ужаса и тревоги, господствовавшую в армянской общине в 30-х годах XVII в. Симеон написал также стихотворный памфлет «История Нико-

ла», направленный против архиепископа Торосовича⁷⁰.

Первые известия о рукописи «Путевых заметок» Симеона, хранившейся до второй мировой войны в Научной библиотеке Львовского университета⁷¹, сообщил еще в 1869 г. неутомимый исследователь армянских древностей на Украине, видный армянский историк С. Баронч⁷². Однако только в 1927 г. было предпринято научное описание рукописи⁷³, а в 1932—1936 гг. — ее публикация, осуществленная известным армянским филологом Н. Акиняном⁷⁴. Одновременно с «Путевыми заметками» Симеона были изданы его памятные записи и «Хроника». Исследование «Путевых заметок» и других сочинений Симеона нельзя считать законченным. На пути научного их использования встречаются определенные трудности языкового порядка, связанные с тем, что Симеон писал своеобразной смесью грабара и ашхарабара со значительной примесью половецких слов. Ценным вкладом в изучение наследия Симеона будет подготовленный к печати

⁷⁰ *Կաթողիկոս...*, стр. 202—214.

⁷¹ Рукопись № 58 отдела рукописей библиотеки.

⁷² S. Barącz. Rys dziejów ormiańskich. Тернополь 1869, стр. 205.

⁷³ S. Macler. Rapport sur mission scientifique en Galicie et en Bukovine (juillet-août 1925). «Revue des Etudes Arméniennes». Т. 7. Париж, 1927, № 1, стр. 126—127.

⁷⁴ Սիմեոնի Դպրի Լեհացւոյ Ուղեգրութիւն. Նկարագրութիւն ուղեւորութեան ի Լիւովէ ի Կ. Պոլիս, ի Հոռոմ, ի Մուշ և Յերուսաղէմ յամսն 1808—1810: Յաւելուած, քաղաքական անցք Լեհո (1821—1835). Ներածութիւն և բնագիր հրատարակեց՝ Ն. Ակիւնեան. Вена, 1936.

комментированный русский перевод «Путевых заметок», «Хроники» и памятных записей, выполненный М. О. Дарбинян.

Не менее видными представителями культурной жизни армянских колоний на Украине в первой половине XVII в. являлись каменецкие хронисты Акоп, Авксент и Ованнес.

О Тер-Акопе (ум. 1621 г.), сыне каменецкого архипресвитера Тер-Григора, сохранилось очень мало известий. Сам Тер-Акоп был, по-видимому, также священником. Упоминаемая выше «Каменецкая хроника» велась, несомненно, при каменецкой армянской общине наиболее грамотными ее представителями — Тер-Акоп был одним из ее составителей. Тер-Акопу принадлежат частично записи в хронике за 1611—1621 гг., которые в дальнейшем были отредактированы его братом и продолжателем хроники Тер-Авксентом⁷⁵. «Тер-Акоп написал эту хронику и оставил ее в рукописи,— записывает Авксент в хронике под 1621 г.;— в связи с тем я, Авксент, брат его блаженной души, перенес ее из его рукописи и вписал в эту хронику»⁷⁶. Если вопрос о родственных связях между Акопом, Авксентом и третьим хронистом Ованнесом, после пред-

⁷⁵ По мнению А. Анасяна (сравни его статью «Отголоски битв при Хотине 1621 г. в армянских источниках» в сб. «Великая дружба». Ереван, 1954, стр. 227) Акоп является автором только некоторых записей, сделанных в 1611—1612 гг. По-видимому, более правильно будет считать, что Акоп делал записи в хронике вплоть до своей смерти в 1621 г.—как на это косвенно указывает цитируемая ниже фраза Авксента.

⁷⁶ *Կամեհէիս*, стр. 91.

принятых в течение последних лет исследований⁷⁷, можно считать окончательно решенным, то установить, которые именно записи 1611—1621 гг. принадлежат Акопу, а которые Авксенту, невозможно. Несомненно, Авксент, совсем самостоятельный автор записей после 1621 г., не только отредактировал предыдущую часть хроники, но и дополнил ее собственными наблюдениями, собственными или чужими письменными записями. Некоторые записи биографического характера, имеющие отношение к Авксенту, явно принадлежат ему (напр., под 1613, 1620 гг.). Часть «Каменецкой хроники», охватывающая 1611—1652 гг., написана на кипчакском языке (в отличие от предыдущей части за 1430—1610 гг., составленной на грабаре) — и это только лишний раз подчеркивает целостный характер этого сочинения Акопа и Авксента. Первые сведения о «Каменецкой хронике» были сообщены еще в 1830 г. М. Бжшкяном⁷⁸, однако сам текст в оригинале был опубликован полностью только в 1896 г. Г. Алишаном⁷⁹ и, независимо от него, частично переиздан в 1957 г. в замечательной научной обработке Ж. Дени⁸⁰.

Авксент, по-видимому тоже священник, был видным представителем верхушки армянской ко-

⁷⁷ А. С. Анасян, цит. статья, стр. 225—226; J. Deny, цит. соч., стр. 24; E. Tryjarski. O «Historii wojny chocimskiej» i autorach ormiańskich kronik kamienieckich. Журн. «Przegląd Orientalistyczny». Варшава, 1959, № 2, стр. 211—214.

⁷⁸ У. Р. 2446 ш. г., цит. соч., стр. 162.

⁷⁹ Чмдкккк, стр. 15—112.

⁸⁰ J. Deny, цит. соч. Публикация сделана на основании рукописи, хранящейся в отделе рукописей Национальной библиотеки в Париже.

лонии в Каменце. В 1613 г. он, как знаток восточных языков, принимал участие в поездке польского посольства, руководимого каменецким подсудком Анджеем Гурским, в Турцию. Сохранилась рукопись инструкции этого посольства⁸¹, в которой определенное место занимает вопрос о свободе торговли для армянских купцов, проживавших в пределах Речи Посполитой. В связи с этим имеются все основания считать Авксента не только переводчиком и интендантом посольства (как он сам себя называет⁸²), но и неофициальным экспертом по вопросам армянской торговли с Востоком. В 1620 г. Авксент был приставлен в качестве переводчика и смотрителя к турецкому посольству, направлявшемуся в Варшаву. Другими сведениями об Авксенте мы не располагаем. Попытки идентифицировать его с армянским священником в Рашкове Аксентом Миколаевичем Хосровай или с каменецким советником (райцей) Григорием Аксентовичем, которые предпринимались ранее С. Барончем⁸³ и Ж. Дени⁸⁴, нужно считать неудачными⁸⁵. Авксент, несомненно, не без

⁸¹ Хранится в отделе рукописей библиотеки Краковского университета в кодексе № 5, лл. 85–89. Об А. Гурском см. S. Pełeszowa. Andrzej Górski. В кн.: «Polski słownik biograficzny». Т. 8. Вроцлав, Краков, Варшава, 1960, стр. 433–434.

⁸² *Chmielec*, стр. 75.

⁸³ S. Barącz. *Żywoty sławnych Ormian w Polsce*. Львов, 1856, стр. 198.

⁸⁴ J. Deny, цит. соч., стр. 24.

⁸⁵ Согласно правилам образования фамилий армян в украинском и польском языках имя и фамилия хрониста должны звучать Аксент Грицкович или Аксент Григорович—доступные нам источники не сохранили сведений о подобном лице.

оснований пользовался доверием господствовавшей польской шляхетской верхушки — его социальные позиции как нельзя лучше обнаруживаются при рассмотрении трактовки им событий Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Отъявленная враждебность социальным и национальным стремлениям украинского народа, яростная защита интересов польских магнатов, которую проводит Авксент в хронике, — это главные основания для того, чтоб считать Авксента одним из представителей той части армянской верхушки, которая в дальнейшем, во второй половине XVII в., ради сохранения своих экономических привилегий пошла на сговор с Римом в вопросе о принятии унии.

«Каменецкая хроника» в части, составленной Акопом и Авксентом, сообщает много интересных подробностей о жизни армянской колонии в Каменце, дает сведения об армянах во Львове, Язловце и других городах. Сухие, лаконичные записи являются ценным материалом для истории армянского самоуправления в Каменце (известия о выборе старейшин, о судебной практике), освещают связи общины с Арменней (посещения Каменца легатами эчмнадзинского патриарха), дают сведения по истории армянского искусства (перестройки и обновления армянских церквей в Каменце). В хронике подчеркиваются некоторые моменты из истории дружественных украинско-армянских связей (напр., пребывание казацкого гетмана П. Сагайдачного в гостях у армянского старейшины Луки Грицковича в 1621 г.). Кроме этого, хроника частично выполняет роль поминальника — в ней запи-

саны даты смерти более видных представителей армянской верхушки в Каменце. Все эти сведения вкраплены в записи, освещающие более важные исторические события, связанные, например, с польской интервенцией в Московском государстве (1609—1618 гг.), турецким нашествием на Украину (1620—1621 гг.) и т. д.

Менее обильным в отношении специфически армянских деталей является сочинение третьего представителя армянских хронистов из Каменца — Ованнеса, сына упоминаемого выше Тер-Акопа. Ованнес, современник бурных событий польско-турецкой войны 1620—1621 гг., окончившейся победой объединенных польско-украинских войск под Хотинском в 1621 г., оставил после себя «Историю Хотинской войны, происходившей во времена турецкого султана Османа, когда армянским католиком в святом Эчмнадзине был Мелхиседек». Это сочинение, написанное в отличие от предыдущих на плавном грабаре, удалось разыскать только недавно⁸⁶ А. Анасяну, который и опубликовал «Историю» в русском переводе⁸⁷. Все сведения об Ованнесе сводятся к тому, что он сам сообщает о себе в своем сочинении. Известно, что отец Ованнеса настаивал на том, чтоб сын продолжал литературные традиции рода. В 1621 г. Ованнес находился во Львове — и за описание военных событий этого го-

⁸⁶ Рукопись хранится в ереванском Матенадараце под № 2644.

⁸⁷ А. С. Анасян. «История Хотинской войны» Иоаннеса Каменецкого. «Պատմա-բանասիրական հանդես». Ереван, 1958, № 2, стр. 258—286.

да принялся, по-видимому, только через определенный промежуток времени после Хотинского сражения. Подготавливая свою «Историю», Ованнес разыскал и использовал хронику Акопа-Авксента; возможно, что он использовал еще другие источники, которые обработал согласно своим собственным воспоминаниям и наблюдениям. Написанное хорошим стилем, сочинение Ованнеса в литературном отношении — лучший образец каменецкого армянского летописания, который, однако, по сравнению с «Каменецкой хроникой», не вносит ничего нового в историю армянских колоний на Украине.

В 30—40-х годах XVII в. уже намечался глубокий раскол в среде армянских колонистов на Украине, окончательно оформившийся на полстолетия позже, в 70-х годах, — раскол, который стал в дальнейшем одной из главных причин упадка самобытности колоний в XVIII в. Причину раскола, внешне принявшего религиозную оболочку, необходимо искать глубже, в социально-экономических отношениях Польши XVII в. Усиливающееся наступление господствующей в государстве магнатской феодальной верхушки и сильного в городах олигархического патрициата на зажиточные слои угнетенных национальностей, среди которых находились также армяне, поставило под угрозу экономические прерогативы верхушки этих национальностей. Под угрозой потери своего привилегированного положения в торговле с Востоком часть зажиточной верхушки в больших армянских колониях ищет путей примирения с польскими магнатами и патрициями, не брезгуя при этом изменой

национальным интересам своих соотечественников. Для возникших таким образом среди армян экономически сильных группировок согласие на унию с Римом, которой требовали фанатично настроенные круги польских феодалов и духовенства, явилось одновременно ширмой, за которой надежно хранились их сословные привилегии. Борьба, развернувшаяся внутри армянских общин вокруг вопроса об архиепископе Николе Торосовиче, во время владычества которого население армянских колоний раскололось на два лагеря, явилась ранним отражением все усиливающегося процесса объединения экономических интересов наиболее зажиточной верхушки армянских колоний с интересами могущественных польских магнатов и патрициев.

4 Своеобразным отражением подобного процесса в религиозной жизни украинцев явилась огромная и чрезвычайно богатая полемическая литература конца XVI — первой половины XVII вв., в которой освещены позиции двух враждующих церквей — римско-католической и православной. Относительная немногочисленность армян не была благоприятной почвой для возникновения подобной литературы в армянской среде — тем не менее, религиозная борьба, разгоревшаяся между сторонниками унии с Римом и приверженцами григорианской церкви, нашла также свое отражение в современной литературе. Лучшим доказательством этого является сочинение польского теолога М. Бембуса и ответ на это сочинение армянского полемиста Х. Голубовича.

Матеуш Бембус (1567—1645)⁸⁸ — видный представитель всеильного в Польше ордена иезуитов, яростный враг светской науки и один из наиболее фанатичных последователей широко известного польского проповедника и полемиста П. Скарги. Бембус приехал во Львов осенью 1629 г., во время неудачного, впрочем для дела унии с Римом, синода украинской церкви во Львове. Проповедник посетил во Львове армянский собор, вел беседу с присутствовавшими в соборе армянами и пытался устроить в церкви дискуссию на религиозные темы. Обладавший неплохим слогом, однако крайне нетерпимый в своих писаниях и действиях, теолог обратил всю силу своего красноречия на попытку разъединить проживавшее на Украине армянское население. Таким образом появилась на свет большая (почти в 200 страниц) книга Бембуса «Ormińskie nabożeństwo i wzywanie ludzi narodu tego zacnego do jedności w wierze i w miłości kościoła świętego katolickiego rzymskiego» [«Армянское богослужение и призыв людей этого почтенного народа к единству в вере и в любви к святому римскому католическому престолу»], напечатанная в Кракове в 1630 г.

Тяжеловесная, запутанная, догматическая, подтверждаемая различными богословскими авторитетами дискуссия, которая занимает основное место в книге, вряд ли заслуживает детального разбора.

⁸⁸ О. Бембусе существует довольно обширная литература. См. S. Bełnarski. Mateusz Bambus. В кн.: «Polski słownik biograficzny». Т. I. Краков, 1935, стр. 419—420.

Гораздо более важным для современного исследователя является общий дух сочинения Бембуса, его отношение к украинским армянам, понимание религиозных вопросов армянских общин. Мнение Бембуса в этой области, несомненно, совпадало с представлениями католической церковной верхушки Польши в первой половине XVII в. Несмотря на льстивое обращение к армянам в заглавии своей книги («почтенный народ»), Бембус на страницах своей книги для армян, не желавших порывать со своею религией, не находит другого выражения, как только «выродки». Еще лучше определяет идейное содержание книги Бембуса приводимая им в предисловии цитата из «Апокалипсиса» Иоанна Богослова: «Знаю, где ты живешь, где дьявольская столица». В интерпретации Бембуса, дьявольская столица — это город Львов, в котором существует не одна-единственная «святая» римско-католическая церковь, но, кроме нее, исповедуют еще православную и григорианскую религии, а украинцы и армяне имеют своих собственных епископов. Во всяком случае, увещания Бембуса и его лукавое утверждение, адресованное армянину, о том, что «не потеряешь от этого объединения (т. е. от объединения с Римом.— Я. Д.) ничего», которым он кончает книгу, не оказали чудодейственного влияния на основную массу армянского населения, стойко оберегавшего свои древние традиции.

Наиболее интересным результатом воздействия книги Бембуса явилось, несомненно, появление среди львовских армян полемиста, сочинившего достойную отповедь пропагандисту-незульту. Кристо-

фор Горничка-Голубович был видным представителем львовской колонии. В 1596 г. он был городским переводчиком⁸⁹, в 1625 г. он, как один из регентов армянского суда, осудил во Львове двух армянских купцов за неподчинение армянскому праву⁹⁰. За свою приверженность армянским традициям Голубович, после того как вынесенный им приговор был отменен магистратом, был заключен в тюрьму, а городской прокурор требовал для него даже смертной казни. Приговоренный к тюремному заключению, большому штрафу и изгнанию из города, Голубович не сложил оружия и добился отмены несправедливого приговора⁹¹. В период ожесточенной борьбы против недавно рукоположенного в архиепископы Никола Торосовича семья Горничка-Голубовичей руководила враждебной Николу группировкой⁹², отставала древние армянские обычаи в быту и в церковном обряде.

В накаленной обстановке внутренней борьбы во львовской армянской колонии, еще более обострившейся после напечатания сочинения Бембуса, выход в свет книги, озаглавленной «*Pokazanie prawdziwe i krótkie obrzydliwego i śmierdzącego błędu*

⁸⁹ Центральный государственный исторический архив УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, д. 516 (по каталогу К. Бадецкого *Acta iudicii civilis Armenorum*, т. 4), л. 98.

⁹⁰ Там же, ф. 52, оп. 3, д. 40 (по каталогу К. Бадецкого *Acta officii consularis*, т. 33), л. 767.

⁹¹ W. Łoziński. *Patrycjat i mieszczanństwo lwowskie w XVI i XVII w.* Изд. 2. Львов, 1892, стр. 291—292.

⁹² S. Barącz. *Ryś dziejów ormiańskich*. Тернополь, 1869, стр. 118—119.

«księciota rzymskiego» [«Правдивое краткое изложение отвратительной и зловонной ошибки римской церкви»], написанной, по свидетельству армянского историка XVII в. Я.-Т. Юзефовича, Кристофором Голубовичем и его сыном, священником Яковом, произвел впечатление взорвавшейся бомбы⁹³. Книга опровергла догмы католической церкви и, в конечном счете, была направлена против Торосовича и небольшой кучки его сторонников, поддерживавших «римские веяния» в армянской среде.

Книге Голубовичей не было суждено распространиться среди украинских армян. В тот момент, когда она, после напечатания, была передана для переплета, по доносу переплетчика тираж ее был конфискован и уничтожен. Встревоженный действиями оппозиции, Торосович донес о книге львовскому римско-католическому архиепископу; соответствующие отчеты были направлены даже в Рим, в конгрегацию для распространения веры⁹⁴. К сожалению, книга Голубовичей, несомненно очень ценный документ, иллюстрирующий жизнь армянских колоний 30-х годов XVII в., так и не дошла до наших времен. Наиболее полное (хотя и очень тенденциозное) представление о ней дает упоминаемая

⁹³ J.-T. Josephovicius. Annotationes in vitas archiepiscoporum Leopoldinum, tum super gesta regiminis et annorum illorum ab A. D. 1614... breviter et fideiiter conscriptae, стр. 155—159. Рукопись в библиотеке Национального заведения им. Осольнских во Вроцлаве.

⁹⁴ G. Petrowicz. L'Unione degli Armeni di Polonia con la Santa Sede (1626—1686). Рим, 1950, стр. 28—29.

выше хроника Юзефовича. Следует отметить, что посвященный книге параграф, написанный на основании письменного доноса Торосовича, до сих пор не опубликован. Этот весьма интересный эпизод, отражающий сопротивление армянских поселенцев насильственно проводимой церковной унии, обычно стыдливо замалчивался польской буржуазной историографией, отражавшей официальную католическую точку зрения о «добровольном присоединении» украинских армян к Римской церкви.

Заканчивая рассмотрение литературы первой половины XVII в., посвященной армянам на Украине, стоит упомянуть еще о некоторых сведениях о прошлом и настоящем армянских колоний, рассеянных в различных по своему характеру сочинениях.

✓ Львовский каноник, «правая рука» упомянутого выше архиепископа Соликовского, первый римско-католический епископ-суффраган во Львове Томаш Пиравский (1564—1625) около 1615 г. написал на основании документов, хранившихся в архивах львовского капитула и доминиканского ордена во Львове, обширную «*Relatio status almae archidioecesis Leopoliensis*» [«Отчет о состоянии благодатной львовской архидиоцезии»]. Отчет Пиравского, написанный для внутренних нужд архиепископства, был как ценный исторический источник издан только через два с лишним столетия историком Г. Геком⁹⁵. В своем сочинении Пиравский приводит некоторые интересные детали из истории армянской колонии во Львове в XIV—XV вв. Он упо-

⁹⁵ Th. Piravski. *Relatio...* Львов, 1893.

минает о папской булле, разрешавшей доминиканцам принимать в свой монастырь армян, об одной из первых во Львове монашек — армянке Магдалине, об армянской бане во Львове⁹⁶.

Совсем посредственному польскому панегиристу Марциану-Казимежу Комадарскому мы обязаны единственным современным упоминанием об армянской колонии в городе Бродах. Об армянском населении этого города Комадарский упоминает в изданном во Львове в 1641 г. панегирике «*Votum orbis Sarmatici*» [«Обет сарматской земли»], посвященном польскому магнату Станиславу Конецпольскому (собственностью которого являлись Броды).

Польский историк Шимон Окольский (1580—1653), видный сановник доминиканского ордена на Украине (на протяжении ряда лет он возглавлял провинцию ордена на Руси), напечатал в 1646 г. во Львове свою книгу «*Russia florida rosis et liliis*» [«Русь, цветущая розами и лилиями»]. Под таким пышным заглавием скрывается история доминиканских монастырей на Украине. Окольский снова упоминает об армянке-монахине Магдалине (притом он основывается на данных «старого каталога» львовских доминиканцев), а также о доминиканце Стефане Армянине из Львова, римско-католическом епископе в Холме⁹⁷.

⁹⁶ Там же, стр. 80, 108, 109.

⁹⁷ S. Okolski. *Russia florida rosis et liliis*. Львов, 1646, стр. 58, 72.— Известие о епископе Стефане Окольский почерпнул из книги А. Бзовского «*Thaumaturgus Polonus seu de vita et miraculis s. Hyacinthi confessoris ordinis ffrædicatorum commentarius*». Венеция, 1606, стр. 50.

* * *

Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. не только уничтожила ненавистное иностранное иго на значительной части украинских земель, но и в большей мере подорвала политическую и экономическую мощь феодальной Польши, лишившейся богатых плодородных земель и вынужденной приостановить свою экспансию на Восток. Ожесточенная борьба украинского народа против польского господства — борьба против социального и национального гнета — встретила сочувствие и поддержку других угнетенных национальностей, проживавших в то время на Украине. Если немногочисленная, наиболее зажиточная верхушка армянских колоний, державшая обычно бразды армянского самоуправления в своих руках, поддерживала польских феодалов в их борьбе против освободительного движения украинского народа⁹⁸, то основная масса армян, особенно армянские низы, с большой симпатией отнеслись к руководимому Богданом Хмельницким мощному народному движению.

Ряд документальных данных подтверждает, что в осаждаемых казацкими войсками городах наиболее ненадежными для поляков считались, наряду с украинцами, также армяне. Подольский судья

⁹⁸ Наиболее ярко выражена эта тенденция в записях «Каменецкой летописи» за 1649—1652 гг. (ср. *Часопис*, стр. 110—112).

Л. Мясковский в своем письме из Каменца-Подольского от 27 октября 1648 г., адресованном львовскому подкоморию В. Мясковскому, с тревогой сообщает о враждебном отношении многочисленного армянского населения города к польским властям и военному гарнизону в Каменце⁹⁹. Современник событий, польский поэт и историк Иероним-Веспасиан Коховский, описывая осаду Львова войсками Б. Хмельницкого в 1648 г., подчеркивает, что при комплектовании отрядов для обороны города, для того «чтоб предупредить измену армян и украинцев (проживающих во Львове.— Я. Д.), их перемешали с католиками и послали шляхтичей в каждый сторожевой отряд»¹⁰⁰. Больше того, армяне открыто становились на сторону восставшего народа и принимали участие в его борьбе против порабощителей. В списках казаков Белоцерковского и Уманского полков украинских войск, составленных в 1649 г., имеются прямые указания на армянскую национальность некоторых занесенных в списки казаков¹⁰¹. Во времена, очень тяжелые для создаваемого Богданом Хмельницким украинского государства, армяне поддерживали торговые связи с казаками, препятствуя тем самым экономической блока-

⁹⁹ J. Michałowski. Księga pamiętnicza. Краков, 1864, стр. 210—211.

¹⁰⁰ W. Kochowski. Historia panowania Jana Kazimierza z Kłimakterów... Т. I. Познань, 1859, стр. 24.

¹⁰¹ Ф. П. Шевченко. Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст., Киев, 1959, стр. 241.

де Украины, которую пыталась установить Речь Посполитая¹⁰².

В связи с этим становится понятным враждебное (или — в лучшем случае — недружелюбное) отношение польской историографии второй половины XVII в. к армянам, которое приобрело тогда специфически новый оттенок. Если в первой половине XVII в. недоброжелательность к армянам диктовалась в первую очередь соображениями экономической конкуренции (Петричи), более или менее прозрачно завуалированными религиозными вопросами (Бембус), то сейчас на первый план выдвигаются обвинения политического характера (Зиморович, Коховский). Во второй половине XVII в. (в 60—70-х гг.) усиливаются религиозные преследования армян — и значительное количество их эмигрирует из пределов Речи Посполитой в более веротерпимые страны. Не без влияния на состояние армянских колоний на Украине прошел захват Каменца-Подольского и южной части Правобережной Украины Турцией, господствовавшей в пределах созданного ею на этой территории княжества Сарматии на протяжении 1672—1699 гг. Усиливающееся внутреннее разложение феодальной Польши подорвало экономическую жизнь страны, поставило непреодолимые преграды на пути развития городов и, вместе с ними, армянских колоний. Только в кон-

¹⁰² М. Кордуба. Венское посольство до Хмельницкого (1650 р.). «Записки Наукового товариства ім. Шевченка». Т. 78. Львов, 1907, стр. 67; Центральный Государственный исторический архив УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, л. 530 (по каталогу К. Бадецкого «Acta iudicii civilis Armenorum», т. 18), л. 789.

це XVII — начале XVIII в., когда оставшиеся на западноукраинских землях немногочисленные армяне были окончательно насильственно обращены в унию, а верхушка армянской католической церкви стала послушным сообщником Рима и польских феодалов в деле ополячивания армян, изменился общий тон польской историографии и из нее исчезают обвинительно-угрожающие ноты.

Не удивительно, что при таких сложных обстоятельствах местная армянская историография постепенно клонится к упадку. «Каменецкая летопись» обрывается 1652 годом, и у нас нет сведений о том, что армянское летописание в Каменце продолжалось. По-видимому, последним отголоском историографических традиций армянской колонии в Каменце-Подольском явился диарий (дневник) каменецкого армянина-переводчика Степанноса Агопсо, в котором описываются злоключения группы каменецких армян, оставивших в 1672 г. свой родной город под давлением оккупировавших Каменец турок. В записной книжке Степанноса, составленной уже на польском языке, описывается длинный путь скитаний армянских выходцев из Каменца, которые в течение трех лет блуждали по территории Турецкой империи (выселенцы пересекли современную Румынию, Болгарию, европейскую часть Турции), пока незначительной части из них удалось возвратиться на украинские земли. Описанные Степанносом события легли в основу исторического очерка польского историка Ю. Ролле, опубликованного во Львове в 1878 г.¹⁰³.

¹⁰³ [J. Rolle]. Pod krzyżem. В его же кн. «Nowe opowiadania historyczne». Львов, 1878, стр. 3—82.

Вполне возможно, что существовавшие даже исторические сочинения украинских армян в дальнейшем погибли из-за отсутствия должного внимания к памятникам армянской письменности. Известно, например, что очень богатое собрание древних и современных рукописей при львовском кафедральном соборе было разграблено ставленником Рима Н. Торосовичем — многие из них были проданы или просто уничтожены. В конце XVIII — начале XIX вв. многие рукописи, свидетельствовавшие о доуниатском прошлом армянских колоний на Украине, таинственным образом «исчезли»¹⁰⁴, по-видимому уничтоженные фанатичной враждебной рукой.

Лучшим доказательством этого является пример львовского армянского летописания. Если фрагменты предполагаемой «Львовской летописи» с записями 1492—1537 гг. сохранились, как указывалось выше, в списке «Венецианской летописи», то дальнейшие признаки армянского летописания встречаются только через более чем одно столетие. Этот большой пробел — притом пробел, охватывающий как раз период наибольшего расцвета колонии и, одновременно, ожесточенной ее борьбы против окатоличения и полонизации — вряд ли объясним чем-либо другим, как только тем, что летописные записки второй половины XVI—первой половины XVII вв. погибли или, возможно,

¹⁰⁴ [F.] Z[acharyasiewicz], цит. соч. Т. 1. Львов, 1842, стр. 70, 88 и др.

были умышленно уничтожены. Вывод о том, что летописание львовских армян велось непрерывно, по крайней мере начиная с конца XV в., напрашивается после ознакомления с двумя сборниками летописного характера, отражающими историю львовской колонии второй половины XVII — начала XVIII в. Сборники эти сохранились до настоящего времени¹⁰⁵.

Две рукописные книги «Czynności Ormian Lwowskich» [«Деяния львовских армян»] — это, несомненно, фрагмент более обширной хроники. Сохранившиеся тома охватывают описанные более или менее подробно события 1649—1713 и 1734—1736 гг. (объем книг соответственно 278 и 283 стр.). Записи сделаны различными лицами — если учитывать характер и содержание записей, несомненно людьми, занимавшими официальные посты в местном армянском самоуправлении. Записи «Деяний» касаются самых разнообразных сторон жизни армянской колонии во Львове — торговых отношений армянских купцов с Востоком и Западом, религиозного вопроса в колонии и за ее пределами, культурной жизни львовских армян. На основании сведений «Деяний» удастся установить количество проживающих во Львове в различные годы армян¹⁰⁶, выяснить компетенции армянского суда, определить схему самоуправления, содержание решений сеньоров армянской нации во Львове. Ано-

¹⁰⁵ Хранятся в отделе рукописей Львовской библиотеки Академии наук УССР.

¹⁰⁶ Львовская библиотека Академии наук УССР, отд. рукописей, фонд Оссолинских, № 1646, стр. 165.

нимные летописцы (установить достоверно авторов записей пока не удалось) приводят, например, любопытные сведения об армянской школе во Львове¹⁰⁷. Летопись львовских армян сохранила очень ценные сведения, касающиеся не только армян во Львове. На основании упоминаний о связях с армянами из других колоний удастся получить данные о более мелких армянских поселениях на Украине. Львовская армянская община во второй половине XVII в. представляла одновременно интересы армян из города Луцка. В связи с тем, что другие источники сохранили мало сведений об этой древней армянской колонии, значение «Деяний», как источника для исследования истории внелвовских армянских колоний, трудно переоценить.

С тех пор, как известный армянский историк С. Баронч напечатал первое очень краткое известие об этих летописных записях львовских армян¹⁰⁸, они неоднократно использовались историками. Для Баронча «Деяния» были основным источником при составлении истории львовской армянской колонии, после него хроникой пользовались также историки К. Гек, А. Шнейдер, Т. Громницкий. Украинский историк Ю. Целевич использовал материалы хроники для освещения подробностей второй осады Львова Богданом Хмельницким в 1655 г.¹⁰⁹ Тем не

¹⁰⁷ Там же, стр. 76.

¹⁰⁸ S. Barącz. O rękopismach kapituły ormiańskiej lwowskiej. Журн. «Dziennik Literacki», Львов, 1853, № 34, стр. 266—267.

¹⁰⁹ Б. Барвінський. Д-р Юліан Целевич і його наукова діяльність на полі української історіографії і етнографії в світлі давніших та новіших дослідів. Львов, 1927, стр. 111.

менее огромный фактический материал, заключенный в хронике, до сих пор не использован надлежащим образом. Буржуазные историки подходили к использованию «Деяний» со своих узко классовых позиций — очень ценные, например, сведения, касающиеся социальной структуры львовской колонии, ее культурного облика, до сих пор не были использованы историками. Вопрос о научной публикации «Деяний», несомненно, давно уже созрел — выход в свет подобного издания значительно расширит наше представление о жизни армян на Украине в XVII—XVIII вв.

• «Деяния львовских армян» не были единственным трудом исторического характера, который хранился армянской общиной во Львове. Заметную историческую ценность представляли составленные местными армянами дипломатариин, т. е. сборники королевских привилегий, пожалованных украинским армянам. Подобные сборники возникали в первую очередь из практических соображений. Длительная борьба армян против притеснений и преследований польской администрации требовала превосходного знания юридических документов, на основании которых строилось армянское самоуправление, судопроизводство, торговые отношения и т. д. Имеются сведения о нескольких подобных дипломатариях, составленных в конце XVI и на протяжении XVII в. Большой кодекс королевских грамот (начиная привилегией львовским армянам от 1356 г.) был составлен во Львове сеньорами армянской общины в 1595 г. Этот кодекс сохранился

в нескольких более поздних копиях¹¹⁰. Армянский историк С. Баронч упоминает в своих работах о двух других дипломатариях, изготовленных во Львове в XVII в. Один из них был составлен в 1640 г. сеньором Ивашком Бернатовичем (в нем были копии грамот начиная с 1574 г.), другой — в 1695 г. письмоводителем львовского городского управления армянином Николаем Гадзевицем¹¹¹.

Обзор ряда армянских дипломатариев различных типов и разного содержания был сделан в свое время польским историком О. Бальцером¹¹². Обзор этот имеет значительную ценность в связи с тем, что некоторые из описанных Бальцером рукописей безвозвратно погибли во время второй мировой войны.

Хроники и дипломатарии, составленные в XVII в., — лучшее доказательство того, что для местных армян прошлое их колоний не терялось где-то в темных преданиях древности, а было вполне ощутимым, реальным, хорошо известным — по крайней мере это касается XV—XVI вв.

¹¹⁰ Одна из копий дипломатария (со второй половины XVII в.) хранится в рукописном отделе львовской библиотеки Академии наук УССР. Другой вариант дипломатария (изготовленный в 1640 г.) имеется в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

¹¹¹ S. Ba r ą c z. O rękopismach kapituły ormiańskiej Lwowskiej. «Dziennik Literacki». Львов, 1853, № 34, стр. 266; его же, *Żywoty sławnych ormian w Polsce*. Львов, 1856, стр. 136—138.

¹¹² *Corpus iuris Polonici*, sect. 1. vol. 3, Краков, 1906, стр. 401—414.

Ожесточенная борьба украинских армян за сохранение своего самоуправления и своих национально-религиозных особенностей не могла не вызывать сочувствия в далекой закавказской метрополии. Передовые люди Армении, растерзанной в то время Турцией и Ираном, всячески пытались оказать моральную поддержку своим угнетенным соотечественникам. В этом плане необходимо расценивать полемически заостренное выступление видного армянского историка Аракела Даврижеци, посвятившего злоключениям львовских армян отдельную главу своей знаменитой «Книги историй».

Вардапет Аракел Даврижеци (конец XVI в.—1670) работал над своим капитальным трудом, охватывающим события 1603—1662 гг., в течение более десяти лет. Для написания своей истории он не только воспользовался архивным материалом, хранящимся в Эчмиадзине (основном месте проживания историка), но и предпринимал ряд поездок по Ближнему Востоку. С условиями жизни армян на Украине Аракел знакомился как на основании эчмиадзинских материалов, так и на основании писем посещавшего армянские колонии на Украине архиепископа кесарийского Хачатура. Аракел лично встречался с армянами, приезжавшими из Львова¹¹³ (по-видимому встречался он также в 1631 г. с упоминаемым выше Сефером Муратовичем) в связи с аферой львовского архиепископа Никола Торосовича. На основании всех этих данных Аракел принялся за написание исторического очерка «О му-

¹¹³ G. Petrowicz, цит. соч., стр. VIII—IX.

чениях и преследованиях, которые претерпели армяне-христиане, проживающие в городе Львове», вошедшего в качестве XXVIII главы в его «Книгу историй». Аракел был первым армянским историком, труд которого был напечатан при жизни автора. *Պատմութիւն* Аракела Даврижеци была опубликована впервые в армянской типографии в Амстердаме в 1669 г. на древнеармянском языке и с тех пор перендавалась несколько раз как в оригинале, так и в переводе¹¹⁴.

Обширное и очень подробное описание событий, связанных с борьбой львовских армян против унии, сделанное современником на основании достоверных (хотя и несколько тенденциозных) сообщений очевидцев, оставляет за сочинением Аракела значение источника первоочередной важности. Соответствующий раздел «Книги историй» Аракела — первое армянское сочинение, отражающее события бурных для украинских армян 20—50-х годов XVII в. В свое время книга имела очень злободневное звучание. Имеются достоверные указания на то, что «Книга историй» Аракела распространялась среди армян на Украине¹¹⁵ сразу же после выхода в свет, несмотря на противодействие армяно-католической церковной верхушки и действовавших сре-

¹¹⁴ Последнее армянское издание *Պատմութիւն Առաքել Դավրիճեցւոյ*. 3-րդ հրատ. Երևան, 1896. — Французский перевод М. Брюссе в Collection d'historiens arméniens. T. 1. (Пб, 1874, стр. 267—608.

¹¹⁵ Obszerna wiadomość o połączeniu narodu o mianisko polskiego z kościołem rzymskim r. 1676. В кн.: «Dzieje zjednoczenia Ormian polskich...» Варшава, 1876, стр. 177—178.

ди местных армян миссионеров из католического ордена театинцев, обосновавшихся во Львове.

Художественно рельефный образ архиепископа Никола, способного на всевозможные хитрости, интриги, подлости ради сохранения своей власти и награбленных им церковных ценностей, Аракел выдвинул в своем повествовании на первый план. Написанная сочными красками характеристика архиепископа не закрывает собой любовно выведенных образов простых армян, которые, словно рыба в соку, безрезультатно бросаются в различные стороны в поисках защиты от прожорливого Никола и его подручных. Армяне не подчиняются архиепископу-отступнику и, доведенные грубым насилием до отчаяния, эмигрируют за пределы страны. Аракел просто рисует картину разорения, постигшего львовскую колонию. Громадные культурные ценности — чудесную коллекцию древних рукописей и дипломов, которая находилась в хранилище львовского кафедрального собора, — Никол распродал, разбазарил, раздарил.

Видный армянский историк гневно изобличает в лице архиепископа Никола весь господствующий в феодальной Польше строй, при котором армянские низы вынуждены были на протяжении десятилетий терпеть насилия, преследования, надругательства со стороны рьяных исполнителей воли Рима и их приспешников.

Параллельно с развитием армянской историографии, посвященной истории колоний на Украине, все более усиливается интерес к прошлому этих ко-

лоний со стороны западноевропейских историков. Хотя и не каждый из них пытался притянуть к рассмотрению данной темы новые факты, тем не менее круг охватываемых историками вопросов становится все шире. Исследователи пытаются подкреплять свои выводы более или менее достоверными источниками, связывая фрагменты известных им данных в одно, логически законченное целое.

Общий обзор состояния армянских колоний на Украине в середине XVII в. дал голландский историк, математик и географ Андреас Келер (Целларнус) в своем изданном в Амстердаме в 1659 г. и получившем широкое распространение в Европе «*Regni Poloniae, magnique ducatus Lituaniae, omniumque regionum iuri Polonico subsectorum novissima descriptio*» [«Новейшее описание королевства Польши, великого княжества Литовского и всех областей, подчиненных польской власти»]. Описывая Львов, Замостье, Подолию, Келер указывает на роль армян в восточной торговле, кратко касается (на основании сочинений более ранних авторов) особенностей армянского самоуправления и религии¹¹⁶.

В области исследования истории города Львова и, вместе с тем, его армянской колонии следующий шаг (после упоминаемого выше Альмпеха) сделал польский историк, поэт и долгие годы бургомистр города Юзеф-Бартоломей Зиморович

¹¹⁶ А. Cellarius. *Regni Poloniae... novissima descriptio*, Амстердам, 1659, стр. 29, 315, 317, 344, 348—349.

(1597—1677). Зиморович на протяжении ряда лет занимал различные канцелярские должности в магистрате и имел возможность пользоваться материалами городского архива. Он собирал, перечитывал, изучал исторические документы, пересматривал городские книги — и работал над своими многочисленными историческими сочинениями почти до последних лет жизни.

Впервые об армянах во Львове Зиморович упоминает в своей книге «*Viri illustres civitatis Leopoliensis*» [«Знаменитые люди города Львова»], написанной между 1658—1660 гг. и напечатанной в 1671 г. во Львове. Во вступительной части своего сочинения (в общем — очень поверхностного) автор пытался характеризовать национальности (между прочими также и армян), проживающие во Львове с древних времен¹¹⁷.

Наиболее обширной и наиболее ценной из исторических работ Зиморовича является его история города «*Leopolis triplex*» [«Тройственный Львов»], над которой он работал, с перерывами, на протяжении 1665—1672 гг. и которая была издана в оригинале через длительное время после смерти ее автора¹¹⁸. Зиморович не отличался националь-

¹¹⁷ B. Zimorowicz. *Viri illustres civitatis Leopoliensis*. Львов, 1671, лист В.

¹¹⁸ В кн.: J. B. Zimorowicz. *Pisma do dziejów Lwowa odnoszące się*. Wyd. K. Heck. Львов, 1899, стр. 1—215. Существует очень плохой польский перевод B. Zimorowicz. *Historia miasta Lwowa królestw Galicji i Lodomerii stolicy...* Львов, 1835.

ной и религиозной веротерпимостью, а его сочинение, написанное путаным, тяжелым, помпезным языком, вполне отчетливо раскрывает действительное лицо историка — идеолога богатого патрициата, наживавшегося, как правило, путем хищений из общественной городской казны.

При изложении вопроса о роли армянских поселенцев в древнем городе периода Галицко-Волынского государства Зиморович не отходит далеко от описания Альнпеха, а также от сочинений польских историков Кромера и Длугоша, однако, вместе с тем, вносит некоторые оригинальные детали, которые не находят подтверждения в каких-либо дошедших до нашего времени источниках. Придерживаясь мифического утверждения о том, что основателем города являлся князь Лев Данилович, Зиморович описывает, как князь распределил город на четыре участка и один из них (северный) предназначил для поселения армян. Зиморович утверждает, что армяне пришли на Русь будто бы только во время татарского нашествия — в составе татарских войск. Более достоверным кажется известие о том, что в период междоусобицы, предшествовавшего вступлению на престол в Галицко-Волынском государстве князя Юрия II Тройденевича, армяне принимали участие в обороне города от различных претендентов на престол¹¹⁹. В дальнейшем историк сообщает о строительстве армянского собора во Львове (при этом ошибочно упоминает об этом дважды — под 1363 и 1437 гг.), о пожарах, уничтожав-

¹¹⁹ Там же, стр. 41, 43, 59.

ших армянский квартал в 1616 и 1623 гг. «Армянская тема» у Зиморовича исчерпывается многозначным восхвалением Никола Торосовича за его воссоединение с Римом и его «успешную» борьбу против армян-схизматиков, «пахнувших козлом» (только столь «нежный» эпитет нашел польский историк для армян!). У Зиморовича проскальзывает раздраженная мысль о том, что даже Никол Торосович из «негров (т. е. армян — врагов унии с Римом. — Я. Д.) не смог сделать белых...»¹²⁰. Несмотря на тенденциозность и сомнительность сведений (особенно относящихся к XIII—XIV вв.), «*Leopolis triplex*», возведенный польской шовинистической историографией в ранг почти канонической книги, часто и не очень критически использовался последующими историками.

Гораздо более значительный вес для западноевропейского арменоведения в целом имели капитальные для своего времени — хотя и не свободные от многочисленных ошибок — работы известного итальянского теолога и востоковеда Клемента Галляно (1610—1666), миссионерская жизнь которого, насыщенная опасностями, служила предметом удивления современников¹²¹. Монах-театинец К. Галляно, уроженец итальянского города Сорренто, с фанатическим упорством посвятил свою жизнь «обращению» армян в римско-католическую веру и с

¹²⁰ Там же, стр. 207—208.

¹²¹ L. Morery. *Le grand dictionnaire historique ou le mélange curieux de l'histoire sacrée et profane...* 8-e éd. T. 3. Амстердам, 1698, стр. 5.

этой целью совершил два длительных путешествия на Ближний Восток. В возрасте 26 лет Галяно посетил Грузию и Армению, изучил армянский язык и вступил в довольно тесные связи с высшим армянским духовенством, которое питало надежды (впрочем — неосуществившиеся) на то, что помощь Рима поможет Армении избавиться от турецкого и иранского ига. Поездки Галяно на Восток преследовали не только религиозные, но и политические цели; театинец-миссионер был схвачен турецкими властями и приговорен к смертной казни, которой ему благодаря счастливому стечению обстоятельств удалось избежать. В 1648 г. Галяно снова возвратился в Рим и здесь, как один из первых западных европейцев вообще, он в течение семнадцати лет преподавал армянский язык. Благодаря Галяно в Риме активизировала свою работу армянская типография конгрегации для распространения веры. Здесь же, в Риме, в 1645 г. он издал первую на Западе грамматику армянского языка «*Grammaticae et logicae institutiones linguae litteralis Armenicae*» [«Грамматическое и логическое изучение литературного армянского языка»], одобренную, между прочим, также львовским армянским архиепископом Торосовичем. Основной, огромный по своему объему труд Галяно, напечатанный в Риме в 1650—1659 гг., как и его грамматика, параллельно на армянском и латинском языках — это его трехтомная работа «*Conciliatio ecclesiae Armenae cum Romana ex ipsis Armenorum patrum et doctorum testimoniis*» [«Объединение армянской церкви с рим-

ской на основании свидетельств самих армянских отцов церкви и вардапетов»]¹²². Труд Гаяляно, которому автор хотел придать чудодейственную силу в деле воссоединения армян с Римом, не оказал, однако, желаемого воздействия. Упрямая педантичность театинца, перечислявшего многочисленные теологические «ошибки» армян, только усилила брожение среди армян, придерживавшихся древних религиозных традиций. Тем не менее, теологическая часть его работы в течение ста пятидесяти лет (т. е. до критики положений Гаяляно, предпринятой в конце XVIII в. маркизом Г. ди Серпоз) считалась классическим пособием для борьбы против армян-«схизматиков»¹²³, а историческая часть, в которой Гаяляно дал довольно подробное изложение политической и церковной истории Армении, длительное время считалась схемой, на основании которой строились многочисленные работы, посвященные Армении и армянам — в том числе и проживающим на Украине.

Этим не исчерпывается роль произведений Гаяляно для историографии армянских колоний на Украине. Гаяляно был также первым автором, применившим собственные взгляды на историю армян

¹²² Работа Гаяляно была переведена на польский язык одним из сеньоров армянской общины во Львове Гавриилом Капручио-Захиновичем; однако этот перевод не был напечатан (сравни S. Barącz. O rękopismach kapituły ormiańskiej lwowskiej). «Dziennik Literacki». Львов, 1853, № 35, стр. 275; G. Petrowicz, цит. соч., стр. 166).

¹²³ F. Macler. De erroribus Armenorum. «Revue de l'histoire des religions». Т. 89. Париж, 1924, № 1-2, стр. 72.

к истории их колоний на Украине. По приглашению львовской армянской общины, возможно искавшей в лице Галяно союзника в борьбе против злоупотреблений Торосовича, он в 1664 г. приехал во Львов и возглавил — как ректор и преподаватель армянского языка — основанную здесь папскую армянскую коллегию, призванную распространять и насаждать римское католичество среди украинских армян. Свой первый отчет, написанный во Львове 20 июня 1664 г. и адресованный в Рим конгрегации для распространения веры, Галяно посвятил не только описанию своего приезда во Львов, но и обозрению прошлого и настоящего армян на Украине¹²⁴. Галяно считал, что первые поселения армян здесь возникли «около 600 лет» тому назад (т. е. в XI в.), — таким образом он первый из западноевропейских историков, более интуитивно, чем на основании изучения исторического материала, определил древность армянских колоний на Украине; количество армян в Каменце, Львове, Язловце, Замостье и некоторых других городах Галяно исчисляет в 3000 человек. Он вполне реалистически определяет враждебное отношение основной массы армян к Риму. Интересно, что Галяно проводит параллель между армянами и украинцами, одинаково враждебно встретивших идею насильственной унии с римско-католической церковью.

К. Галяно не суждено было увидеть осуществление своих фанатических мечтаний — он умер во

¹²⁴ Отчет хранится в архиве конгрегации для распространения веры в Риме. Довольно обширные фрагменты опубликованы в 1950 г. Г. Петровичем в цит. соч., стр. 166—175.

Льво́ве в 1666 г. Продолжателем его дела, а также его наследником на литературном поприще оказался молодой монах-театинец, парижанин по происхождению, не менее талантливый, чем его учитель, но более честолюбивый — Л.-М. Пиду.

Луи-Мари Пиду де Сент-Олон (ок. 1638—1717), который по праву считается основной пружиной фактической реализации унии армянской церкви на Украине с Римом, после смерти Галаяно возглавил миссию театинцев и папскую коллегию во Льво́ве. Пиду хорошо изучил грабар и живой разговорный язык украинских армян, он проявлял глубокий интерес не только к современному состоянию армянских колоний на Украине, но и к их прошлому. Примерно в 1679—1680 гг.¹²⁵ Пиду составил обширный (хотя он и назван автором «кратким») отчет о миссионерской деятельности театинцев среди армян на Украине. Этот отчет — очень ценный исторический источник, написанный живым и увлекательным языком — озаглавленный «*Breve relatione dello stato, principii e progressi della missione apostolica agli Armeni di Polonia e Valachia e province circonvicine e dell'erettione e fondatione del collegio pontificio di Leopoli per la medesima nazione armena sotto la cura de pp. chierici regolari detti volgarmente Teatini, sin al 10 avrile 1669*» [«Краткое сообщение о современном состоянии, начале и развитии апостольской миссии к армянам Польши, Валахии и соседних стран и о начале и

¹²⁵ Время написания отчета Пиду устанавливается по его упоминаниям в тексте самого отчета (см., напр., А.-М. Ридо и, цит. соч., стр. 44).

основании папской коллегии во Львове для этих армян, руководимой отцами регулярными клириками, обычно называемыми театинцами, по 1 апреля 1669 г.», был опубликован в печати (и только в переводе) всего лишь в 1876 г. польским историком А. Павинским¹²⁶. На исторической части отчета отразилось заметное влияние концепций Галляно, тем не менее Пиду оригинально развивал свои гипотезы о возникновении и росте армянских колоний на Украине. Пиду первому принадлежит развернутая мысль о том, что армянские колонисты появились в Крыму и, позже, на территории Руси в XI в. после уничтожения Ани в 1065 г.¹²⁷. Это мнение, без существенных модификаций, сохранилось в исторической литературе до настоящего времени. Наряду с этим Пиду впервые вводит в научный оборот легенду о мнимом вызове армян на Русь князем Федором-Димитрием (по Пиду — Феодосием Димитриевичем) в 1062 г. — легенду, которую распространяли местные армяне, пользуясь фальсифицированной грамотой, будто бы полученной в XI в. Пиду пытается дать обзор (между прочим — он первый делает подобную попытку) армянских колоний Крыма, Южной и Западной Украины и представить динамику их развития в разрезе нескольких столетий (XI—

¹²⁶ В сборнике, составленном известным армянским ученым К. Езяном (Р. Эзовым) под заглавием *Բանի ժողովրդի հայրը Լեհաստանի ընդ Եկեղեցւոյն Հոգիմար* и изданном в Петербурге в 1884 г., дается армянский перевод отчета Пиду, сделанный на основании польского издания.

¹²⁷ А. М. Рідои, цит. соч., стр. 12.

XVII вв.). Вряд ли отчет Пиду (как считал А. Павинский) был предназначен к печати — чересчур объективно, не затушевывая темных сторон, показывает автор решительную, почти тридцатилетнюю борьбу украинских армян против унии. Очень неприглядной является характеристика архиепископа Никола; Пиду во многом, по существу, согласен с Аракелом, книгу которого он читал незадолго после ее выхода в свет. Торосович, согласно отчету Пиду, разбазаривал ценности, собранные в кафедральном соборе, конфисковал серебро из каменецкого собора, вел развратную жизнь, под любым предлогом выжимал деньги из армянской общины, спекулировал на торговле лошадьми и т. д.¹²⁸. Все эти непривлекательные черты видного церковного сановника Пиду описал с почти нескрываемым ехидством и злорадством. Несмотря на все попытки Пиду отобразить мнимый энтузиазм армян, идущих будто бы навстречу римским миссионерам, весь отчет насыщен примерами «непокорности» армян, ожесточенно сопротивлявшихся насильственному введению унии. Значительный интерес представляют те места в отчете, в которых описывается культурный облик украинских армян — состояние школьной учебы, распространение книг, знание иностранных языков и др. К своему отчету Пиду приложил отдельный очерк «Начало и развитие папской коллегии во Львове», в котором отражены интересные бытовые детали из жизни местных армян.

¹²⁸ А. М. Рідоу, цит. соч., стр. 25—26, 56, 58, 76—77 и др.

Пиду вошел в историю армянской литературы как сочинитель нескольких (не менее пяти) оригинальных сочинений на армянском языке. Школьные драмы Пиду на религиозные или исторические сюжеты (тексты или содержание некоторых из них сохранились до нашего времени¹²⁹) сыграли положительную роль в развитии армянского театра¹³⁰.

В 1678 г. Пиду окончательно оставил Львов и продолжал свою миссионерскую деятельность на Востоке. В 1687 г. он был возведен в сан вавилонского епископа¹³¹, а под конец жизни выполнял дипломатические поручения Франции в Иране.

Собранные Пиду известия о прошлом армян на Украине послужили непосредственным источником тех сведений, которые внес в свою записную книжку авантюрист из Восточной Фрисландии, мелкопоместный дворянин Ульрих фон Вердум (1632—1681)¹³². В 1670—1672 гг. Вердум, переодетый то

¹²⁹ Текст пьесы Пиду «Рипсиме», например, был опубликован в журн. «Բաղժապէտ», Венеция, 1884, стр. 329—336; 1885, стр. 33—38, 118—123, 211—217; 1886, стр. 35—43. Краткие содержания пьес, поставленных публично во Львове, были напечатаны в 1668—1669 гг. См.: *Święta Rypsyma panna i męzczeniczka abo Tyrydat przemieniony*. [Львов, 1668], 16 стр и *S. Pulcheria panna i cesarzowa albo Śmierć Teodozjusza młodszeo*. [Львов, 1669], 4 стр.

¹³⁰ О львовском армянском театре и роли Пиду в его развитии существует большая литература. См., например, *Հ. Ս. Անյանյան, Հայկական ժամանակագրություն (Ե-ժԲ դդ.)*, Կ. Ս., Ереван, 1959 стр. 419—421.

¹³¹ A. F. Vezzosi. I scrittori de' Cherici Regolari detti Teatini, p. 2. Рим, 1780, стр. 182.

¹³² P. Wagner. Ulrich von Werdum. «Allgemeine Deutsche Biographie». Bd. 44. Лейпциг, 1898, стр. 486—487.

иезуитом, то отставным офицером, путешествовал по Польше, сплетая в пользу французского претендента на польский королевский престол тонкую сеть интриг. Вердум был очень любознательным, пытливым путешественником — в его записную книжку попало очень много интересных и исторически ценных сведений. Во время своего первого пребывания во Львове, в декабре 1670 г., Вердум встречался с Пиду — и полученные от него сведения аккуратно и тщательно записал. Вердум приводит легенду о прибытии армян на Русь по призыву князя Димитрия, подчеркивает национальный и религиозный гнет, которому подвергается армянское население («поляки их часто грабили», — записывает между прочим путешественник). Тонкий и глубокий наблюдатель правильно определил основную причину — экономический нажим, под давлением которого армяне, и то только с большим трудом, соглашались переходить на унию. Путешественник, несомненно, с большой симпатией относился к армянам; он отмечает наличие армянских колоний во многих городах, в которых ему пришлось побывать в 1671—1672 гг. (Каменец-Подольский, Станислав, Язловец, Бучач, Подгайцы). Самых армян характеризует он как гордый, властолюбивый народ. «Они, — пишет Вердум, — одновременно самые крупные и самые хитрые купцы, которых только можно встретить»¹³³.

¹³³ U. Werdum. [Dziennik]. В кн.: X. Liske. Cudzoziemcy w Polsce. Львов, 1876, стр. 81.

Записная книжка Вердума была опубликована частично (фрагменты, относящиеся к Речи Посполитой) в 80-х годах XVIII в.¹³⁴, однако только в 70-х годах XIX в. почерпнутые из нее сведения вошли в научный оборот.

Своеобразным продолжением и дополнением к отчету Л.-М. Пиду является анонимный труд на латинском языке «*Compendiosa relatio unionis nationis Armeno-Poloniae cum s. ecclesia Romana ad annum Christi 1676*» [«Пространное сообщение об унии польских армян со святой римской церковью по 1676 г. от рождения Христа»], напечатанный тем же А. Павинским одновременно с публикацией отчета Пиду¹³⁵. «Пространное сообщение» в значительной части повторяет данные Пиду (хотя и восполняет его многочисленными интересными деталями о роли Пиду в деле проведения унии) и только события 1669—1676 гг. излагает вполне самостоятельно. Автор, возможно, и не был наблюдателем событий всех этих лет — для составления своего «Пространного сообщения» он использовал не только отчет самого Пиду, но и архив армянской папской коллегии во Львове, а также рассказы современников. На посту префекта миссии театинцев во Львове Пиду сменил итальянец Франческо Бонезана, ко-

¹³⁴ «Archiv zur neueren Geschichte, Natur- und Menschenkenntniss», ВЛ. 4, 6, 8. Лейпциг, 1785—1788.

¹³⁵ В кн. «Dzieje zjednoczenia Ormian polskich z kościołem rzymskim w XVII wieku». Варшава, 1878, стр. 115—220. Армянский перевод вошел в упоминаемый выше сборник К. Езяна.

торый в 1678—1688 гг. пребывал во Львове¹³⁶, а позже руководил папской нунциатурой в Польше. Возможно, что именно он является автором «Пространного сообщения». Анонимный автор критически относится к деятельности Пиду, показывает враждебное отношение местных армян к папской миссии,— и в этом отношении сочинение анонима может послужить контрольным источником для сравнения с сочинением самого Пиду. Большой фактический материал, заключенный в анонимном сочинении, ставит его в один ряд с отчетом Пиду. Значительный интерес представляет приложенное к «Обширному отчету» описание внутреннего устройства армянской коллегии во Львове¹³⁷.

Враждебное отношение к украинским армянам продолжает бытовать в сочинениях некоторых видных представителей польской дворянской литературы. Например, упоминаемый выше польский историк и поэт Иероним-Веспасиан Коховский (ок. 1630—1699), автор в общем ценного полуисторического-полумемуарного сочинения «*Annales Poloniae*» [«Хроника Польши»], охватывающего события второй половины XVII в., делает резкие выпады против армян, обвиняя их в излишней пышности и других «грехах»¹³⁸.

¹³⁶ G. Petrowicz. *L'Unione degli Armeni di Polonia con la Santa Sede (1626—1686)*. Рим, 1950, стр. 323.

¹³⁷ *Obszerna wiadomość...* В кн.: «*Dzieje zjednoczenia Ormian polskich z kościołem rzymskim*». Варшава, 1876, стр. 206—212.

¹³⁸ V. á Kochow Kochowski. *Annalium Poloniae ab obitu Vladislavi IV climacter. primus*. Краков, 1683, стр. 371.

Более объективно, но вместе с тем очень сухо и поверхностно, пишет о проживающих на Украине (во Львове и в Подолии) армянах ирландский врач и историк Бернард О' Коннор (1660—1698), который в течение нескольких месяцев проживал в Польше, выполняя обязанности королевского лейбмедика. Чтение соответствующих абзацев его «The History of Poland in Several Letters to Persons of Quality» (Лондон, 1698) только подтверждает мысль о том, что автор вряд ли лично встречался с украинскими армянами.

Заканчивая обзорные известия об армянах на Украине, встречающихся в литературе второй половины XVII в., стоит упомянуть о тех наиболее живых и свежих описаниях жизни и быта армян, которые имеются в мемуарной литературе того времени. Кроме Вердума (на интересные наблюдения которого указывалось выше), сведения об армянах и наиболее видных их представителях существенно восполняются данными, разбросанными по запискам и воспоминаниям польского историка С.-К. Кушевича, французских военных Ф.-П. Далерака и Ф. ле Массон Дюпона, французского иезуита Ф. Авриля.

Самуэль-Казимеж Кушевич (ум. 1672), доктор философии и права (по-видимому, какого-то итальянского университета), занимал различные должности в магистрате города Львова¹³⁹. Его «Описание

¹³⁹ С. Томашівський. Самуїл Казімір Кушевич, райця львівський і його записки книжка. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка». Т. 15. Львов, 1897, кн. 1, стр. 1—24 (первой пагинации).

осады Львова в 1648 г.» и записная книжка времен осады города войсками Б. Хмельницкого в 1655 г. сохранили любопытные детали о видных львовских армянах. В переговорах с украинским гетманом принимал участие, как делегат от армянской общины города, сеньор армянской нации Христофор Аветик Захнович¹⁴⁰. В 1655 г., во время пребывания Хмельницкого под Львовом, к нему для ведения переговоров приехал шведский дипломат Гамецкий—по происхождению львовский армянин¹⁴¹. Соответствующие записи Кушевича — прекрасный материал для освещения вопроса о роли армян в общественно-политической жизни Европы XVII в.

Мемуары французского дворянина, доверенного польского короля Яна III Собесского, Франсуа-Поля Далерака, изданные частично анонимно, частично под псевдонимом «Шевалье де Боже»¹⁴², вызвали в свое время бурные отзывы в Западной Европе — в основном из-за правдивого изображения неприглядных социальных отношений, господствовавших в феодальной Польше. В сочинениях Далерака сохранился обрисованный с симпатией образ видного дипломата на польской службе, выполнявшего секретные поручения в Турции, Австрии,

¹⁴⁰ С. Кушевич. Облога Львова 1648 р. В кн. «Матеріали до історії Галичини». Т. 1. Львов, 1898, стр. 101, 103; его же «Щоденник облоги Львова Хмельницьким 1655 р.»—там же, т. 3. Львов, 1913, стор. 129, 133, 139, 145, 146 и др.

¹⁴¹ С. Кушевич, Щоденник... стр. 146, 150.

¹⁴² Вопрос об авторстве подробно разбирается в кн. K. Estreicher, Bibliografia polska. Т. 15. Краков, 1897, стр. 17.

России, Иране, Венеции, армянина, воспитанного при португальском дворе,— графа Сулеймана Константи́на де Сири¹⁴³. Описывая свое путешествие по украинским землям, которые находились в составе Речи Посполитой, Далерак упоминает о существовавших в его времена армянских колониях во Львове¹⁴⁴, Станиславе, Снятыне и о прекратившей уже к тому времени свое существование колонии в Золочеве.

Французский иезуит Филипп Авриль (ум. 1698), пытавшийся различными путями пробраться как миссионер в Китай (в 80—90-х годах XVII в.), во время своей поездки в Польшу и Россию в 1688—1689 гг.¹⁴⁵ тоже встречался с графом де Сири. В своих мемуарах Ф. Авриль неоднократно упоминает о де Сири, подчеркивает его дипломатические способности и глубокое знание восточных языков¹⁴⁶.

Выступивший с частичным опровержением мемуаров Далерака французский инженер на польской службе Филипп ле Массон Дюпон (ок. 1650 — после 1726) в воспоминаниях описывает свое пре-

¹⁴³ [F. P. Dalerac]. *Les anecdotes de Pologne ou mémoires secrets du regne de Jean Sobieski III du nom.* T. 1. Париж, 1699, стр. 81.

¹⁴⁴ De Beaujeu. *Pamiętniki*. Краков, 1883, стр. 90—91, 111.

¹⁴⁵ В. Кордт, цит. соч., стр. 152—153.

¹⁴⁶ [Ph. Avril]. *Voyage en divers états d'Europe et d'Asie entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine, contenant plusieurs remarques curieuses de physique, de géographie et d'histoire avec une description de la Grand Tartarie et les différentes peuples qui l'habitent*. Париж, 1692, стр. 238, 241—242.

бывание в 1687 г. в захваченном турками Каменце-Подольском. Ле Массон дю Понт на протяжении нескольких недель проживал в местной армянской семье — он и описывает переживания армян, стонущих под турецким игом¹⁴⁷.

Литература об армянах на Украине, созданная в XVII в., по сравнению с предыдущим столетием принесла много новых сведений, освещающих самые различные стороны жизни колоний. Замечательные памятники историографии, мемуарной и полемической литературы были созданы самими армянами (каменецкие хронисты, Муратович, Симеон Дпир, Горичка-Голубович, Аракел Даврижеци). Даже враждебные армянам представители дворянско-клерикальной историографии и публицистики (Петричи, Бембус, Зиморович) не были в состоянии скрыть место, занимаемое армянами в экономической жизни Украины в XVII в. Работы Галяно и его последователей (Пиду, анонимный автор «Пространного сообщения»), несмотря на перегруженность их историко-религиозным материалом, сыграли заметную роль в дальнейшем развитии исследований, рассматривавших армянские колонии на Украине в историческом плане. Как раз в литературе XVII в. вопрос о времени и причинах возникновения армянских колоний на Украине, который неоднократно ставился различными авторами, становится полноправной исторической проблемой, на-

¹⁴⁷ Ph. Dupont. Mémoires pour servir à l'histoire actions de Jean Sobieski III du nom, roi de Pologne. Варшава, 1885, стр. 223—225.

мечаются первые шаги для успешного ее решения последующими исследователями. Историки и мемуаристы XVII в., несмотря даже на различные своих политических и религиозных взглядов, в основном правдиво, в соответствии с действительными событиями, отразили процесс ожесточенной борьбы армянского народа против насильственного введения унии — за сохранение своих собственных национальных традиций. Литература XVII в., наконец, сохранила ряд существенных штрихов, отражающих многовековую дружбу, связывающую крепкими узами армянский и украинский народы.

Не менее пятидесяти авторов XV—XVII вв. обратило внимание на историю и современное состояние армянских колоний на Украине. Почти каждый из них пытался внести что-нибудь новое в освещение и разработку вопроса, столь рано ставшего не только объектом любопытства, но и предметом изучения средневековых ученых. Богатая и разнообразная литература, освещающая прошлое, экономику, культуру и быт украинских армян, накопившаяся к исходу XVII в., стала прочным фундаментом дальнейших исследований, продолжавшихся, в частности, на протяжении XVIII—XIX вв.

* * *

В XVIII в. исследование прошлого армянских колоний на Украине в значительной мере находилось в руках местных армян. В силу сложившихся исторических условий носителями образованности среди украинских армян являлись в первую очередь представители высшего армяно-католического (уни-

атского) духовенства. При армянских церквях (особенно при кафедральном соборе во Львове, при соборе в Каменце-Подольском), несмотря на опустошения Торосовича и его помощников, все еще хранились некоторые ценные источники по истории армянских колоний — эти материалы были доступны в первую очередь высшему духовенству.

Воспитанник Рима, генеральный викарий армяно-католической церкви для Подолли, Покутья и Трансильвании Степаннос Рошка (Рошекян; 1670—1739), проживавший в начале XVIII в. в Станиславе, был для своего времени высокообразованным человеком. Рошка является составителем нескольких армянских словарей (армяно-латинского, армяно-польского и др.); он написал несколько сочинений по логике, богословию и пр. Свои многочисленные инспекционные поездки по Украине Рошка использовал также для сбора исторического материала. Результатом этой работы явились «Жизнеописания армянских епископов в Польше» и, по-видимому, другие исторические работы. Исторические работы Рошки длительное время считались утраченными и только в 70-х годах XIX в. о них появились более точные сведения в печати. Отрывки из хроники Рошки, охватывающие достопамятные события из истории армянских колоний на Украине периода 1350—1736 гг., были опубликованы лишь в 1896 г.¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Отрывки из хроники Рошки напечатал Л. М. Аллан в сб.: «*Կամենից. Տարեգրքը հայոց [Եկամտաւոր և Ռուսի-
կոյ հաւանդեալ յաւերակածութիւն]*» («Каменец. Летопись армян
Польши и Румынии с наглядным приложением»). Венеция,
1896, стр. 131—146.

«Несколько более благоприятно сложилась судьба рукописной «Хроники города Львова», составленной незаурядным армянским историком Иваном-Фомой Юзефовичем (1662—1728). И.-Ф. Юзефович — выходец из богатой львовской купеческой семьи, рано посвятил себя научным занятиям: в 24 года он был уже профессором Краковской академии и вскоре добился высоких церковных и светских должностей и титулов. В начале XVIII в. Юзефович — тогда каноник львовского римско-католического капитула — по поручению своего архиепископа принялся за продолжение труда польского историка Я. Скробишевского «*Vitae archiepiscoporum Halicensium et Leopoliensium*» («Жизнеописания галицких и львовских архиепископов»), изданного во Львове в 1628 г. Труд Юзефовича, которому он присвоил длинное витневатое, в стиле барокко, заглавие «*Annotationes in vitas archiepiscoporum Leopoliensium, tum super gesta regiminis et annorum illorum ab A. D. 1614, ex mandato Illustrissimi et reverendissimi olim Constantini Zieliński archiepiscopi Leopoliensis nec non capituli generalis die 10 martii 1703 anno in actis capitularibus connotato, ex revolutione actorum publicorum aliorumque voluminum ac relatione fide dignorum breviter et fideliter coscriptae*» («Заметки о жизни львовских архиепископов в годы их владычества с 1614 г., по поручению светлейшего и честнейшего львовского архиепископа Константина Зелинского и генерального капитула, вписанные в акты капитула 10 марта 1703 г., составленные сокращенно и правдиво в виде достоверного отчета на основании

пересмотра официальных актов и других книг»), выходит далеко за узкие рамки жизнеописаний римско-католических архиепископов. Установленное последующими кописцами заглавие (сокращенно) «*Annalium urbis Leopoliensis*» («Хроника города Львова») суженно передает содержание труда Юзефовича. В действительности, «Хроника» охватывает события 1614—1703 гг. во Львове и, в общих чертах, на всей Западной Украине, причем особое внимание Юзефович уделил своим землякам-армянам. Воспитанный во львовской иезуитской коллегии, фанатичный приверженец идеи господства католической церкви в светской жизни, Юзефович не жалел темных красок для изображения армян - «схизматиков» и, с другой стороны, унию армянской церкви с Римом представлял как «божью благодать». Однако, несмотря на ярко выраженную тенденциозность, требующую определенного критического подхода, его «Хроника» стоит в одном ряду с другими источниками первостепенной важности, отражающими десятилетиями тянувшуюся длительную борьбу львовских армян против насильственного введения унии. «Хроника» написана по свежим следам событий, свидетелем которых частично был и сам автор, с привлечением большого архивного материала и рукописей, в значительной степени не дошедших до наших дней.¹⁴⁹ Она послужила в свою очередь

¹⁴⁹ Сравни В. Антонович. Летопись Я. Юзефовича как источник для истории Южной Руси. «Киевская старина». Киев, 1897, кн. II, стр. 529—536.

источником для ряда исторических работ по истории западноукраинских армян. Нельзя сказать, что материал «Хроники» на сегодня полностью использован исторической наукой — значительная часть «Хроники» не опубликована еще до сих пор. Юзефовичу, который составил «Хронику» примерно к 1714 г. и подготовил ее к печати, издать ее не удалось. В 1854 г. была издана только часть «Хроники», охватывающая 1634—1690 гг., и то не в оригинале, а в польском, притом очень неточном переводе со значительными пропусками¹⁵⁰. В публикацию не вошли, в частности, сведения о первых годах борьбы львовских армян против унии и первоначальная история армянской колонии во Львове, которую Юзефович рассказал под 1630 г. в своей «Хронике». Среди отрывков из «Хроники» Юзефовича, опубликованных на латинском языке в «Сборнике летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси» (Киев, 1888), нет материала о львовских армянах. К счастью, рукопись полного текста хроники Юзефовича сохранилась до нашего времени в нескольких, немного отличающихся друг от друга, экземплярах. Не менее серьезным исследователем прошлого

¹⁵⁰ Kronika miasta Lwowa od roku 1634 do 1690, obejmująca w ogólności dzieje dawnej Rusi Czerwonej, a zwłaszcza historię arcybiskupstwa lwowskiego w tej-że epoce (Хроника города Львова 1634—1690 гг., охватывающая историю древней Червоной Руси, вообще, и историю львовского архиепископства в тот же период, в частности). Львов, 1854.

армян на Западной Украине был писатель Иосиф-Эпифаний Минасович (1718—1796), выходец из армянской купеческой семьи, переехавшей из Западной Украины в Варшаву. Минасович вошел в историю польской литературы как автор большого количества довольно посредственных стихов, драматических сочинений, переводов античных авторов. Он поддерживал очень тесные дружественные отношения с известным польским меценатом и библиофилом, киевским римско-католическим епископом Ю. А. Залуским, собравшим замечательную коллекцию старинных рукописей и книг. В течение ряда лет Минасович, обладая громким титулом королевского секретаря (этот титул практически не принес Минасовичу ничего — умер он в большой бедности), изучал книжные богатства Залуского. По-видимому, в то время он и начал собирать материал по истории своего народа, который был положен в основу нескольких его сочинений, известных часто, к сожалению, только по упоминаниям других авторов.

Главной работой Минасовича являлась «История прибывших в Польшу армян». Автор обращался к львовским армянам с предложением издать его работу, однако переговоры об издании (будто бы из-за большого гонорара, который потребовал Минасович) расстроились, сочинение напечатано не было, а поиски работы после смерти Минасовича оказались напрасными¹⁵¹.

¹⁵¹ X. Z[achar]asiewicz]. Wiadomość o Ormlanach w Polsce («Известие об армянах в Польше»). «Biblioteka naukowego zakładu im. Ossolińskich». Т. 2. Львов, 1842, стр. 62.

Минасович составил также биографический словарь видных армян, проживавших на территории средневековой Речи Посполитой. Из рукописи словаря, озаглавленного «*Viri illustres inclytæ nationis Armenae in Polonia*» («Знаменитые люди славной армянской нации в Польше»), была в свое время напечатана одна-единственная биография поэта Шимоновича¹⁵². Рукопись находилась в руках папского нунция в Варшаве А. М. Дурини, возможно, что она до сих пор хранится в фондах библиотеки кардинала Дурини в Милане. «*Viri illustres*» Минасовича должны были служить, по-видимому, приложением к многотомному энциклопедическому труду Ю. А. Залусского, охватывающему прошлое Польши. Но так как его «*Polska w obszernych wiadomościach swoich skrócona*» («Польша—обширные известия о ней в сокращении») никогда не была издана целиком, то и арменоведческое приложение к книге не было напечатано¹⁵³.

Там же в Италии, в библиотеке папы Пия VI, находилась другая рукопись Минасовича—«*Specimen historiae Armenae ex variis monumentis collectae a diluvio ad nostra usque tempora*» («Примеры из истории Армении с древних до наших времен, собранные из различных памятников»¹⁵⁴. Возможно,

¹⁵² S. Simonides. Opera omnia que reperiri postulant. Варшава. 1772, стр. 46—48.

¹⁵³ M. Wiszniewski. Historia literatury polskiej. T. 1. Краков. 1840, стр. 114.

¹⁵⁴ J. Brown. Biblioteka pisarzy asystencji polskiej Towarzystwa Jezusowego. Познань, 1862, стр. 280.

что эта рукопись аналогична единственной достоверно сохранившейся до наших дней рукописи Минасовича «*Memorabilia de gente, regno, regibusque Armeniae ex variis hinc inde scriptoribus breviter et cursim excerpta*» («Памятники о роде, королевстве и королях Армении, избранные сокращенно и поспешно из различных местных и чужих авторов»), охватывающей материал по истории собственно Армении.

На основании собранных материалов Минасович составил краткую историю львовского армянского епископства в стихах. В этом псевдолитературном сочинении каждому епископу посвящено панегирическое четверостишие на латинском языке. Ценность этих «*Tetrasticha vitas archiepiscoporum Leopoliensium inclytae nationis Armenae in Polonia brevi carmine designantia*» («Четверостишия, описывающие в коротких стихах жизнь львовских архиепископов славной армянской нации в Польше»), изданных в Варшаве в 1762 г., состоит в том, что в примечаниях Минасович ссылается на утерянные позже источники.

Хотя широко задуманные исследования Минасовича оставили малозаметный след в исторической науке, они явились важным свидетельством постепенно возраставшего еще в XVIII в. интереса к прошлому армянских колоний.

К истории западноукраинских армян еще в XVIII в. начинают обращаться также исследователи — неармяне. Одним из первых среди них был польский ориенталист, знаток многих восточных языков (включая и армянский), Иуда-Тадеуш Кру-

синский (1675—1756). Крусинский провел около 20 лет в Иране и в Армении, выполняя под видом миссионера дипломатические и агентурные поручения римской конгрегации de propaganda fide и генерала иезуитского ордена. Много лет Крусинский провел среди армян, проживавших в пригороде Исфахана Новой Джульфе, путешествовал по захваченной иранцами Армении¹⁵⁵. Высокообразованный, но не свободный от авантюристических наклонностей иезуит, свидетель бурных событий периода упадка династии Сефевидов в Иране, написал свою «Историю персидской войны», которая затем была издана на английском, французском, немецком, голландском и турецком языках. В ней он живо описал Иран и Армению первой четверти XVIII в. В латинском варианте своей «Истории», изданном вторично во Львове в 1740 г.¹⁵⁶, Крусинский, используя некоторые найденные им материалы, коротко изложил свою версию армянской иммиграции на Украину, а при освещении вопроса о львовских ар-

¹⁵⁵ F. Zieliński. Ksiądz Krusiński. «Biblioteka Warszawska». Варшава, 1841. Т. 4, стр. 375—397. Reychman. Tłumacze języków wschodnich w Polsce XVIII w. Ж. «Przegląd orientalistyczny», Варшава, 1948, № 1, стр. 83—90.

¹⁵⁶ «Prodromus ad tragicam vertentis belli Persici historiam seu relatio Turcico-Persicae legationis, quam ad Persarum regem schah sultan Hussein Durry effendi solemniter administravit et redux è perfide Turcarum regem imperatori Achmet III in scripto consignavit». («Предвестник трагического поворота истории иранской войны или отчет о турецко-иранском посольстве к иранскому шаху Хуссейну, которое торжественно совершил Дурри-Эффенди и изложил письменно после возвращения к неверному императору Ахмету III»). Львов. 1740.

мянах использовал местную устную (в основном не имеющую под собой исторической почвы) традицию. Версия Крушинского — это первая предпринятая в печати попытка объяснить причины и определить время переселения армян на Украину. Работа Крушинского широко цитировалась учеными конца XVIII и начала XIX вв.; подкупающим моментом для них, несомненно, являлось то, что ее автор был одним из немногих людей XVIII в., имеющих возможность знакомиться с армянами и на их родине, и в их колониях в Иране, Турции, Сирии и на Западной Украине.

Политические события второй половины XVIII в. заметным образом отразились на развитии армянских колоний на Украине.

Первый раздел Польши (1772 г.) породил существовавшую более полутора столетий границу на реке Збруч, перерезавшую тесные связи между двумя основными центрами армянской колонизации — Львовом и Каменцем-Подольским. Политические перемены наложили определенный отпечаток на историческую науку, развивавшуюся на украинских землях в пределах двух государств — России и Австрии. Различная судьба исторических источников, различные темпы и методы их публикации привели к тому, что внимание западноукраинских историков концентрировалось в основном на изучении львовской армянской колонии, а внимание восточноукраинских — на каменец-подольской.

Это искусственное разделение, которое преодолели только немногие исследователи, отрицательно сказавшись на решении вопроса в целом.

Начиная с конца XVIII в. Восточная Галиция с несколькими сохранившимися армянскими колониями вошла в орбиту интересов армянского католического ордена мхитаристов, прочно обосновавшегося в Италии (на острове св. Лазаря близ Венеции в 1717 г.) и в Австрии (в Вене в 1811 г.). Довольно частые поездки представителей ордена в Восточную Галицию преследовали в первую очередь религиозные цели, полностью совпадавшие со стремлениями пресловутой ватиканской конгрегации *de propaganda fide*. Мхитаристы усиленно занимались распространением католицизма среди зарубежных армян, ревностно служили укреплению влияния Ватикана среди них. Наряду с этим, орден мхитаристов проделал в свое время известную работу по сбору памятников древней армянской письменности, многочисленных документов, имевших отношение к культуре и истории армян. Мхитаристам удалось спасти от гибели (очень возможной в условиях усугублявшегося упадка армянских колоний на Украине) многие ценные исторические источники.

Первый признак усиливающегося интереса венецианских мхитаристов к прошлому армянских колоний на Украине — это отдельные параграфы из «Истории Армении» видного армянского историка Микаэла Чамчяна (1738—1825). Его трехтомный труд явился, как известно, завершающим этапом средневековой армянской историографии и положил начало развитию буржуазно-клерикальной историко-

графии¹⁵⁷. В т. 3 своей «Истории Армении» Чамчян изложил события, происходившие во львовской армянской общине в первой половине XVII в.¹⁵⁸. Описывая наступление католицизма на местных армян, Чамчян согласно своим реакционным воззрениям всецело стоял на стороне римского католичества. Тем не менее, сообщения Чамчяна сохраняют определенную ценность до сих пор. Он широко использовал источники (памятные записи и другой документальный материал), утерянные в более поздние времена. Он, в частности, по-видимому пользовался записками Ованнеса Аргиси, легата константинопольского патриарха Филиппа, разбиравшего в 1652 г. споры между львовской армянской общиной и Торосовичем.

В литературе того времени нашли отражение также путешествия на Украину двух венецианских мхитаристов Ованнеса Зограба и Минаса Бжишкяна.

Ованнес Зограб, известный в свое время издатель найденной им же армянской версии «Хроники» Евсевия Кесарийского, приехал на Украину в 1791 г. Здесь, во Львове, он встречался, между прочим, с местным армянским историком К.-Ф. Захарясевицем. Зограб предпринял ряд поездок по западноукраинским армянским колониям и скрупу-

¹⁵⁷ Л. С. Хачикян, Историкография Армении (в XVIII в.). В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР». Т. 1, М., 1955, стр. 261—262.

¹⁵⁸ Մ. Չամչյան, Պատմություն հայոց... Т. 3. Венеция, 1786, стр. 630—643.

лезно, однако без нужного критического подхода, записывал различные исторические сведения и предания, большинство которых (как это отметил позже Захариясевич) носило явно фантастический характер. Собранные Зограбом сведения послужили основой для исторических экскурсов настоятеля венецианских мхитаристов архиепископа Степанноса Кювера Аконца (1740—1824) в его многотомной «Географии четырех частей света», издаваемой в Венеции начиная с 1802 г.¹⁵⁹ С легкой руки ее автора получили распространение такие, например, неправдоподобные сведения, как известие об армянской церкви во Львове в 1183 г. (т. е. еще до основания города), об армянских надгробных плитах во Львове, относящихся к 1130, 1184 и другим ранним годам, о мнимой армянской надписи на надгробной плите галицко-волинского князя Льва и т. д.

Гораздо большую ценность представляют сведения о прошлом армянских колоний на Украине, собранные другим мхитаристом — архимандритом Миной Бжишкяном (Медичи) во время его поездки по Украине и Польше в 20-х годах XIX в.

Бжишкян, бывший настоятель армяно-католической церкви в Карасубазаре (в Крыму), посетил армянские колонии на Украине, расположенные на территории как Австрии, так и России. Собранные сведения подробно изложил в отчете о своем путешествии, изданном в Венеции в 1830 г. под заглавием: «Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան և լայն կողմանի բնակեալս ի հալիպոլանց սերելոց ի նախ-

¹⁵⁹ Ս. Գրիգոր Ազունց, Աշխարհադրութիւն չորից մասնց աշխարհի... Դ. 2. Венеция, 1802, стр. 93 - 98, 137 и др.

Եկաց Անի քաղաքին» («Путешествие в Польшу и другие страны, в которых проживают армяне, происходящие от жителей древнего города Ани»). Бжишкян обладал глубокими филологическими познаниями (он — автор нескольких грамматических сочинений) и описание своего путешествия снабдил публикацией многочисленных армянских — и не армянских, но имеющих отношение к прошлому армянских колоний — надписей, документов и т. п. Бжишкяну принадлежит, по существу, первая попытка публикации исторических документов по истории западноукраинских армян. Собранные путешественником сведения и впечатления концентрируются вокруг Львова и Каменца-Подольского. Кроме того, Бжишкян привел более или менее подробные данные о всех других существовавших в то время на Украине армянских колониях (Станислав, Лисец, Бережаны, Тысменица, Снятын, Городенка, Замость, Куты, Язловец, Луцк, Жванец, Могилев, Рашков, Балта, Хотин, Черновцы). Бжишкян подошел к собранным сведениям более критично, чем его предшественники Зограб и Кювер, однако и его сочинение не свободно от ошибок, вызванных незнанием местной истории. Бжишкяну принадлежит, вместе с тем, первая попытка связать факты лингвистического порядка с миграцией крымских армян на Украину. Наконец, путешественник записал сведения о ряде письменных памятников местных армян, основная часть которых, по-видимому, утеряна навсегда. Бжишкян держал в своих руках книги львовского армянского суда, писанные в 1463—1521 гг. на армянском и в 1521—1564 гг.

на кипчакском языках, книгу решений того же суда на кипчакском и польском языках и т. д. Обширный отчет М. Бжишкяна о поездке на Украину — важный и, одновременно, мало использованный последующими неармянскими исследователями (из-за незнания языка) источник, особенно ценный при разработке истории небольших армянских колоний на Украине, прошлое которых в дальнейшем детально не изучалось.

Первая половина XIX в. принесла еще несколько других опытов накопления фактов из истории армянской колонии в Каменце-Подольском.

Польский краевед Вавржинец Марчинский (1783—1845), римско-католический каноник, проживавший после полных приключений странствований по Германии, Франции и Испании тихо и спокойно в губернском городе Каменце-Подольском, сделал первую попытку дать краткий очерк истории армян Каменца и Подолии¹⁶⁰. В. Марчинский изучил магистратский и земский архивы в Каменце и извлек из них сведения об основных привилегиях каменецких армян 1448—1766 гг. Марчинский фиксировал свое внимание не только на церковной истории, но и пытался определить место армян в экономической жизни города, анализировал причины расцвета и падения армянской торговли в Каменце.

В 1839 г., по поручению русского правительства, на Волынь и в Подолию для сбора статистических

¹⁶⁰ «Statystyczne, topograficzne i historyczne opisanie gubernii Podolskiej» («Статистическое, топографическое и историческое описание подольской губернии»). Т. 3. Вильнюс, 18-3, стр. 8—18.

материалов отправился известный польский писатель и историк граф Александр Пржездзецкий (1814—1871). «Публичные и церковные архивы раскрылись передо мной. Благодаря вежливости некоторых родственников и знакомых я смог просмотреть частные библиотеки и родовые архивы», — указывал А. Пржездзецкий в предисловии к книге, которая явилась результатом его поездки и была издана в Вильнюсе в 1841 г. под заглавием: «Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów» («Подолия, Волынь, Украина. Картины местностей и времен») ¹⁶¹. Хотя Пржездзецкий и не ставил перед собой задачу исследовать историю армянской колонии в Каменце, тем не менее он снял копии всех привилегий, жалованных армянам, которые нашел в магистратском архиве и подготовил их к печати; однако издание этих документов ему так и не удалось осуществить. Описывая свое путешествие, Пржездзецкий привел ряд новых данных, не известных его предшественникам (Марчинскому, Бжишкяну), обратил внимание на связи каменецких армян с крымскими в XIV в. и т. п.

В то же самое время, когда в Подолии прошлым армян занимались Марчинский и Пржездзецкий, в Восточной Галиции появился целый ряд историков любителей и специалистов, для которых армянская тематика несла с собой романтическое веяние древней культуры Востока.

¹⁶¹ Т. 1, стр. V; сравни также K. Lerpowski. A. hr. Przeździecki. «Biblioteka Warszawska». Т. 2. Варшава, 1887, стр. 167—191, 387—403.

→ Францишек Сярчинский (1758—1829), «королевский проповедник» и первый директор библиотеки Оссолинских во Львове, занимает почетное место в польской историографии начала XIX в. как всесторонний исследователь периода царствования польского короля Сигизмунда III (1587—1632). Автор больших работ энциклопедического характера, посвященных этому периоду, Ф. Сярчинский собирал также сведения, относящиеся к армянским колониям на Украине. Основным собранным Сярчинским материалом по истории украинских армян был издан лишь почти тридцать лет спустя после его смерти в виде отдельной главы историографической работы «Galicja, jej ziemia, płody i ludy» («Галиция, ее земля, плоды и народы») ¹⁶². Раздел, составленный на основании старопечатных изданий XVI—XVII вв. и более поздних рукописей, имеет резко выраженный компилятивный характер и не свободен от ошибок, вызванных отсутствием у автора глубокого критического подхода.

Первым исследователем, который поднял вопрос изучения армянских колоний на Украине до уровня самостоятельной научной проблемы, был Франциск-Ксаверий Абгаро-Захарнасевич (1770—1845), обладавший необходимой для этого эрудицией и определенным опытом научной работы.

Ф.-К. Захарнасевич родился в шляхетской армянской семье в Станиславе, окончил теологический факультет Львовского университета и в 1800—

¹⁶² «Dodatek tygodniowy do Gazety Lwowskiej». Львов, 1857, № 41, 44.

1816 г. возглавил кафедру истории церкви в том же университете. Профессор Захарнасеви́ч, читая курс своих лекций, впервые во Львовском университете уделил внимание истории армянских колоний на Украине — правда, в искусственно суженном виде, обращая главное внимание на историю армянской церкви. Подготавливая материал к университетским лекциям, Захарнасеви́ч занялся более глубоким, чем это делалось обычно в подобных случаях, изучением источников. Он просмотрел еще довольно богатый в то время архив львовского армяно-католического епископства (к которому он допускался как член капитула архиепископства), изучил рукописные хроники Б. Зиморовича, И.-Ф. Юзефовича и др. Лекции Захарнасеви́ча пролежали довольно длительное время в рукописном виде. Автор вспомнил о них уже на склоне лет, когда, будучи возведен в сан римско-католического епископа сначала в Тарнове, а потом в Перемышле, находил больше свободного времени для подготовки к печати своих работ по истории церкви¹⁶³. Таким образом в 1842 г., в первых номерах только что учрежденного во Львове научного журнала «Biblioteka naukowego Zakładu imienia Ossolińskich», появилась работа Захарнасеви́ча «Wiadomość o Ormianach w Polsce» («Известие об армянах в Польше»)¹⁶⁴.

¹⁶³ F. K. z Abgaro Zacharyasiewicz. Nekrolog. «Gazeta Lwowska» Львов, 1845, № 122.

¹⁶⁴ «Biblioteka naukowego z. kładu imienia Ossolińskich». Т. 1, 1842, стр. 64—92; т. 2, 1842, стр. 59—112.

Захариасевич изложил историю украинских армян систематично и довольно последовательно, на определенной документальной базе (историк имел в своих руках дипломы польских королей 1367, 1388, 1444, 1464, 1516, 1562, 1679, 1606, 1623 гг., содержащие привилегии для львовских армян и подтверждающие избрание армянских епископов во Львове и т. д.). Он отнесся критически к различным фантастическим сведениям об армянах (отраженным, например, в «Географии» С.-А. Кювера). Несмотря на высокий духовный сан, Захариасевич довольно объективно подошел к вопросу об унии армянской церкви на Украине с Римом в XVII в. — он опубликовал знаменитую жалобу львовской армянской общины 1631 г. на папского ставленника архиепископа Никола Торосовича. Историю украинских армян Захариасевич довел до современного ему периода.

Вместе с тем, исследование Захариасевича не свободно от больших недостатков. Несмотря на то, что работа была издана в 1842 г., автор отразил в ней уровень исследований времен своей профессорской деятельности во Львовском университете. Работы Марчинского, Бжишкяна, Пржездзецкого остались вне поля зрения Захариасевича. На работе Захариасевича отразилось и то, что в прошлом она была составной частью его университетского курса истории церкви. Характерная для всего дворянского периода в польской и украинской историографии тенденция, согласно которой история армянских колоний сводилась почти исключительно к истории армянской церкви, нашла в работе Захариасевича

свое полное отражение. Несмотря на все это, исследование Захариасевича явилось достаточно серьезным для того, чтобы на нем базировались арменоведческие исследования последующего поколения историков.

В 1844 г. во Львове вышла в свет работа крупного украинского историка Дениса Ивановича Зубрицкого (1777—1862) «Kronika miasta Lwowa» («Хроника города Львова») — выдающееся для своего времени историческое исследование, базирующееся исключительно на документальных материалах, открытых и впервые использованных в исторической науке автором. Д. Зубрицкий — первый украинский историк, обративший внимание на историю армянской колонии во Львове. Начиная с этого времени интерес украинской историографии к армянским колониям на Украине не прекращался.

Д. Зубрицкий — широко признанный в это время ученый (с 1855 г. действительный член Академии наук в Петербурге) — в течение многих лет занимался изучением западноукраинских гражданских и церковных архивов. Он буквально спас от гибели и забвения ценнейшие исторические источники. В «Хронике города Львова», охватывающей историю города с его основания в XIII в. по 1786 г., Д. Зубрицкий, первый в этом отношении среди западноукраинских историков, занялся совершенно новым вопросом — он показал роль армян в общественно-политической и экономической жизни средневекового Львова. Шаг за шагом Зубрицкий изучал жизнь армянской колонии, отразил ее юриди-

ческие, культурные, экономические и бытовые особенности.

Для исследовательского метода Зубрицкого, особенно ярко проявившегося как раз в «Хронике горда Львова», характерно очень критическое, порой даже скептическое отношение к источникам. Особенно ценны результаты его исследований в области дипломатики. Зубрицкий отбросил целый ряд дипломов, которые он считал поддельными (галицкий диплом 1062 г., польские и венгерские королевские дипломы 1379, 1380, 1434 гг.) или сомневался в подлинности некоторых (1367, 1440, 1588 гг.). Хотя выдвинутые более чем сто лет тому назад Зубрицким аргументы против подлинности ряда дипломов не нашли обоснованных возражений со стороны последующих историков — тем не менее спор о подлинности дипломов XIV—XVI вв. с привилегиями для львовских армян все еще нельзя считать решенным.

Зубрицкому удалось самым достоверным образом установить и уточнить ряд событий в истории львовских армян. Он отметил наличие армян-землевладельцев около Львова еще в XIV в., определил количество армян в городе в 1407 г., занялся вопросами армянской юрисдикции, борьбой армян за уравнивание в правах с гражданами города — поляками и немцами, борьбой армян против унии и т. д. Несмотря на свои реакционные общественно-политические взгляды в целом, Зубрицкий первый решительно отошел от попыток рассматривать львовскую армянскую колонию исключительно сквозь призму церковной ис-

тории (Юзефович, Бжишкян, Захариасевич) и продолжил путь для исследования прошлого украинцев армян с точки зрения общественной истории, экономических отношений, юридической и культурной проблематики¹⁶⁵.

Вслед за Зубрицким вопросами дипломатии занимался другой видный украинский историк и языковед Антон Степанович Петрушевич (1821—1913). В своем исследовании «Обзор важнейших политических и церковных происшествий в Галицком княжестве с середины XII до конца XIII века» он пытался (впрочем не очень удачно) доказать подлинность диплома 1062 г. и восстановил его минимальный первоначальный текст¹⁶⁶.

* * *

Даже сейчас трудно представить себе историческое исследование об армянских колониях в Западной Украине, автор которого не ссылался бы

¹⁶⁵ О Зубрицком и его исследованиях существует обширная литература. Основная отражена в статье Г. А. о Зубрицком в Русском биографическом словаре, т. Ж-З, Пг., 1916, стр. 549—557. Оценку работ Зубрицкого с современных позиций дает М. Марченко, Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). Киев, 1959, стр. 185—190.

¹⁶⁶ «Зоря Галицкая», Львов, 1853, № 37, стр. 420—422. У Петрушевича и в дальнейшем сохранялся интерес к армянским колониям на Западной Украине. Так, например, в 1893 г., на заседании львовского отделения Комиссии по исследованию истории искусства при Академии наук в Кракове, Петрушевич сообщил о найденном им рукописном армянском евангелии XV в., богато иллюстрированном миниатюрами (сравни «Sprawozdania Komisji do badania historii sztuki w Polsce», т. 5. Краков, 1896, стр. С).

на одно из многочисленных произведений плодовитого армянского историка из Западной Украины Садока Баронча (1814—1892)¹⁶⁷. Викентий-Феррерий Баронч — выходец из бедной армянской семьи из Станислава. В Станиславе будущий историк закончил гимназию и стал сельским учителем. В 1831 г. он поступил во Львовский университет, однако под влиянием церковников, игравших большую роль в его семье, Баронч постригся в монахи и стал священником. При поступлении в доминиканский орден он получил имя Садок, под которым и стал известным. Разочарование пришло очень быстро. Вместо монастырской тишины и спокойствия, среди которых Баронч хотел продолжать свои научные занятия (историческое направление его интересов определилось довольно рано), он очутился в атмосфере интриг, зависти, закулисной борьбы. «Неземные доминиканцы,— иронизировал Баронч в своей автобиографии,— действительно целой кучей ухватились за меня. Я стал настоящим мучеником... Какой-то фатум витал надо мной и отравлял мне каждый час в монастыре»¹⁶⁸. В течение всего только двух лет (1845—1846 гг.) его три раза перебрасывали из одного монастыря в другой; при этом погибла его библиотека и коллекция

¹⁶⁷ Фамилия Баронч встречается во львовских гродских актах еще в XVII в. (Borontsche), в XIX в. она была распространена среди западноукраинских и румынских армян. Происхождение фамилии связывается со словом *սարկի* (барон, князь) или с именем Бароннис.

¹⁶⁸ Krótka autobiografia. «Przegląd kościelny». Т. 15. Познань, 1893, № 1, стр. 70.

эстампов. Когда после всех этих переходов Баронч тяжело заболел, доминиканцы объявили, что он сошел с ума. Живой и активный по складу ума, Баронч не избегал общественной деятельности. В 1848 г., во время буржуазной революции в Австрии, он был избран председателем так называемого Национального совета и мировым судьей в городе Тысменице. Хотя говорить о какой-либо революционности этого монаха, одетого в белую рясу доминиканца, никак не приходится, тем не менее ему пришлось пострадать за свою относительную прогрессивность. В 1855 г. Баронч окончательно отказался от преподавательской работы (в 1839—1842 и 1851—1853 гг. он был профессором философско-теологического студiums закрытого типа для монахов во Львове) и от административных должностей в ордене. Он укрылся в келье монастыря в Подкамене (городок к востоку от Львова) и с головой окунулся в свои научные занятия. Баронч почти не выходил из своей кельи и 30 лет не выезжал за пределы Подкаменя. Связь с внешним миром он поддерживал только путем обширной переписки с украинскими и польскими историками, литераторами, при помощи которых получал ценный исторический материал для своих разнообразных публикаций. Постепенно пришло признание научной общественности — в 1858 г. Баронч был избран членом-корреспондентом Научного общества в Кракове¹⁶⁹. Однако и это не привело к существенным пе-

¹⁶⁹ А. Кнот. Barącz S. «Polski słownik biograficzny». Т. 1. Краков, 1935, стр. 291.

ременам в положении Баронча. Уже в последние годы жизни престарелый историк снова вступил в конфликт с орденом, отказавшись признать новый устав доминиканцев, еще больше усиливающий невольничество в монастырях. «Я знаю, что значит преследование,— писал Баронч из Подкаменя известному польскому писателю Ю.-И. Крашевскому.— Тридцать лет состою я в доминиканском ордене, и легко можно себе представить, сколько я перетерпел за это время, не получив утешения ни от кого»¹⁷⁰.

Несмотря на расстроенное здоровье и различные препятствия со стороны монастырского начальства, у Баронча сохранялась удивительная работоспособность. Из-под его пера вышло около тридцати книг, множество статей и заметок, разбросанных по различным журналам и газетам того времени. Ряд работ остался после его смерти в рукописи.

Историей армянских колоний на Западной Украине Баронч начал интересоваться рано — на первых порах своей исследовательской деятельности, примерно с 1842 г.¹⁷¹. Он просмотрел архив львов-

¹⁷⁰ K. Bartoszewicz. Korespondencja J.-I. Kraszewskiego. «Przegląd Literacki». Краков, 1898, 3, стр. 7.

¹⁷¹ Там же, стр. 4.—Вопрос о месте Баронча в армянской и украинской историографии недавно поднял И. П. Крипьякевич в своем докладе «Баронч — историк армян бывшей Галиции» (см. брош. Научная сессия, посвященная историческим связям и братской дружбе украинского и армянского народов. Тезисы докладов. Ереван, 1959, стр. 5—7). В нашем очерке сделана попытка обратить внимание на те моменты деятельности Баронча, которые были затронуты И. П. Крипьякевичем только в общих чертах.

ского магистрата, львовский сословный архив, библиотеку и архив армянского католического архиепископства во Львове. Работу по сбору и публикации источников по истории армян на Западной Украине Баронч вел в дальнейшем на протяжении почти тридцати лет. Он первый из историков начал систематически исследовать историю армянской иммиграции на Западную Украину.

К разработке вопросов истории армянских поселений на Западной Украине Баронч подошел с определенных позиций, вызвавших впоследствии яростные нападки польских шовинистических историков. Польская реакционная историография того времени (за небольшими исключениями) замалчивала роль, которую играли армяне в средневековой Польше. Одновременно польская дворянская верхушка и усиливающаяся крупная буржуазия всячески стремились ускорить процесс полонизации тех армян, которые в середине XIX в. еще сохраняли свой национальный облик. В том же направлении действовала наиболее реакционная часть армянского католического духовенства. Всякое упоминание об армянах на Украине, как о народе, имеющем богатое историческое прошлое и самобытную высокоразвитую культуру, польская аристократическо-клерикальная верхушка считала по крайней мере нежелательным. Исследование прошлого армянских колоний на Украине, систематически проводившееся Барончем в 50—60-х годах XIX в., имело, таким образом, определенное актуальное звучание. «Историки относят этот (т. е. армянский.— Я. Д.) народ полностью к полякам, не делают о нем

даже никакого упоминания,— писал Баронч Ю.-И. Крашевскому.— А ведь это отдельное племя из Азии, прибывшее в громадном количестве в тот край (т. е. на украинские земли бывшей Речи Посполитой.—Я. Д.). Они оружием и промышленностью служили той земле, на которой они поселились»¹⁷².

Первым видимым признаком арменоведческих интересов Баронча явилась его обзорная статья «O rękopisach kapituły ormiańskiej lwowskiej» («О рукописях львовского армянского капитула»), напечатанная в 1853 г.¹⁷³. Баронч дал описание 74 рукописей, ряд которых имел непосредственное отношение к истории армянских колоний на Западной Украине. Статья сохранила определенное значение до настоящего времени — тем более, что позже это собрание было рассредоточено и отдельные рукописи хранятся во Львове, во Вроцлаве (Польша) или в Вене.

Статью «Sobieski i Ormianie» («Собеский и армяне»), напечатанную в следующем году¹⁷⁴, Баронч посвятил отображению роли, которую играли армяне в Польше в период царствования короля Яна III Собеского (1674—1696). Баронч осветил деятельность армян-дипломатов на службе короля и опубликовал ценные документы, освещающие деятельность короля, направленную на освобождение

¹⁷² К. Bartoszewicz, цит. статья, стр. 4.

¹⁷³ «Dziennik Literacki». Львов, 1853. № 34, 37, 39, 40.

¹⁷⁴ Там же, Львов, 1854, № 21—22.

Армении из-под власти турок и возвращение поращенной стране независимости.

В составленном Барончем сборнике «Pamiętnik dziejów polskich z aktów urzędowych lwowskich i rękopisów» («Записки к польской истории из официальных львовских актов и рукописей»)¹⁷⁵, наряду с фрагментами из львовских армянских судебных книг XVII—XVIII вв. и хроникой армянских монахинь во Львове в XVIII в., был напечатан очерк «История Тысменицы». В очерке отражена история значительной и богатой в прошлом армянской колонии прикарпатского города.

Очень страстные споры разгорелись вокруг работы Баронча «Żywoty sławnych Ormian w Polsce» («Жизнеописания славных армян в Польше»), изданной во Львове в 1856 г.¹⁷⁶ Работа Баронча, являясь по существу претворением старой идеи Миньсовича («Viri illustres»), представляет собой биографический словарь видных армян, политическая, военная, культурная или церковная деятельность которых развивалась на территории феодальной Польши (т. е. включая западные украинские земли) в XVI—XVIII вв. Биографический словарь был составлен на основании обширного архивного мате-

¹⁷⁵ S. Barącz. Pamiętnik dziejów polskich z aktów urzędowych lwowskich i rękopisów. Львов, 1855.

¹⁷⁶ На основании «Жизнеописаний» Баронча было составлено несколько компилятивных работ. Например, познанский ксендз Павел-Владислав Фабинш (1819—1881) издал во Вроцлаве в 1856 г. книгу «Krótka wiadomość o Kościele ormiańskim w Polsce» («Краткое сообщение об армянской церкви в Польше»).

риала; более интересные документы Баронч привел в книге большими выдержками или целиком. В приложении к словарю напечатан очерк истории армянского женского монашеского ордена на Западной Украине в XVII—XVIII в.

Семья богатых армянских торговцев Кржечуновичей, предок которых — известный на Западной Украине торговец скотом — купил себе дворянство во время царствования австрийского императора Иосифа II, считала упоминание об этом в «Жизнеописаниях» оскорбительным для «исторических традиций» семьи¹⁷⁷. Кржечуновичи инспирировали ругательскую рецензию на работу Баронча. Автор рецензии, напечатанной в краковской газете «Сгас», польский историк Александр Батовский (1799—1862)¹⁷⁸ выступил одновременно поборником польских реакционных дворянских кругов, враждебно встретивших попытку Баронча отразить в своей работе армянское происхождение ряда видных культурных и политических деятелей Польши. Если с выводами рецензента о панегиризме автора или о низком уровне критики источников еще можно было бы согласиться, то пренебрежительное отношение Батовского к жизнеописаниям армян, «имена которых не имеют в действительности никакого значения», вызвало решительный отпор со стороны представителей прогрессивной украинской и польской общественности.

¹⁷⁷ L. Theodorowicz. Książdz S. Barącz. «Posłaniec Św. Grzegorza». Львов, 1928, № 8—9, стр. 14.

¹⁷⁸ „Czas“. Краков, 1856, № 52.

В защиту Баронча выступил известный украинский историк и писатель, один из начинателей украинского литературного возрождения на Западной Украине, Иван Николаевич Вагилевич (1811—1866)¹⁷⁹. Он не только показал всю беспочвенность шовинистических нападок, но и при помощи обширного экскурса в прошлое Армении связал историю армянских колоний на Западной Украине с историей их метрополии. С обстоятельной статьей, посвященной значению исторических исследований и попутно подчеркивающей заслуги Баронча на этом поприще, выступил польский романист и историк Юзеф-Игнацы Крашевский (1812—1887)¹⁸⁰.

На протяжении последующего десятилетия Баронч напечатал несколько исследований, посвященных городам, в которых в свое время существовали армянские колонии, игравшие заметную роль в экономической и общественной жизни Западной Украины. В 1858 г. во Львове была напечатана книга *Pamiętki miasta Stanisławowa* («Памятники города Станислава»), в которой, основываясь на большом фактическом материале, Баронч поднял вопрос о значении армянского ремесла и армянской торговли для развития такого значительного прикарпатского центра, каким являлся Станислав в XVII—XVIII вв. В книге был впервые опубликован ряд важных документов, излагающих привилегии

¹⁷⁹ *Ormianie w Polsce. Kilka słów z powodu książki księdza Bażysza* («Армяне в Польше. Несколько слов по поводу книги священника Баронча»). «Czas». Краков, 1856, № 79—80.

¹⁸⁰ *Listy do redakcji, «Gazeta Warszawska»*. Варшава, 1857, № 12.

армянского населения города (дипломы 1665, 1677 и 1703 гг.).

По такой же схеме, как монография о Станиславе, т. е. в виде хроники городских событий, была составлена книга «Pamiętki jazłowieckie» («Язловские памятники») ¹⁸¹. Вперемежку с описанием событий отдельных лет, Баронч печатает документы, отражающие жизнь армян в городе Язловце в XVII в. — в период наибольшего расцвета этой армянской колонии (дипломы 1615, 1643 гг., фрагменты из армянских судебных книг 1669—1672 гг.).

В конце XVII в. армяне переселились из Язловца в другие западноукраинские города, в том числе и в город Броды. Баронч в своей новой монографии пошел по следам переселенцев. В 1865 г. во Львове вышла в свет его книга «Wolne miasto handlowe Brody» («Свободный торговый город Броды»). В книге много места уделено истории армянской колонии после ее переселения из Язловца.

Еще одна статья и две публикации документов отражают кропотливую работу Баронча по сбору материалов об истории армянской иммиграции на Западную Украину. В 1857 г. во львовском журнале «Rozmaitości» Баронч огласил два документа из жизни армянской колонии во Львове в XVII в. ¹⁸². Материал о состоянии армянских колоний в городах Снятыне, Кутах, Городенке и Бережанах в конце XVIII — начале XIX в. был опубликован Барончем в жизнеописании львовского армянского архиепископа С.-К. Стефановича.

¹⁸¹ S. Barącz. Pamiętki jazłowieckie. Львов, 1862.

¹⁸² «Rozmaitości». Львов, 1857, № 52, стр. 413.

Завершением исследований Баронча по истории армянских колоний на Западной Украине явилась его книга «Rys dziejów ormiańskich» («Очерк армянской истории») ¹⁸³. Под этим заглавием скрывается по существу пять отдельных работ армянского историка: популярный очерк истории Армении, историко-географический словарь армянских колоний на Украине и в Польше, популярный очерк истории армянской литературы (в широком смысле этого слова), публикация памятника армянского права на Украине (так называемый Львовский судебник 1519 г.) и краткое описание армянских национальных обычаев. С современной точки зрения наиболее ценная часть книги — историко-географический словарь армянских колоний, озаглавленный «Армяне в Польше». Баронч в конспективном изложении дал обзор истории более чем 40 армянских колоний на Украине и в Польше. Историко-географический словарь — окончательный итог арменоведческих исследований Баронча. После 1869 г. он больше не возвращался к этим вопросам. В работах, печатавшихся на протяжении последующих 23 лет его жизни, можно найти только краткие упоминания об украинских армянах. Среди рукописей, которые остались после смерти Баронча неизданными, также не было работ, касающихся истории армянских колоний.

¹⁸³ Żywot ks. S. C. Stefanowicza, arcybiskupa lwowskiego armeniańskiego. («Жизнеописание С. К. Стефановича, львовского армянского архиепископа»). «Dodatek tygodniowy przy Gazecie Lwowskiej». Львов, 1859, № 27—29, 32, 37. S. Bańdz, Rys dziejów ormiańskich. Тернополь, 1869.

Вряд ли у Баронча пропал интерес к истории своих предков — просто затворнический образ жизни монаха мешал ему в розыске новых материалов.

Баронч приступил к занятиям историей без определенной исторической подготовки. Его работы — дань романтическому увлечению памятниками старины, увлечению, которому Баронч посвятил всю свою жизнь. Не обладая строго научным методом исторического исследования, далекий от господствующих в то время историко-софских школ, Баронч часто чрезмерно доверял источникам. Работы его написаны примитивно. Автор облюбовал себе форму средневековой хроники и излагал события просто в хронологическом порядке. Отсутствие правильного понимания исторического процесса вызвало заметные трудности у историка; для того, чтобы их обойти, Баронч часто избирал для своих работ форму алфавитных списков или перечней: таким образом были составлены и биографический словарь видных армян, и историко-географический словарь армянских колоний. Барончу глубоко свойственна идеализация духовенства, дворянства, она пронизывает все его работы, в том числе и посвященные истории армян. При использовании работ Баронча необходимо учитывать, что ряд общезвестных в то время публикаций источников остался для него неизвестным — вне круга его зрения оказалось довольно много изданий 50—60-х годов XIX в. Несомненно, что Баронч подходил к использованию источников тенденциозно; социально-экономические вопросы освещены в его работах поверхностно.

Работами Баронча заканчивается первоначальный этап в исследовании прошлого армянских колоний на Западной Украине. Основные факты из их истории нашли свое отражение, правда не всегда достаточно критическое, в литературе. Баронч был последним и, вместе с тем, наиболее видным представителем дворянско-клерикальной историографии¹⁸¹. Согласно ее основным тенденциям, история армянских колоний преподносилась в заметно искаженном виде. Классовые позиции историков ярко отразились не только в подборе фактов, но, тем более, и в их освещении. На первый план выдвигалась церковная история; вопросы экономической и культурной жизни колоний излагались обычно в тесной зависимости от церковной истории. Последняя, в свою очередь, рассматривалась исключительно с точки зрения интересов римско-католической церкви, с позиций восхваления унии с Римом и ее мнимых благоприятных последствий для армян.

Факты, свидетельствующие о том, что именно церковная уния явилась одним из факторов, усиливших денационализацию армян на Украине, затушевывались и замалчивались. Напрасно искать в работах историков XVIII — первой половины XIX в. изложение социальных вопросов: моменты, отражающие не то что классовую борьбу, а просто

¹⁸¹ Необходимо отметить, что из целого ряда упоминаемых выше историков только два (Пржездзецкий и Зубрицкий) были светскими лицами!

имущественную дифференциацию внутри армянских колоний, всегда оставались вне поля зрения историков.

Во второй половине XIX в. как в армянской, так и в украинской, русской и польской историографии исследование прошлого, в том числе и прошлого армянских колоний на Украине, начинает осуществляться с новых позиций, отражающих все усиливающееся господство в обществе буржуазных идей. Выдвигаются новые проблемы, которые нашли свое отражение и в арменоведческих исследованиях. Углубляется расчленение исследовательской работы на отдельные области, возникают новые направления исследований. Во второй половине XIX в. усиливается интерес к истории армянского права на Украине, возникают предпосылки для исследования армянского искусства. Наряду с этим, с новых позиций разрабатывается прежняя проблематика — история отдельных армянских колоний на фоне изучения экономического и культурного прошлого украинских городов. Эта область исследования находилась в тесной связи с развитием западно-украинского краеведения. Церковная история оттесняется на второй план. Историческая наука смогла, наконец, использовать некоторые данные армянского языковедения — в частности, результаты исследования разговорной речи западноукраинских армян.

Важную роль в развитии арменоведческих исследований сыграли значительные археографические работы, развернувшиеся на Украине во второй половине XIX в. В многотомных публикациях

(в первую очередь нужно учитывать такие капитальные издания, как «Акты Южной и Западной России», 15 тт., СПб, 1863—1892, «Архив Юго-западной России», 35 тт., Киев, 1859—1914, «Akty grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej», 25 тт., Львов, 1868—1935) было напечатано много материалов первостепенной важности об армянских колониях.

В связи с дифференциацией тематики во второй половине XIX в., наиболее целесообразно рассматривать дальнейшее развитие историографии армянских колоний не в хронологической (как до сих пор) последовательности, а в порядке отдельных проблем, вокруг которых группировались исследователи.

* * *

В украинской историографии 60—80-х годов XIX в. наиболее видным исследователем прошлого армянских колоний на Украине явился крупный историк и археолог Исидор Иванович Шараневич (1829—1901), профессор австрийской истории Львовского университета в 1873—1899 г., действительный член Академии наук в Кракове, почетный доктор Киевского университета — автор около 125 научных работ¹⁸⁵.

Еще в одной из первых своих работ, в моно-

¹⁸⁵ Сравни И. И. Шараневич. Сборник статей [о нем]. Львов, 1929.

графин «Стародавній Львів (від року 1250—1350)»¹⁸⁶, Шараневич занялся первыми армянами-поселенцами во Львове в период до оккупации города польскими и венгерскими феодалами в XIV в. (то есть в период, который Д. Зубрицкий не отразил в своей «Хронике города Львова»). Шараневич считал, что армяне появились в городе вскоре после его основания, занимались торговлей, служили в охране князя и уже в это время принимали участие в управлении городом.

В другой капитальной для своего времени работе¹⁸⁷ Шараневич правильно отметил, что в XIII—XIV вв. на Западной Украине, несомненно, существовало значительное количество армянских колоний, раз во второй половине XIV в. уже возникла необходимость учредить во Львове армянское епископство.

Шараневич, наконец, явился первым украинским историком, посвятившим украинским армянам отдельную научную работу. В 1868 г. во львовском журнале «Szkola» была напечатана его статья «Oginianie na Rusi i Podolu» («Армяне на Руси и в Подолнии»)¹⁸⁸, которая должна была явиться первой из серии статей, освещающих прошлое армянских колоний. Статья Шараневича выгодно отличалась от других работ того времени (в том числе и от работ Баронча) тем, что автор рассматривал ар-

¹⁸⁶ І. І. Шараневич. Стародавній Львів (від року 1250—1350). Львів, 1862.

¹⁸⁷ І. І. Шараневич. Історія Галицько-Володимирської Русі від найдавніших времен до року 1453. Львів, 1863.

¹⁸⁸ „Szkola“. Т. 2 (ноябрь), Львів, 1866, стр. 279—286.

мянские колонии на Украине как одно целое, анализировал волны миграции армян, которые, в силу определенных политических факторов (Шараневич не поднялся в своих работах до понимания роли экономики в истории), приводили к возникновению колоний в тех или иных областях Украины. Почти каждое столетие на протяжении XI—XVII вв. приносило образование все новых и новых колоний. В последующих статьях Шараневич предполагал заняться социальными отношениями внутри колоний и историей армянской церкви на Украине, однако эти его планы не были осуществлены.

Возможно, что с выходом работы С. Баронча «Очерк армянской истории» (1869), Шараневич считал решенными основные вопросы исследования истории армянских поселенцев.

В других, вышедших позже работах, Шараневич только вскользь упоминает об армянах, но, вместе с тем, он всегда отводит им должествующее место в прошлом Западной Украины. Шараневичу принадлежит также интересная гипотеза о том, что одна из первых львовских церквей — церковь св. Иоанна, при которой в XV в. имелась отдельная армянская община и которая находилась в пределах городских стен древнего княжьего города XIII—XIV вв., — была армянской¹⁸⁹.

¹⁸⁹ І. І. Шараневич. Ставропигійська церков во Львові. «Временник Інститута Ставропигійського». Т. 12. Львов, 1875, стр. 136—137; Указання в писаних источниках, а особливо в документах и актах до археологических исследований. «Литературний збірник». Львов, 1885, № 4, стр. 212—213.

В отличие от Шараневича, рассматривавшего все армянские колонии на Украине в тесной взаимосвязи, украинский историк и публицист Венедикт Михайлович Площанский (1834—1902) занялся анализом истории каждой колонии в отдельности. Правда, Площанский ставил перед своими исследованиями совершенно другие цели. В начале 60-х годов у него возник план грандиозного многотомного труда красеведческо-исторического характера под названием «Опис Галичини». Площанский с большим энтузиазмом принялся за работу, в течение десятилетий собрал огромный материал по истории отдельных городов и сел Восточной Галиции, однако, в конечном счете, его постигла неудача: он не смог подобрать достаточное количество сотрудников-любителей, да и не получил необходимой материальной поддержки. Кипучая журналистическая деятельность, в которой он полностью отдал себя пропаганде идей реакционной буржуазной так называемой москвофильской партии, и, в дальнейшем, отрыв от родной почвы (в 1877 г. Площанский из Львова переехал в Вильнюс и был назначен членом археографической комиссии для разбора древних актов) также отрицательно отразились на его научных занятиях.

Все же из-под пера Площанского вышел ряд монографий и статей, посвященных отдельным населенным пунктам Восточной Галиции — среди них и городам, в которых существовали армянские колонии. Заслуживают упоминания статьи энциклопедического характера о городах: Броды, с армянской колонией XVII—XVIII вв., Станислав с коло-

нией XVII—XIX вв., Жолква с колонией XVII в., Золочев с колонией XVII—XVIII вв.¹⁹⁰. В частности, для своего очерка о Золочеве Площанский использовал ранее неизвестные документальные материалы. Необходимо отметить, что Площанский работал над отдельным очерком, посвященным истории армян на Украине. К сожалению, этот очерк, написанный на основании использования довольно значительного архивного материала, так и не вышел в свет¹⁹¹. Анализируя причины упадка армянских колоний на Западной Украине, Площанский совершенно правильно считал церковную унию с Римом одной из главных причин денационализации украинских армян.

В 70-х годах XIX в., в связи с активизацией культурной и политической жизни армян, находившихся под турецким игом, в кругах армянской буржуазной интеллигенции усиливается интерес к зарубежным колониям армян. Константинопольские армяне пытаются возобновить давно прерванные связи с колониями на Западной Украине, развернуть исследование их прошлого. Однако картина окончательного растворения и денационализации коло-

¹⁹⁰ Галицко-русский торговельный город Броды. «Научный сборник». Львов, 1868, № 1—2, стр. 56—69; № 3—4, стр. 273—288; Галицко-русский торговельный город. Станислав по достоверным источникам. Там же, 1868, № 1—2, стр. 16—56, Галицко-русский город Жолковь. Там же, 1868, № 3—4, стр. 221—272; Золочев, уездный город Галицкой Руси. «Литературный сборник». Львов, 1871, стр. 31—34.

¹⁹¹ Рукопись хранится в библиотеке Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе.

ний, которая раскрылась перед глазами армянских путешественников, могла вызвать только уныние даже у самых отъявленных оптимистов. С этой точки зрения особенно показательны полумемуарные-полунсторические работы Г. Муратяна и А. Алтуняна.

Армянский религиозный деятель Гарегин Муратян (он же смирненский епископ Мелхиседек, ум. 1903 г.) — известный в первую очередь своими работами по истории церкви. В 1874 г. Муратян предпринял поездку по армянским колониям в Европе — в результате этой поездки появились его «Письма», печатавшиеся в константинопольской газете «*Ушару*». Два письма посвящены судьбе украинских армян¹⁹². Во Львове Муратян встречался с армянской общиной, эту трогательную встречу с людьми, давно потерявшими связь со своей родиной, позабывшими свой родной язык, он рисует теплыми и даже весьма сентиментальными красками.

Вслед за Муратяном, в 1876 г., Западную Украину посетил армянский писатель и журналист Аршак Алтунян, проживавший в Константинополе. В своей книге «*Տեղեկագրութիւն հայոց փառիկանութեան ըրբ Մոլտովաքիւրի, Հոնգարիա և ի Հեհանտան*» [«Сведения об эмиграции армян в Молдавии, Валахии, Венгрии и Польше»], изданной будто бы в Фокшанах (в действительности напечатанной в Константинополе) в 1877 г., он также коснулся больше современного ему состояния армянских колоний,

¹⁹² *Մ. Մուրատյան. Կամար. «Մարի»,* Константинополь, 1874, № 1516, 1517.

нежели их исторического прошлого. Алтунян познакомился с жизнью армянских колоний в Черновцах, Льгове, Станиславе, Бережанах, Тысменице, Снятыне, Замостье, Кутах. Он дал подробные сведения о численности армян в каждой из этих колоний, осветил их прошлое, занятие, быт и нравы армянского населения, его язык, религию, состояние просвещения, политическое и экономическое положение. Далеко зашедший процесс ассимиляции и постепенное исчезновение армян глубоко опечалили автора, не жалевшего красок при изображении столь безрадостной картины: «Невозможно передать моим читателям, какое грустное впечатление произвело на меня это путешествие, как горько я плакал, видя остатки тех бедных анийцев, которые, покидая последнюю столицу Армении, переселились в столь далекие страны, думая, что обретут покой и что смогут уберечь свою национальность и церковь. Не знали эти несчастные, что встретят там таких врагов нации и религии, которые были более безжалостными, нежели напавшие на Ани варвары, ибо они (эти враги.—Я. Д.) не только захватили имущество армян и обогатились этим, но и стремились заставить армян забыть свою нацию и религию»¹⁰³⁻¹⁰⁴.

«Письма» Г. Муратяна и книга А. Алтуняна ценны, в основном, как свидетельство современников, побывавших в 70-х годах XIX в. во многих армянских колониях и оставивших интересные (хотя

¹⁰³⁻¹⁰⁴ Ц. Ц. Բ ու Ն ե ա ն, *Տեղեկագրութիւն...*, Фокшаны, 1877, стр. II.

иногда поверхностные и неточные в деталях)¹⁹⁵ сведения о них.

Главный центр западноукраинских армян — город Львов — длительное время не находил своего историографа¹⁹⁶. Огромное количество архивного материала почти не использовалось для данной темы со времен Зубрицкого (Баронч очень поверхностно коснулся отдельных сторон жизни львовских армян). Только в 80-х годах XIX в. к этим архивным богатствам, в связи с усиливающимся интересом польской буржуазной историографии к истории экономики и культуры средневековых городов, обратился польский историк В. Лозинский.

Журналист и писатель, историк и коллекционер, Владислав Лозинский (1843—1913) — фигура очень колоритная для своего времени. Миллионер, бросивший в юности университетскую учебу ради публицистики и в зрелом возрасте оставивший ее для исторических разысканий, искал в этих последних подтверждение своих политических концепций, отражавших быстрый рост и укрепление позиций польской буржуазии. Лозинский нашел свое-

¹⁹⁵ См. об этом полемику, разгоревшуюся между А. Алтунианом и гражданином из г. Фокшан Фератом Фератианом и опубликованную на страницах армянской газеты «*Ушриш*», издававшейся в Константинополе, 1877 г., № 2041—2042, 2044—2046, 2066—2067, а также рецензию на книгу А. Алтуниана в ж. «*Фирд*», 1879 г., № 3.

¹⁹⁶ В 1889 г. Т. Громицкий в своей статье, посвященной в основном истории армянской церкви, дал обзор привилегий львовских армян. Эта работа рассматривается ниже — в разделе, посвященном историографии армянской церкви на Западной Украине.

образную, далекую от объективности, формулу для истории города Львова. Средневековый Львов, в его представлении — это цветущий оазис, возглавляемый могущественной городской буржуазией — патрициатом, который крепко держит в своих руках бразды правления и ведет постоянную борьбу против бушующего вокруг города шляхетского своеволия. Лозинский всячески восхвалял «верную» и «преданную» польскому королю городскую буржуазию. Напрасно искать у Лозинского правдивое отражение социальных и национальных противоречий города. Беспредельная алчность и жадность польского патрициата превращаются в его трактовке в положительную черту; национальный и религиозный гнет находят не только полное оправдание, но и провозглашаются необходимыми и вполне справедливыми. За свои ярко тенденциозные работы Лозинский удостоился высших почестей от буржуазного общества и был даже избран членом Академии наук в Кракове.

В кривом зеркале своих концепций Лозинский отразил прошлое львовской армянской колонии. В 1889 г. во Львове вышел в свет первый том труда Лозинского «*Lwów starożytny*» («Древний Львов») под заглавием «*Złotnictwo lwowskie w dawnych wiekach 1384—1640*» («Львовское ювелирное искусство в древние времена. 1384—1640»)¹⁹⁷, а в 1890 г. — второй том, озаглавленный

¹⁹⁷ Эта и другие работы Лозинского по истории искусства и художественных ремесел, значительное место в которых уделено армянам, рассматриваются в статье ниже, вместе с другими работами, посвященными армянскому искусству на Украине.

«Patrycjał i mieszczanństwo lwowskie w XVI i XVII w.» («Львовский патрициат и горожане в XVI и XVII в.»). Во втором томе, переизданном в значительно расширенном виде в 1892 г.¹⁹⁸, Лозинский посвятил львовской армянской колонии большую, живо и интересно написанную главу «Армяне».

Для написания этой главы Лозинский использовал различные виды источников, хранившихся во Львовском городском архиве (акты городского совета и городского суда, бухгалтерские книги и т. п.), однако он выбирал только материал, который соответствовал его историческим тенденциям. Лозинский сознательно отбросил все написанное о львовских армянах до него, мотивируя это тем, что он хочет руководствоваться только источниками. В действительности, причина такой пренебрежительности лежала глубже — слишком уж много у Лозинского противоречий с результатами исследований других историков...

В главе, посвященной армянам, Лозинский коснулся целого ряда вопросов, связанных с прошлым армянской колонии во Львове. Он разбирал вопрос об армянском самоуправлении и об армянском суде, здесь же освещалось место, занимаемое армянами в торговле города с Востоком. Лозинский

¹⁹⁸ Третье издание, без существенных изменений по сравнению со вторым, вышло в свет во Львове в 1902 г.

занился также (правда, очень поверхностно и с пренебрежением) вопросами армянской культуры, показал армян как знатоков восточных языков, привел несколько примеров участия армян в политической жизни Польши (армяне — дипломатические агенты польских королей). Вместе с тем, напряженную борьбу армян за свои права против шовинистически настроенного магистрата Лозинский считал всего лишь «комическими эпизодами», а насильственное введение унии среди армян, — столь ярко противоречащее выдвинутому Лозинским тезису о национальной и религиозной терпимости, будто бы господствовавшей в городе, — он прямо отказался рассматривать.

Написанные хорошим литературным стилем работы Лозинского вызывали восхищение польской буржуазии; научные круги, однако, вскоре после смерти Лозинского заметно охладели к его наследию, отказывая ему в исторической достоверности (была установлена, в ряде случаев, фальшивая датировка событий, изобличены предельный субъективизм в изложении исторического материала, резкая тенденциозность в подборе фактов, нивелировка социальных противоречий в городе). Основная ценность работы Лозинского для арменоведческих исследований заключалась в том, что он вновь (после Зубрицкого) указал на тот огромный материал по истории армянской колонии во Львове, который скрывался в актах львовского магистрата и который, по существу, до сих пор остался использованным только поверхностно. Лозинский, вместе с тем, расширил круг вопросов исследования —

он поднял вопросы экономического и культурного порядка, которые ранее терялись среди детального изложения церковной истории.

В то время, когда на Западной Украине разрабатывались в основном вопросы истории колоний, группировавшихся вокруг Львова и в галицком Прикарпатье, историография Восточной Украины занялась исследованием прошлого армянской колонии в Каменце-Подольском и колоний, расположенных в Восточной Подолнии над рекой Днестр. Историей этих колоний с увлечением занялся польский историк, француз по происхождению¹⁹⁹, Антони-Юзеф Ролле (1830—1894), известный более под довольно странным псевдонимом «Др. Антонн Й.».

Человек очень широких интересов и большой эрудиции, врач-психиатр по узкой специальности, писатель и историк-популяризатор по наклонностям, Ролле использовал свое глубокое знание исторического прошлого Восточной Подолнии, ее древних памятников, архивных и других источников для написания целого ряда исторических произведений, между прочим, тесно связанных по своей тематике с прошлым украинских городов и армянских ко-

¹⁹⁹ Дед Ю. Ролле—французский эмигрант, женившийся в Западной Украине на армянке. Внешний облик Ю. Ролле сохранил некоторые армянские черты (сравни J. Talko-Hryniewicz. *Ostatni z dawnych lekarzy kresowych Dr. J. Rolle, «Pamiętnik Wileńskiego Towarzystwa Lekarskiego i wydziału lekarskiego Uniw. S. Batorego»*. Вильнюс, 1930, № 3, стр. 207—231; № 4—5, стр. 312—338).

лоний в них. Работы Ролле стоят как бы на границе исторической науки и беллетристики — автор преподносит своим читателям много достоверных фактов и деталей в отличной художественной обработке. Правда, во многих случаях (это особенно касается ранних произведений Ролле) избыток литературных элементов приводил к отсутствию объективного подхода в изложении событий, к нарушениям логической последовательности в повествовании. Особенно много сделал Ролле для разработки истории Каменца-Подольского — на протяжении почти трех десятилетий (70—90-е годы XIX в.) его работы были единственными обстоятельными исследованиями по истории этого города и его армянской колонии.

Прошлое армян Восточной Подолии Ролле осветил во многих работах, первой из которых явилось большое монографическое исследование «*Zameczki podolskie na kresach*» («Подольские замки на окраинах»), печатавшееся на протяжении нескольких лет в краковском журнале «*Przegląd Polski*» (1869—1872) и во львовском журнале «*Przegląd Lwowski*» (1873). В 1880 г., в Кракове, вышло второе, значительно переработанное трехтомное издание монографии под заглавием «*Zameczki podolskie na kresach multańskich*» («Подольские замки на молдавских окраинах»). Первые два тома «Подольских замков» посвящены истории Каменца-Подольского. Материал о древней армянской колонии этого города разбросан в обеих книгах, имеется также специальный раздел о каменецких армянах. Ролле всесторонне отразил жизнь армянской ко-

лонии. Главное внимание он фиксировал на борьбе армянского самоуправления за свои права, на роли армянских купцов и ремесленников в экономике средневекового города. Ролле проследил историю этой армянской колонии, начиная от ее возникновения (или, точнее, — от первых достоверных сведений о ней в XIV в.) и кончая ее упадком в конце XVIII — начале XIX в. Ролле первым из историков обратил внимание на документальные сведения о том, что симпатии армянских горожан Каменца-Подольского во время освободительной войны под руководством Богдана Хмельницкого были на стороне украинского народа, боровшегося за освобождение из-под польского ига. К сожалению, этот момент, очень важный для исследования дружественных связей армянского и украинского народов, не нашел дальнейшего развития ни в работах самого Ролле, ни в работах последующих историков. В третьем томе «Подольских замков» Ролле занялся историей других городов Восточной Подолнии; много внимания уделил он армянским колониям, существовавшим в городах Жванец (XVIII в.), Бар (XVI—XVIII в.) и Могилев-Подольский (XVIII—XIX в.).

К истории армянской колонии в Каменце-Подольском Ролле возвращался во многих своих произведениях. Так, например, его исторический рассказ «Pod krzyżem» («Под крестом»)²⁰⁰ посвящен жизни армянской колонии города под турецким игом

²⁰⁰ Напечатан в сб. Nowe opowiadania historyczne. Львов, 1878, стр. 3—82 (второе изд., Львов, 1883).

в 1672—1700 гг. Ролле дал красочное описание путешествия значительной группы каменецких армян на Юг, в Македонию. Рассказ «Wartabied» («Вардапет»)²⁰¹ отразил борьбу каменецких армян против религиозной унии с Римом. В работе историко-географического характера «Wycieczka do Kamieńca» («Прогулка в Каменец»)²⁰² Ролле дал топографическое описание армянского квартала города в XVI—XVII в. В статье «Pamiętnik szlacheńskich delegatów kamienieckich na sejm 1789 r., poprzedzony ogólnym poglądem na wewnętrzne dzieje miasta w XVIII stuleciu» («Записная книжка благородных каменецких делегатов на сейм 1789 г., с общим обзором внутренней истории города в XVIII в.»)²⁰³ Ролле убедительно показал роль армян в общественно-политической жизни города в XVIII в.—армяне возглавляли магистрат, армянин являлся комендантом крепости, наконец, армяне Я. Шагин и И. Тер-Габрелевич были избраны делегатами на сейм в Варшаву для защиты прав города.

На фоне истории подольского городка Студеница (исторический рассказ «Łosy kresowego miasteczka» — «Судьбы городка на окраине»)²⁰⁴ Рол-

²⁰¹ В том же сб., Львов, 1878, стр. 145—192.

²⁰² „Kłosy“, т. 26. Варшава, 1878, № 666, 670—672, 675, 678; 27, № 680, 682, 685, 686.

²⁰³ В сб. Sylwetki historyczne. серия 8. Краков, 1892.

²⁰⁴ В сб. Nowe opowiadania historyczne. Львов, 1878, стр. 83—143 (второе изд., Львов, 1883).

ле рассказал отдельные эпизоды из прошлого местной армянской колонии в XVII в.

Работы Ролле заметно расширили круг сведений об украинских армянах, они нашли признание не только в среде историков-специалистов²⁰⁵, но и у широкой читательской публики. Доказательством популярности работ и рассказов Ролле может послужить хотя бы и тот факт, что они переводились не только на украинский и русский языки, но армянские читатели имели возможность знакомиться с его произведениями в переводе на свой родной язык. Например, в 1903 г., в Баку, был издан рассказ А. Ю. Ролле «Вардапет» в армянском переводе М. Бархударяна²⁰⁶.

Исследования «д-ра Антони Й.» некоторое время пытался продолжать — впрочем не особенно успешно — его сын Миханл Ролле, польский писатель и журналист. На основании собранных отцом материалов, М. Ролле написал исторический очерк «Z życia Ormian kamienieckich w XVII i XVIII wieku» («Из жизни каменецких армян в XVII и XVIII вв.»)²⁰⁷, в котором осветил противоречия между армянской и польской юрисдикцией в Ка-

²⁰⁵ В. А [нтонович]. И. И. Ролле. «Киевская старина». Т. 44, 1894, февр., стр. 305—310; Н. Яворовский. Воспоминания об И. И. Ролле. «Труды Подольского церковного историческо-археологического общества». Т. 10. Каменец-Подольский, 1904, стр. 506—517 и др.

²⁰⁶ Վարդապետ, Լեհաստանի հայերի պատմութեան վերջին հրկուց. Баку, 1903.

²⁰⁷ «Swiat». Краков, 1891. № 12, стр. 284—288; № 13, стр. 312—313; № 14, стр. 334—338.

менце, а также борьбу еврейских торговцев, постепенно захвативших торговлю города в свои руки, против армянских купцов и их привилегий.

Начиная с 70-х годов история армян Подолли начинает привлекать также украинских историков. Созданный в 1865 г. в Каменце-Подольском епархиальный историко-статистический комитет (при православной Подольской консистории) с 1876 г. начал издавать свои «Труды», в которых сразу же находит свое место и армянская тематика. Сначала комитет ограничивался исключительно исследованиями по церковной истории — разрабатывались также вопросы истории армянской церкви в Восточной Подолли²⁰⁸; в дальнейшем все больше места в «Трудах» занимает гражданская история. Наиболее видным представителем исследователей, группировавшихся вокруг комитета, являлся его председатель, известный украинский историк Евфимий Иосифович Сецинский (1859—1937)²⁰⁹. Основные научные труды Сецинского появились на протяжении первых трех десятилетий XX в. (и, таким образом, выходят за пределы настоящей статьи),

²⁰⁸ Работы сотрудников комитета, украинских историков М. Симашкевича и М. Дороновича из этой области рассматриваются ниже, вместе с другими работами, посвященными истории армянской церкви.

²⁰⁹ После Великой Октябрьской социалистической революции Е. Сецинский порвал с православной церковью и работал научным сотрудником в музеях Каменца и Киева. О нем сравни І. Крип'якевич]. П'ятидесятиріччя наукової праці Є. Сіцинського. «Записки Наукового Товариства ім. Шевченка». Т. 151. Львов, 1931, стр. 217—223.

однако и в конце XIX в. он дал несколько ценных работ, имеющих отношение к истории армянских колоний на Украине.

В монографии «Город Каменец-Подольский» (Киев, 1895) Сецинский уделил значительное место каменецким армянам. Исследователь дал характеристику армян как основного торгового населения города, отразил борьбу армянских горожан за свои права против гнета польского магистрата в XVIII в. Сецинскому принадлежит мысль о том, что постоянная борьба между армянской и польской юрисдикцией, закончившаяся поражением армян и усилением национальных притеснений, явилась одной из главных причин экономического упадка города — основная масса армян оставила город, а их остатки постепенно слились с польским населением. В другой главе монографии, а также в отдельной работе, посвященной истории приходов Подолии²¹⁰, Сецинский занялся прошлым армянских храмов, существовавших в Каменце. Сецинский пришел к совершенно правильному выводу, что «религиозная уния армян с Римом привела к уничтожению не только обряда армянского, но и национальности армян»²¹¹.

Через год после выхода в свет монографии Е. Сецинского в Венеции появился археографический

²¹⁰ Исторические сведения о приходах и церквях Подольской епархии. Т. 1. «Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета». Т. 7. Каменец-Подольский, 1895, стр. 75—82.

²¹¹ Там же, стр. 77.

сборник очень ценных источников по истории армянских колоний на Украине и в Молдавии, вообще, и в Каменце-Подольском, в частности. В сборнике «*Կամենից, Տարեգրքը հայոց Հեհաւտանի և Ռումինի հաւանդանայ շտեյնշտեյնի*» («Каменец. Летопись армян Польши и Румынии с приложением документов»), отредактированном Л. М. Алишаном, кроме большой «Каменецкой летописи», составленной на основании записей нескольких армянских хронистов (Ованнеса, Авксента, Тер-Акопа), было опубликовано значительное количество отдельных записей летописного характера и другие документальные материалы. Сборник, составленный Алишаном, довольно широко использовался последующими армянскими исследователями.

Одним из наиболее существенных признаков армянской колонии в украинском городе являлось самоуправление армянской общины, находившее свое отражение в области права. Армяне-колонисты судились своими собственными законами, перенесенными, вместе с другими духовными ценностями, из закавказской отчины.

Известия о наличии и применении самобытного армянского права в армянских колониях на Украине проникли в литературу еще в конце XVIII в., однако научное исследование сохранившихся на Украине памятников армянского права началось значительно позже.

Научная постановка вопроса об армянском праве на Украине связана в первую очередь с именем немецкого историка права Фердинанда Бишоффа (1826—1915), профессора университета во Львове (1855—1865) и в Граце (Австрия; 1865—1896), члена-корреспондента Академии наук в Вене. Бишофф приехал во Львов как профессор новосозданной кафедры истории немецкого права и здесь сразу же занялся розысками памятников средневекового городского права и их публикацией²¹². Таким образом, Бишофф в полном смысле этого слова открыл до сих пор совершенно неисследованную область истории права — право армянских колоний в украинских городах. Первые результаты своих исследований Бишофф довел до сведения научной общественности в своем справочном издании «*Österreichische Stadtrechte und Privilegien mit Literaturangaben und Anmerkungen*» (Вена, 1857), в котором опубликовал отрывки из привилегий польских королей, относящихся к армянской юрисдикции во Львове. Потом быстро следуют другие публикации Бишоффа: «*Das alte Recht der Armenier in Polen. Aus Urkunden des Lemberger Stadtarchivs*»²¹³.

²¹² P. Hradil. F. Bischoff. «Zeltschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Germanistische Abteilung. Т. 36. Веймар, 1915, стр. 648—649; «*Österreichisches biographisches Lexikon 1815—1950*», Т. 1. Грац, 1957 и др.

²¹³ «*Österreichische Blätter für Literatur und Kunst*», Вена, 1857, № 28, 33, 37, 39. Армянский перевод этой статьи помещен: «*Մասնակի միտություններ լեհահայրոց դատական անգղերենի վրա*», («Очерки о судебнике армян Польши»). Вена, 1890, составленной Г. Галемкеряном (стр. 1—84).

«Das alte Recht der Armenier in Lemberg»²¹⁴ и «Urkunden zur Geschichte der Armenier in Lemberg»²¹⁵. В первой из этих работ Бишофф изложил содержание кодекса армянских прав, хранившегося во Львове в библиотеке Оссолинских. В своей работе «Древнее право армян во Львове» Бишофф дал первую научную публикацию официального, утвержденного польским королем Сигизмундом I в 1519 г., латинского свода законов, по которому судились армяне Львова и других западноукраинских колоний²¹⁶. Не менее ценной, не потерявшей своего значения и до наших дней, явилась последняя работа Бишоффа «Грамоты по истории армян Львова» — большой сборник основных дипломов польских королей (69 документов 1377—1736 гг.), содержащих привилегии юридического и экономического характера для львовских армян. Большая часть документов этого сборника отражает длительные споры за юрисдикцию между магистратом Львова и армянской общиной. Как известно, львовский магистрат, находившийся в руках польского

²¹⁴ «Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», philos.-hist. Klasse. T. 40. Вена, 1862, № 2, стр. 255—302.

²¹⁵ «Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen», T. 32 Вена, 1865, стр. 1—155.

²¹⁶ Более ранняя публикация польского варианта свода законов, предпринятая К.-В. Вуйцицким («Biblioteka starożytna pisarzy polskich». T. 1. Варшава, 1843, стр. 31—137), и более поздняя — С. Баронча (в сб. «Rys dziejów ormiańskich», Тернополь, 1869, стр. 205—261) далеко не соответствуют научным требованиям.

патрициата, в течение нескольких столетий, вопреки королевским привилегиям, пытался «покорить» армян, насильственно подчинить их магдебургскому праву.

Бишофф не только с увлечением занимался розыском и публикацией документов по истории армянского права — он, второй из профессоров Львовского университета (после Захарясевича в начале XIX в.), ввел армянскую тематику в содержание своего университетского курса по истории права городов. Хотя Бишофф ограничился всего лишь публикацией источников и даже не пытался дать какое-либо обобщение на основании собранных материалов, заслуги его для истории армянского права бесспорны. Ни один из последующих исследователей не мог пройти мимо его публикаций. В разработке вопросов истории армянского права Бишофф оказал помощь крупнейшему специалисту по сравнительному правоведению, которым явился второй исследователь права львовских армян И. Колер.

Чрезвычайно разносторонний немецкий буржуазный правовед Иозеф Колер (1849—1919), профессор Вюрцбургского (1878—1888) и Берлинского (с 1888) университетов, занимаясь сравнительным исследованием права народов Азии и Европы, предпринял первую попытку связать право украинских армян с правом их метрополии. В 1880 г. в Армении появилось печатное издание «*Գլխաւոր արարքք հայր*» Мхитара Гоша, и в 1887 г. Колер занялся сравнительным анализом львовско-

го армянского судебногоника 1519 г.²¹⁷. Колер показал всю ширину заключающихся в львовском судебнике юридических постановлений, охватывающих самые различные стороны жизни — гражданское, имущественное, вещевое, долговое и залоговое право, право наследования, уголовное право и гражданский процесс. Колер, первым из исследователей, пытался показать различные наслоения, отразившиеся на памятнике: для этого он приводил параллели из осетинского, сирийско-римского, грузинского, мозанчно-талмудического права, анализировал соотношение между львовским судебником и различными редакциями армянского права. Необходимо подчеркнуть, что в тот начальный период изучения армянского права, когда историко-юридическая наука располагала очень незначительным количеством доступных текстов, Колер на примере львовского судебногоника показал замечательные достижения армянской юридической мысли XII—XVI вв. Колеру принадлежат примечательные слова, определяющие своеобразие существования армянских юридических институтов в западноевропейской среде: «Это (львовский судебник.— Я. Д.) — документ, который наглядно показал, как при помощи армянского права кусочек Востока показал себя на Западе, кусочек Востока, который был побежден западной юридической жизнью только после столетиями длившейся борьбы»²¹⁸.

²¹⁷ Das Recht der Armenier. «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft». Т. 7. Штуттгарт, 1887, стр. 385—436. Армянский перевод статьи в вышеупомянутом сборнике Г. Галемкеряна (Вена, 1890, стр. 1—58).

²¹⁸ Там же, стр. 392.

Своеобразные и оригинальные памятники армянского права притягивали к себе не только западноевропейских исследователей. Еще в конце 60-х годов XIX в. юридическими отношениями, существовавшими в армянской колонии Каменца-Подольского, занялся крупный русский буржуазный историк государства и права Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов (1838—1916), профессор (с 1875 г.) Киевского университета. В своей магистерской диссертации «Немецкое право в Польше и Литве»²¹⁹ Владимирский-Буданов посвятил отдельную главу армянской юрисдикции XVII—XVIII вв. в Каменце, ее отношению к господствовавшему магдебургскому праву. Владимирский-Буданов показал борьбу «армянской нации» в Каменце за сохранение своих юридических прав и подробно осветил круг компетенций отдельных учреждений армянской юрисдикции (войта, коллегии судей, коллегии сорока мужей). Из-за незнания кипчакского языка, на котором написаны книги армянского суда Каменца-Подольского, Владимирский-Буданов ограничился лишь изучением письменных памятников, написанных на латинском и польском языках.

Более ранний период в юридической жизни армянских колоний на Западной Украине отразил в своих исследованиях украинский буржуазный историк Иван Андреевич Лининченко (1857—1926), про-

²¹⁹ «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 139. СПб., 1868, август, стр. 467—554; сентябрь, стр. 771—809; ч. 140. СПб., 1868, ноябрь, стр. 519—586; декабрь, стр. 772—833. Украинский перевод в двух томах. Львов, 1903—1904.

фессор Одесского университета, работавший в нем и после установления Советской власти на Украине. Линниченко, как один из последователей историко-правовой школы в украинской историографии, посвятил свои работы в основном исследованию юридических и административно-государственных отношений Западной и Правобережной Украины. Уже в одной из первых своих работ — в статье «Брачные разводы в древней Польше и Юго-Западной Руси»²²⁰ — Линниченко обратил внимание на отмечаемые издавна семейные связи между украинцами и армянами (дело о разводе армянки Белки). Значительное место уделил Линниченко армянам Украины в своей докторской диссертации²²¹. Линниченко длительное время работал во львовских архивах, используя документальные материалы по истории западноукраинских армян. Лишь вскользь останавливаясь на вопросе о времени прихода армян на Русь и на их роли в торговой жизни страны, Линниченко дал в своей работе историю львовской армянской общины. Он остановился главным образом на вопросе о юридическом положении армян, не пользовавшихся немецким (магдебургским) правом. Исследователь фиксировал свое внимание на борьбе армян против притеснений польского магистрата, постепенно все больше и больше ограничивавшего юрисдикцию армянских судов. Он подчеркивал общие черты в неравноправном положении

²²⁰ «Юридический вестник». М., 1890, № 12.

²²¹ И. А. Линниченко. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв. М., 1894. Украинский перевод. Львов. 1899.

украинского и армянского населения: армяне (как и украинцы) не могли занимать городских должностей, а жившие вне городских стен подчинялись так называемому русскому праву.

Линниченко в основном правильно определил место армян в общественно-политической и экономической жизни Украины. Тем не менее его слова о том, что «наиболее крупные центры Южной Руси, как Львов, Луцк, Каменец-Подольский обязаны в значительной степени своим богатством, блеском и значением преимущественно армянам»²²², в свете новых исследований нужно считать преувеличением. Вместе с тем, на работах Линниченко сказалась полная неразработанность вопросов истории культуры армянских колоний на Украине. В своей статье «Общественная роль армян в прошлом Юго-Западной Руси»²²³, в общем довольно слабой и поверхностной, повторяющей известные ранее в научной литературе данные, Линниченко пришел к очень одностороннему выводу, что «культурные задачи стоят очень далеко от них (т. е. армян на Украине.— Я. Д.); вся деятельность их вызывается исключительно соображениями экономическими»²²⁴. В этом отношении Линниченко оказался под сильным влиянием концепций Лозинского.

Линниченко — первый из украинских историков установил в конце XIX — начале XX вв. тесные

²²² Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв. М., 1894, стр. 220.

²²³ «Чтения в историческом обществе Нестора-летописца», жн. 9, Киев, 1895, стр. 140—147.

²²⁴ Там же, стр. 147.

связи с армянской научной общественностью; он поддерживал дружественные связи с армянской колонией в Одессе. Работы Линниченко переводились на армянский язык; так, например, глава из его докторской диссертации, посвященная армянам, была напечатана в московском журнале «Գրականական և պատմական հանդես» («Литературное и историческое обозрение») ²²⁵. Упоминаемая выше статья «Общественная роль армян в прошлом Юго-Западной Руси» еще до публикации в «Чтениях» была напечатана в подробном изложении в газете «Արձագանդ» за апрель 1894 г. Дружественные связи Линниченко с армянами находят благоприятный отзыв среди современных армянских историков ²²⁶.

Все вопросы, связанные с исследованием армянского права на Украине, несмотря на достижения отдельных историков права, не вышли за пределы постановки проблемы, углубленной разработкой которой занялись уже специалисты первых десятилетий последующего XX в.

* * *

Упомянутый выше польский историк В. Лозинский — первым из исследователей занялся вопросом о культурном наследии армянской колонии

²²⁵ «Գրականական և պատմական հանդես», 1894, кн. 5.

²²⁶ Л. М. Меликсет-бек. Из истории армяно-украинских отношений в XVIII—XX вв. В брош.: «Научная сессия, посвященная историческим связям и братской дружбе украинского и армянского народов». (Тезисы докладов). Ереван, 1959, стр. 16—17.

во Львове. Правда, и здесь исследовательский метод Лозинского отличался определенной странностью: отправным пунктом своих исследований Лозинский избрал не сохранившиеся памятники армянской старины, а начал со сбора архивных упоминаний об армянских ювелирах и живописцах. На монографиях Лозинского, посвященных львовскому искусству, отразилась общая направленность его исследований — Лозинский был и остался более историком культуры, нежели историком искусства (в узком смысле этого понятия).

На протяжении двух десятилетий Лозинский работал над историей львовского ювелирного искусства. Его работа «Львовское ювелирное искусство в древние времена. 1384—1640»²²⁷, т. е. упоминаемый ранее первый том труда «Древний Львов», нашла свое продолжение в сочинении «Ogólny epilog lwowskiej sztuki złotniczej» («Армянский эпилог львовского ювелирного искусства»), изданном в 1906 г.²²⁸. Хотя, как указывал сам автор, акты городского совета XIV—XVII вв., на которых он базировал свою работу, не отражали полностью (в связи с существованием отдельной армянской юрисдикции, акты которой остались Лозинскому неизвестными) участия армян в разви-

²²⁷ W. Łozinśki. Złotnictwo lwowskie w dawnych wiekach 1384—1640. Львов, 1889.

²²⁸ «Sprawozdanie Komisyi do badania historii sztuki». Т. 7, Краков, 1906, столб. 241—272. Второе издание этих двух работ, посвященных львовскому ювелирному искусству, вышло в свет в одной книге в 1912 г. под заглавием Złotnictwo lwowskie («Львовское ювелирное искусство»).

тии львовского ювелирного искусства, Лозинскому удалось собрать сведения о ряде армянских золотых дел мастеров, работавших в городе. Первые известия о львовских ювелирах вообще относятся к украинским и армянским мастерам. Лозинский выдвинул тезис (получивший развитие в работах других историков искусства) о том, что восточные мотивы, которые нашли свое отражение в работах львовских мастеров, появились на местной почве, в первую очередь, благодаря искусству армянских ремесленников. В словаре львовских ювелиров 1384—1640 гг., вошедшем в состав работы, Лозинский привел сведения о нескольких армянских ювелирах (упоминаемые в 1407 г. мастера Хачатур, Черкас, Кутлубей, Юванис, в 1627 г. — Сефер и др.).

В следующей монографии, посвященной искусству Львова, Лозинский предполагал отразить историю местной живописи. Однако Лозинскому не удалось осуществить этого намерения до конца. Ему удалось опубликовать только небольшой словарь львовских художников XV—XVII в.²²⁹ (составленный на основании архивных материалов), среди которых имеется также несколько армянских мастеров (Богуш, Шимон Богушович, Васько Кeverжович, Кржиштоф Захария Захнович).

²²⁹ Komunikaty o malarzach lwowskich («Сообщения о львовских художниках»). «Sprawozdania Komisji do badania historii sztuki w Polsce». Т. 4. Краков, 1891, стр. LVIII—LX; его же O lwowskich malarzach XVII wieku («О львовских художниках XVII столетия»). Там же, т. 5. Краков, 1896, стр. XLVII—XLIX.

Третья область искусствоведения, в которой Лозинский тоже коснулся вопросов, связанных с прошлым армянской колонии во Львове, это история львовской архитектуры и скульптуры. В монографии «Sztuka lwowska w XVI i XVII w. Architektura i rzeźba» («Львовское искусство в XVI и XVII в. Архитектура и скульптура»)²³⁰ автор осветил сложные порою взаимоотношения между армянскими колонистами, как заказчиками, и итальянскими и немецкими мастерами, как исполнителями этих заказов, как в области монументальной архитектуры (строительство армянского кафедрального собора), так и в области декоративной скульптуры.

Совершенно другой, прямо противоположный метод исследований применил видный искусствовед Ян Болоз-Антоневич (1858—1922), профессор (с 1892 г.) истории нового искусства во Львовском университете, действительный член Краковской Академии наук. Происходивший из древней армянской семьи Պոլլի (полонизированной в XIX в.), Болоз-Антоневич сохранил глубокий интерес к армянскому искусству. Хотя основные научные занятия Болоз-Антоневича развивались в направлении изучения истории искусства эпохи ренессанса, тем не менее, он находил у себя желание и время для исследования армянских памятников (именно, сохранившихся в Западной Украине памятников искусства, в противоположность Лозинскому, который зани-

²³⁰ Wł. Łozński. Sztuka lwowska w XVI i XVII w. Architektura i rzeźba. Львов, 1898. (Второе издание, Львов, 1901).

мался почти исключительно архивными поисками), разрушаемых и уничтожаемых буквально на глазах. Болоз-Антоневич был единственным квалифицированным искусствоведом, который собственными глазами видел памятники армянской гражданской архитектуры в Западной Украине и оставил о них сведения, хотя и довольно скудные.

Во время своих многочисленных путешествий как по Украине, так и по Западной и Восточной Европе Болоз-Антоневич с увлечением собирал материал об армянском искусстве и его связях с украинским. Он занимался копированием памятников армянской эпиграфики XVI—XVII в.²³¹. Эти его разыскания нашли отражение в ряде сообщений, появившихся на страницах научных изданий и ежедневной печати. Из своей поездки в Париж (в 1892 г.) Болоз-Антоневич привез известие о богатой иллюстрированных армянских рукописях XVII в., созданных львовскими армянскими переписчиками и миниатюристами²³². На материале, собранном во

²³¹ Часть собранных эпиграфических и археографических материалов Болоз-Антоневич передал для расшифровки и публикации известному немецкому языковеду и этнографу, профессору сравнительного языковедения в Венском университете Фридриху Мюллеру (1834—1898). Сравни его же *Zwei armenische Inschriften aus Galizien und die Gründungs-Urkunde der armenischen Kirche in Kamenec-Podolsk.*—«Sitzungsberichte der philos.-histor. Klasse der Kais. Akademie der Wissenschaften». Т. 135. Вена, 1896, стр. 1—8 (одинадцатой пагинации).

²³² О bogatym zbiorze rękopisów ormiańskich. («О богатом собрании армянских рукописей»). «Sprawozdanie Komisji do badania historii sztuki w Polsce». Т. 5. Краков, 1896, стр. С.

время поездок по Галиции и Буковине (которые он проводил как член Центральной комиссии по охране памятников старины в Вене), он написал статью, посвященную армянскому гражданскому строительству на Западной Украине²³³.

Постепенно Болоз-Антоневич пришел к обобщающим выводам об искусстве западноукраинских армян, которые в 1895—1896 гг. сообщил научной общественности в серии докладов на заседаниях Исторического общества во Львове и Львовского объединения Комиссии по исследованию истории искусства при Краковской Академии наук. К сожалению, в свое время эти доклады не были напечатаны (хотя автор обещал передать их для публикации). Опубликованы только сокращенные рефераты, в которых отражена лишь обобщающая часть докладов²³⁴. Болоз-Антоневич выдвинул ряд положений, которые, хотя и вызывали в дальнейшем много споров и возражений, явились первым синтезом взглядов на различные проявления армянского искусства на украинской почве. На сохранив-

²³³ Cechy świeckiej architektury Ormian polskich («Особенности архитектуры польских армян»). «Czas», Краков, 1895, № 171.

²³⁴ O sztuce polskich Ormian (architektura, malarstwo, ornamentyka). («Об искусстве польских армян—архитектура, живопись, орнаментика») «Kwartalnik Historyczny». Т. 10, Львов, 1896, стр. 729—730; с г о ж е, O architekturze kościelnej oraz ornamentyce ormiańskiej w Polsce. («Об армянской церковной архитектуре и армянском орнаменте в Польше»). «Sprawozdania Komisji do badania historii sztuki w Polsce». Т. 6. Краков, 1900, стр. XII—XIV.

щемся западноукраинском архитектурном и живописном материале Болоз-Антоневич конкретизировал свои выводы о различии между византийским и армянским искусством и выдвинул теорию об отдельном «армянско-польском искусстве». Он первый из искусствоведов оценил уникальность львовского армянского кафедрального собора XIV в., подобного которому, по его выражению, нет во всей Восточной и Северной Европе. В развитии армянской резной орнаментики на Западной Украине Болоз-Антоневич различал две стадии: первую — с более древним, геометрическим, прямолинейным стилем, возникшим под влиянием архитектуры, и вторую — с световым стилем, воспроизводящим на камне мотивы книжных миниатюр. Он считал, что постепенная денационализация западноукраинских армян нашла свое полное отражение в искусстве и выразилась в исчезновении национального армянского орнамента, поглощенного господствующим в XVIII в. барокко.

Болоз-Антоневич подготовлял к печати несколько научных работ, посвященных, в частности, армянскому собору во Львове и армянскому гражданскому строительству на Западной Украине, однако работы эти, неизвестно почему, так и не увидели света. Возможно, что причиной этого явились отличительные черты характера самого автора. Очень подвижный, способный на оригинальные теории и комбинации, легко воспламеняющийся Болоз-Антоневич брался за самые различные темы по истории искусства, последовательно разработать ко-

которые мешали возникающие в его живом уме все новые и новые проблемы²³⁵.

Арменоведческие интересы Боллоз-Антоневича не ограничивались вопросами искусствоведения. Он принял участие в составлении капитального много-томного издания «Die Österreichisch-Ungarische Monarchie im Wort und Bild» (Вена, 1886—1902 гг.) и в томе, посвященном Галиции, поместил очень живо написанный очерк о западноукраинских армянах²³⁶. В очерке автор изложил не только свои, уже нам известные взгляды на армянское искусство, но и дал краткий обзор истории армянских колоний на Западной Украине. Очень ценно этнографическое описание последней армянской колонии на Западной Украине (просуществовавшей до 30-х годов XX в.) г. Куты. Если не считать описания армянских обычаев и обрядов в Кутах, которое дал известный польский этнограф Оскар Кольберг (1814—1890)²³⁷, очерк Боллоз-Антоневича — единственный подлинный документ своеобразного быта и жизни западноукраинской армянской колонии конца XIX в.

²³⁵ St. T[omkowi]cz]. J. Bołoz-Antoniewicz. «Prace Komisji historii sztuki». Т. 3. Краков, 1923, стр. I—III.

²³⁶ Die Armenier. В кн.: «Die Österreichisch-Ungarische Monarchie im Wort und Bild. Galizien». Вена, 1898, стр. 440—463. Очерк переводился также на другие западноевропейские языки.

²³⁷ Pokucie. Obraz etnograficzny. («Покутье. Этнографическая картина»). Т. 1, Краков, 1882, стр. 353—356.

Исследование культурного наследия армянских колоний на Украине ограничилось в XIX в. лишь областью искусства; другие формы общественного сознания (художественная литература, наука, просвещение) не нашли в то время своих исследователей. Серьезным препятствием в исследовательской работе явились трудности лингвистического порядка. Хотя М. Бжишкян еще в 1830 г. установил, что актовый (и, вместе с тем, разговорный) язык украинских армян XV—XVIII в. существенно отличался и от грабара, и от среднеармянского языка, и от современных западноармянских диалектов²³⁸; расшифровка армянских текстов из Западной Украины длительное время наталкивалась на значительные трудности.

Практически разработка вопросов, связанных с изучением языка украинских армян, началась только после тех значительных успехов, которых достигла армянская филология во второй половине XIX в. (работы А. Айтыняна, Ф. Мюллера, К. П. Патканова, А. Ташяна и др.). Выяснению вопроса о природе языка украинских армян немало способствовали работы талантливого украинского и польского языковеда Ивана Гануша (1859—1887), единственного исследователя живого диалекта армянского языка, употребляемого армянскими колони-

²³⁸ М. Бжишкян привел в своем *Ճանապարհորդութիւն ի Ընկաշտի...* Венеция. 1830, образцы письменности западноукраинских армян (стр. 171—175 и др.).

стами в г. Куты. Работы Гануша, посвященные лексике и фонетике кутского диалекта западноукраинских армян (*Sur la langue des Arméniens polonais. I. Mots recueillis à Kuti*, Краков, 1887 и *Lautlehre der polnisch-armenischen Mundart von Kuty in Gallizien*, Вена, 1889) сыграли при исторических исследованиях значительную вспомогательную роль. Работа Гануша из области армянской диалектологии вместе с ономастическими исследованиями об армянских фамилиях²³⁹ дала основание сделать вывод о том, что последняя волна армянской иммиграции на Западную Украину (XVIII в.), во время которой была создана колония в г. Куты, имела очень немного общего с армянской колонизацией предыдущих столетий. Преждевременная смерть Гануша не позволила ему развернуть исследование западноукраинских памятников армянской письменности XVI—XVII в., которые, как показали дальнейшие исследования, написаны диалектом кипчакского языка.

* * *

По сравнению с тем, что было сделано во второй половине XIX в. для изучения гражданской истории армянских колоний на Западной Украине, их права и искусства, работы по истории армянской церкви, стоявшие в центре исследований XVIII и первой половины XIX в., отодвинулись на задний

²³⁹ Например, *Einige slavische Namen armenischer und türkischer Herkunft*. «Archiv für slavische Philologie». Т. 9. Вена, 1886, стр. 472—477.

план. Характерно и то, что работы из этой области явились, с точки зрения современной исторической науки, наименее объективными. Они носили яркий отпечаток одного из двух враждующих церковных лагерей (католической или православной церкви), в зависимости от того, из какого лагеря вышел автор соответствующего сочинения.

Из многочисленных исследований, посвященных истории армянской и восточных церквей вообще, заслуживают упоминания только некоторые работы, в которых более подробно разрабатывалась история армянской церкви на Западной Украине в XV—XIX вв.

Реакционный государственный деятель царской России, министр внутренних дел и шеф жандармов Дмитрий Алексеевич Толстой (1823—1889) начинал свою служебную карьеру в департаменте духовных дел министерства внутренних дел, где занимался составлением истории иностранных исповеданий России. Результатом этой работы явилось двухтомное сочинение «*Le catholicisme romain en Russie. Études historique*», изданное в Париже в 1864 г.²⁴⁰ Этот псевдонаучный труд должен был явиться оправданием нетерпимой политики царского правительства в области религиозных культов. В связи с этим, страницы, посвященные истории армяно-католической церкви XVIII—XIX вв., в Восточной Подолли имеют только относительную ценность с точки зрения заключенного в них фактического материала.

²⁴⁰ Русское издание, несколько дополненное, вышло в Петербурге в 1876 г.

Поверхностный, компилятивный характер носит работа украинского историка-краеведа и церковного деятеля (в дальнейшем — архиепископа пензенского и саратовского) Митрофана Васильевича Симашкевича, издавшего в 1872 г. в Каменце-Подольском работу «Римское католичество и его иерархия в Подолнии», в которой тоже отводится некоторое место армяно-католической церкви.

Очень бездарной с точки зрения изложения материала (хотя в ней и упоминаются некоторые неизвестные факты) явилась большая работа «Армяне в Подолнии и первая церковь их в городе Каменце, ныне градская церковь православная во имя святителя Николая»²⁴¹ украинского исследователя Моисея Филимоновича Дороновича (1855—1894), занимавшего скромный пост регистратора Подольской духовной консистории в Каменце-Подольском.

Несколько выше этих работ очерк известного армянского ученого-ориенталиста и церковного деятеля Гавриила Константиновича Айвазовского²⁴² (Айвазяна, 1812—1880) «*Երկու եպիսկոպոսի և զանազան դարձրի հաշիվագանդ Էկեցապոսինի և Կաթողիկոսութիւն*» [«Епископ Никол и история обращения армян Польши в католицизм»], изданный в Вагаршапате в 1877 г. Книга Айвазовского, для написания которой он почерпнул сведения из работ Аракела Давриджеци и Минаса Бжишкяна, явилась, по существу,

²⁴¹ В кн.: «Труды Комитета для историко-статистического описания Подольской епархии». Т. 2. Каменец-Подольский, 1878—1879, стр. 161—296.

²⁴² Брат известного художника-мариниста И. К. Айвазовского.

несколько дополненной переработкой его статей, напечатанных ранее в журналах «*Մասկաց Ազգայնի*» (Париж, 1857) и «Радуга» (Феодосия, 1860)²⁴³. В момент издания книги ее автор, обладавший большим опытом научной и публицистической работы, занимал пост ректора духовной академии в Эчмиадзине в сане архиепископа грузино-имеретинской епархии²⁴⁴. Айвазовский стремился в популярной форме осветить события, которые в XVII в. привели к унии армянской церкви на Украине с Римом. Возможно, что на выборе темы очерка отразилась двойственная судьба самого архиепископа, который сменил григорианский обряд на католический для того, чтоб потом снова возвратиться к григорианству, которое, однако, так и не оградило его от преследований, длившихся всю жизнь.

Этим же вопросом занимался известный армянский филолог, член совета при министерстве просвещения России и член учебного комитета Карапет Езян (Г. Эзов). К. Езян издал в Петербурге в 1884 г. книгу «*Բնի միութիւն հայոց Լեհաստանի քնդ եկեղեցւոյն Հոսիմայ*» [«Насильственное объединение армян

²⁴³ *Նիկոլ եպիսկոպոս ե հալածանք նորա քնդդէմ հայկազանց Լեհաստանի* [Епископ Никол и его преследования армян Польши]. «*Մասկաց Ազգայնի*». Париж, 1857, № 1, стр. 3—8; № 3, стр. 49—52; № 4, стр. 73—78; Армянский епископ Николай и армяне в Польше. «Радуга». Феодосия, 1860, № 5, стр. 73—79; № 6, стр. 89—90; № 7, стр. 105—111. Обе статьи анонимны.

²⁴⁴ Г. Караулов. Архиепископ Г. Айвазовский. «Записки имп. Одесского общества истории и древностей». Т. 12. Одесса, 1881, стр. 435—443.

Польши с римской церковью»], в которой были опубликованы ранее неизвестные армянской историографии ценные исторические материалы. В своей книге К. Езян полностью перепечатал упоминаемые выше источники — двадцать восьмую главу из «Книги историй» Аракела Даврижеци, «Краткое сообщение» Л.-М. Пиду де Сент-Олон и анонимное «Пространное сообщение», относящееся ко второй половине XVII в. Оба сообщения были опубликованы в переводе филолога Степана Малхасяна, сделанном с польского перевода, изданного несколько лет ранее профессором Варшавского университета Адольфом Павинским²⁴⁵.

К. Езян явился не просто публикатором ценных исторических материалов. В пространным предисловии к упомянутым выше сообщениям он умело исследовал историю армянских колоний на Западной Украине, обращая главное внимание на насильственное введение унии среди армян. К. Езян метко определил научную ценность опубликованных материалов: «Оба автора начинают свои труды кое-какими сведениями о прежнем политическом положении армян, главным образом об истории нашей церкви. Эти сведения, однако, преимущественно ошибочны или искажены, особенно в тех местах, которые относятся к нашим церковным соборам и известным отцам церкви... Но имеются также интересные сведения о состоянии армян Крыма, Валахии, Украины, Подолли и Польши, о церквях и

²⁴⁵ Dzieje zjednoczenia Ormian polskich z kościołem rzymskim w XVII w. wydał A. Pawiński. Warszawa, 1876.

монастырях, которые находятся в городах, о численности духовных лиц и населения. Упоминаются и обычаи, которые сохранились в народе, например, матах, или жертвоприношение, народ (шнурук) и хманл (амулет)»²⁴⁶.

Наиболее серьезной попыткой научного представления истории армянской церкви на Украине нужно считать обширную работу польского историка церкви Тадеуша Громницкого (1851—1939), профессора (с 1884 г.) канонического права Краковского университета, автора целого ряда работ исторического и юридического характера. Громницкий получил от редакции «*Encyklopedii kościelnej*» («Церковной энциклопедии», выходившей в Варшаве) заказ на написание статьи об армянской церкви на территории исторической Польши. Статья²⁴⁷, написанная на основании глубокого изучения документального материала и добросовестного использования большой литературы, вышла далеко за первоначально предполагаемые пределы и явилась, по существу, сжатым очерком истории западно-украинских армянских колоний XIII—XIX в. При этом главное внимание — в соответствии с профилем энциклопедии и специальностью автора — уделялось истории армянской церкви и вопросам юридического порядка. Громницкий критически подошел к истории львовского армянского епископства

²⁴⁶ Автор настоящего очерка считает своим приятным долгом поблагодарить А. С. Анасяна за сведения о К. Езяне и его книге.

²⁴⁷ *Ormianie w Polsce* («Армяне в Польше»). См.: «*Encyklopedia kościelna*». Т. 17. Варшава, 1891, стр. 392--449.

XV—XVII вв.; установленная им последовательность григорианских епископов (т. е. до перехода епископа Никола Торосовича на унию) до сих пор (с незначительными корректурами, внесенными уже в 30-х годах XX в.) может считаться наиболее достоверной. Хотя Громницкий пришел к довольно странному выводу о том, что «армяне на Украине никогда не играли большой роли из-за своей немногочисленности»²⁴⁸, все содержание его статьи, в которой он дал краткие сведения о 38 армянских колониях на Украине, звучит только как отрицание этого тезиса. Статья Громницкого по своей насыщенности историческим материалом выгодно отличалась от работ его предшественников в области истории армянской церкви. Если отбросить католическую тенденциозность и апологию полонизации армян на Западной Украине, работа Громницкого сохранила определенную ценность и по настоящее время.

На протяжении XVIII—XIX вв. были заложены основы научного исследования прошлого армянских колоний на Западной Украине. Инициатива исследований исходила от самих армян-колонистов (Степаннос Рошка, И.-Ф. Юзефович, И.-Э. Минасович, М. Бжишкян, Ф.-К. Захарнасевич), из среды которых вышел наиболее плодотворный историк колоний на Украине — Садок Баронч. В дальнейшем, осо-

²⁴⁸ Там же, стр. 427.

бенно во второй половине XIX в., в разработку арменоведческих проблем включились украинские, русские, польские, немецкие историки. Во второй половине XIX в. история армянских колоний заняла уже определенное место в украинской историографии как одна из проблем исторического исследования развития городов Украины, причем видное место среди исследователей заняли работы украинских историков (Д. Зубрицкий, И. Шарапевич, В. Площанский, И. Линниченко, Е. Сецинский). Одновременно углубилась историческая проблематика, развивающаяся в нескольких направлениях (история экономики, искусства, права и т. п.) — жизнь армянских колоний была показана более многогранно и всесторонне.

В результате исследований XVIII—XIX вв. были установлены основные факты из истории армянских колоний, был собран большой документальный материал, особенно по истории больших колоний во Львове и в Каменце-Подольском.

Историографии XVIII—XIX вв. в своем развитии пришлось наталкиваться на препятствия; некоторые из них удалось преодолеть только значительно позже. Во-первых, на разработке проблем сказалась разобщенность и отсутствие связей между научными центрами Армении и Украины. Во-вторых, несмотря на значительную документальную базу исследований, много источников, разбросанных в силу исторических обстоятельств на огромном пространстве (начиная Арменией и кончая Парижем, Амстердамом, Венецией), оказалось вне поля зрения историков. В-третьих, исследования

велись, по существу, без изучения очень ценных (особенно для истории культуры и истории права) местных армянских источников XVI—XVII в., недоступных из-за своего языка. Наконец, неравномерность в сохранности источников явилась причиной того, что в первую очередь разрабатывалось прошлое колоний во Львове и в Каменце-Подольском, а в области исследования других колоний было сделано мало. Вместе с тем, наиболее детально исследованными оказались XVII—XVIII вв., т. е. период, по которому сохранился значительный документальный материал на латинском и польском языках, доступных для большинства исследователей.

Большим недостатком нужно считать то, что столь важная проблема, как взаимоотношения между армянским и украинским народами, их дружественные связи, не нашла соответствующего отражения в исторической литературе.

Все это отрицательно сказалось на результатах исследований.

Несомненно, самым существенным недостатком исторических работ явилось отсутствие правильной методологической базы. Дворянские и буржуазные историки уделяли мало внимания вопросам социально-экономического порядка, иногда пытались представить историю армянских колоний лишь как историю армянской церкви. При использовании исследований XVIII—XIX вв. необходимо иметь в виду, что в них всегда, в более или менее завуалированном виде, проявляются дворян-

Дальнейшее развитие исторических исследований в XX в. и, особенно, в советский период привело к заполнению некоторых пробелов, к выдвижению и разработке новых проблем по истории армянских колоний на Украине. Большой фактический материал, отраженный в историографических памятниках XV—XVII вв., а также собранный и систематизированный учеными XVIII—XIX вв., должен найти не только критическое освещение в работах нашего времени — его нужно более обширно использовать в нашей советской историографии.

УЗНАТЬ ДО 1971 г.

ЯРОСЛАВ РОМАНОВИЧ ДАШКЕВИЧ

Армянские колонии на Украине в источниках
и литературе XV—XIX веков

Редактор издательства В. Б. АНДРЕАССИ
Переплет К. ЮТУНДЖЯНА
Технический редактор М. А. КАПЛАНЯН
Корректор Ж. В. НАЛЧАДЖЯН

Изф 00589. РИСО 753. Изд. № 2129. Заказ 342. Тираж 1300
Сдано в набор 9/VII 1962 г. Подписано к печати 20/IX 1962 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печ. л. 11. Уч.-изд. 7,27
Цена с пер. 44 коп.

Типография Издательства АН Армянской ССР,
Ереван, Барскамутян, 24

ՀԱՍ Հիմնարար Գրադ. Փառադ.

FL0269049

P¹¹
485756